

Стефан Цвейг Жозеф Фуше

Предисловие

Жозефа Фуше, одного из могущественнейших людей своего времени, одного из самых примечательных людей всех времен, не любили современники и еще менее зерно судили о нем потомки. Наполеон на острове св.Елены, Робеспьер, обращаясь к якобинцам, Карно, Баррас, Талейран¹ в своих мемуарах, все французские историки – будь то роялисты, республиканцы или бонапартисты, – едва дойдя до его имени, начинали писать желчью. Предатель по натуре, жалкий интриган, пресмыкающийся льстец, профессиональный перебежчик, подлая полицейская душонка, презренный, безнравственный человек – нет такого клеймящего, такого бранного слова, которым бы его обошли; ни Ламартин, ни Мишле, ни Луи Блан² не делают серьезной попытки изучить его характер, или, вернее, упорное, поразительное отсутствие характера. Подлинные очертания его облика появляются впервые в монументальной биографии Луи Мадлена³ (которой этот труд, равно как и другие исследования, посвященные этому вопросу, обязаны большей частью фактического материала); история же совершенно спокойно отодвигала в задние ряды незначительных статистов этого человека, руководившего в эпохи смены двух миров всеми партиями и оказавшегося единственным среди политиков уцелевшим в бурях тех лет, человека, победившего в психологическом поединке таких людей, как Наполеон и Робеспьер. Иногда его образ мелькает в пьесе или оперетке, посвященных Наполеону, но в большинстве случаев он фигурирует там в затасканной схематической маске прожженного министра полиции, этакого предтечи Шерлока Холмса: в плоском изображении роль закулисного деятеля всегда превращается во второстепенную роль.

Только один человек с высоты собственного величия увидел и все своеобразное величие этой единственной в своем роде фигуры: то был Бальзак. Этот большой и проницательный ум, видевший не только внешний покров событий эпохи, но и всегда заглядывавший за кулисы, прямо признал Фуше самым интересным в психологическом отношении характером своего века. Бальзак, привыкший рассматривать в своей химии чувств все страсти, как бы они ни назывались – героическими или низменными, – как совершенно равноценные элементы, в одинаковой мере интересовавшийся и совершенным преступником вроде Вотрена и гением нравственности вроде Луи Ламбера, не делал различия между нравственным и

¹ *Карно Лазар Никола Маргерит* (1753–1823) – член Законодательного собрания, затем Конвента. В Комитете общественного спасения занимался организацией борьбы с интервентами и роялистами, а также руководил военными действиями. В 1795–1799 гг. – член Директории. Во время «Ста дней» (1815) – министр внутренних дел. При Людовике XVIII был изгнан из Франции.

Баррас Поль Жан Франсуа де (1755–1829) – депутат Учредительного собрания, затем член Конвента, участник термидорианского переворота, член Директории, содействовал приходу Наполеона к власти.

Талейран Перигор Шарль Морис де, князь Беневентский (1754–1838), епископ Отена – депутат Учредительного собрания, министр иностранных дел в период Директории (1797–1799), в период Консульства и Империи (1799–1807), при Людовике XVIII (1814–1815), глава французской делегации на Венском конгрессе (1814–1815), один из самых знаменитых дипломатов в истории Европы.

² *Ламартин Альфонс* (1790–1869) – французский писатель-романтик, политический деятель, автор стихов и поэм, а также труда «История жирондистов» (1847), в котором критиковал якобинцев.

Мишле Жюль (1798–1874) – французский историк романтического направления, автор «Истории Франции» (до 1789 г.) и многотомной «Истории Французской революции», изданной в 1847–1853 гг.

Блан Луи (1811–1882) – французский политический деятель, социалист-утопист, историк, один из авторов многотомной «Истории Французской революции», изданной в середине XIX в.

³ *Мадлен Луи* – французский историк, автор двухтомной биографии Фуше и 16-томной «Истории Консульства и Империи».

безнравственным, но, оценивая человека только по силе воли и напряженности его страсти, извлек именно этого, самого презренного, самого презираемого деятеля революции и империи, из тени, в которой тот нарочито скрывался. Он называет этого *singulier genie*⁴ единственным настоящим министром Наполеона и «la plus forte tete que je connaisse»⁵, а в другом месте – «одной из тех личностей, у которых под поверхностью скрыта такая глубина, что они остаются непроницаемыми, пока действуют сами, и могут быть поняты только впоследствии». Это совсем не похоже на моралистические презрительные отзывы историков. И в своем романе «Une tenebreuse affaire»⁶ он посвящает этому «сумрачному, глубокому и необычному уму, который так мало известен», особую страницу. «Своеобразная гениальность, – пишет он, – столь ужаснувшая Наполеона, обнаружилась у Фуше не сразу. Этот незаметный член Конвента⁷, один из самых выдающихся и непонятных людей своего времени, сложился и вырос в бурях революции. При Директории⁸ он достиг тех вершин, с которых люди глубокого ума получают возможность предвидеть будущее, основываясь на опыте прошлого; затем вдруг – подобно посредственным актерам, которые под влиянием какой-то внезапно вспыхнувшей искры становятся гениальными, – проявил поразительную изворотливость во время молниеносного переворота 18 брюмера. Этот бледнолицый человек, воспитанный в духе монашеской сдержанности, посвященный в тайны монтаньяров, к которым он принадлежал, и в тайны роялистов, к которым в конце концов примкнул, долго и незаметно изучал людей, их нравы и борьбу интересов на политической арене; он проник в замыслы Бонапарта, давал ему полезные советы и ценные сведения. В то время ни прежние, ни новые его коллеги и не подозревали всей широты его таланта чисто административного и в глубоком смысле слова государственного, так был велик его дар почти неправдоподобной проницательности и безошибочного предвидения». Так говорит Бальзак. Его похвалы впервые привлекли мое внимание к Фуше, и в течение многих лет меня время от времени занимал образ человека, которым восхищался Бальзак, говоря, что «он имел большую власть над людьми, чем сам Наполеон». Но Фуше как в жизни, так и в истории, умел оставаться на заднем плане: он неохотно позволяет заглянуть себе в глаза и в карты. Почти всегда он в центре событий, в центре партий; он действует незримо, скрытый под анонимным покровом своей должности, как механизм в часах; лишь изредка, в смятении событий, на самых крутых поворотах его пути, удается уловить мимолетный абрис его лица. И вот что еще более странно. На первый взгляд ни один из этих схваченных на лету обликов Фуше не похож на другой. С некоторым трудом представляешь себе, что тот же самый человек, с той же кожей и с теми же волосами, был в 1790 году учителем монастырской школы, а в 1792 году уже реквизировал церковное имущество; в 1793 году был коммунистом, а пять лет спустя стал миллионером и через десять лет герцогом Отрантским. Но чем смелее становился он в своих превращениях, тем интереснее был для меня характер, или, вернее, бесхарактерность, этого самого совершенного макиавеллиста нового времени, тем больше увлекала меня вся его скрытая на заднем плане и окутанная тайной политическая жизнь, все более своеобразным, даже демоническим являлся

⁴ гения, единственного в своем роде (*фр.*)

⁵ самым умным человеком, которого я знаю (*фр.*)

⁶ «Темное дело» (*фр.*)

⁷ *Конвент* – высший законодательный орган Первой Французской республики. Действовал с 21 сентября 1792 г. по 26 октября 1795 г. До мая 1793 г. им руководили жирондисты, с июня 1793 г. – якобинцы. После переворота в июле 1794 г. Конвент стал термидорианским и подготовил переход к режиму Директории.

⁸ *Директория* – правительство Французской республики (из пяти директоров) с ноября 1795 до ноября 1799 г., выражало интересы крупной буржуазии. Прекратило существование после наполеоновского переворота 18 брюмера.

мне его образ. Так совершенно неожиданно для себя, побуждаемый радостью чисто психологических исследований, взялся я писать историю Жозефа Фуше, надеясь этим сделать вклад в еще не существующую и в то же время совершенно необходимую биологию дипломатов, этой еще почти не исследованной опаснейшей духовной расы современности.

Подобное жизнеописание насквозь безнравственной личности, даже столь своеобразной и значительной, как Жозеф Фуше, – я и сам сознаю это – противоречит потребностям нашей эпохи. Ей нужны и приятны героические биографии, потому что в ней маловато политически творческих образов вождей, что побуждает искать высокие примеры в прошлом. И я вовсе не умаляю вдохновляющего, укрепляющего, возвышающего влияния героических биографий. Со времен Плутарха⁹ они необходимы для подрастающего поколения, для юношества всех эпох. Но именно в политическом отношении они таят опасность искажения истории, создавая впечатление, что в те давние, да во все времена подлинно возвышенные натуры якобы определяют судьбы мира. Несомненно, герой уже самым фактом своего существования способен на десятки и сотни лет завладеть духовной жизнью людей, но только духовной жизнью. В реальной, в подлинной жизни, в области действия политических сил решающее значение имеют – и это необходимо подчеркнуть, чтобы предостеречь от любых видов политической доверчивости, – не выдающиеся умы, не носители чистых идей, а гораздо более низменная, но и более ловкая порода – закулисные деятели. В 1914 и 1918 годах мы были свидетелями того, как решение вопросов всемирного значения, вопросов войны и мира, определялось не разумом и сознанием ответственности, а людьми, скрывающимися за кулисами, людьми сомнительной нравственности и небольшого ума. И ежедневно мы снова убеждаемся, что в нечистой и часто кощунственной политической игре, которой народы все еще простосердечно веряют своих детей и Свою будущность, руководят не люди с широким нравственным кругозором, не люди непоколебимых убеждений, а те профессиональные азартные игроки, которых мы называем дипломатами, искусники, обладающие ловкостью рук, пусторечьем и хладнокровием. Если в самом деле, как уже сто лет тому назад сказал Наполеон, политика стала *la fatalite moderne*, современным роком, то мы, в целях самообороны, попытаемся разглядеть за этой силой людей и тем самым понять опасную тайну их могущества. Пусть же это жизнеописание Жозефа Фуше будет вкладом в типологию политического деятеля.

Зальцбург, осень 1929 г.

1. Восхождение (1759–1793)

Тридцать первого мая 1759 года Жозеф Фуше – отнюдь еще не герцог *Отрантский* ! – родился в портовом городе Нанте. Его родители принадлежали к семьям моряков и купцов, его предки были моряками, поэтому казалось само собой разумеющимся, что и наследник их будет мореплавателем, купцом, странствующим по морям, или капитаном. Но уже в ранние годы обнаруживается, что этот худой, высокий, малокровный, нервный, некрасивый мальчик не приспособлен к столь тяжелой и в ту пору еще действительно героической профессии. Уже в двух милях от берега он начинает страдать морской болезнью; стоит ему четверть часа побегать или поиграть с товарищами – он устает. Что предпринять с таким неженкой? – спрашивают себя родители; они озабочены, ибо в 1770 году во Франции нет еще достаточно простора для духовно уже пробудившейся и нетерпеливо пробивающей себе дорогу буржуазии. В судах, в канцеляриях, в любом учреждении самые жирные куски достаются дворянству; для придворной службы нужен графский герб или крупное поместье; даже в армии поседевший на службе буржуа не продвигается выше капральского чина. Третье сословие еще никуда не допускается в плохо управляемом, развращенном королевстве; неудивительно, что четверть века спустя оно станет кулаками добиваться того, в чем слишком долго отказывали его смиренно протянутой

⁹ *Плутарх* (ок.45 – ок.127) – греческий писатель-моралист и историк. Главный его труд, получивший широчайшую известность в Европе, – «Сравнительные жизнеописания», содержащий биографии около 50 выдающихся исторических деятелей Древней Греции и Рима.

Руке.

Остается только церковь. Эта тысячелетняя держава, бесконечно превосходящая всех правителей в понимании мира, рассуждает умнее, демократичнее и шире. Она всегда находит место для способных и принимает в свое незримое царство представителей самых низких сословий. Жозеф уже мальчиком, на школьной скамье ораторианцев¹⁰, отличается прилежанием. Когда он заканчивает образование, монахи охотно предоставляют ему кафедру преподавателя математики и физики, должность надзирателя и инспектора. Едва достигнув двадцати лет, он получает в этом ордене, который со времени изгнания иезуитов¹¹ руководил католическим воспитанием во всей Франции, должность и звание, правда, жалкие, без особых надежд и видов на повышение, но все же в школе, где он и сам себя воспитывает, где, обучая, учится сам.

Он мог бы пойти дальше, стать патером, а быть может, со временем даже епископом или кардиналом, если бы дал монашеский обет. Но для Жозефа Фуше типично, что уже на этой первой, самой низшей ступени его карьеры обнаруживается характерная черта его существа – нежелание бесповоротно навсегда связывать себя с кем бы или с чем бы то ни было. Он носит, священническое облачение и тонзуру, он соблюдает монастырский режим вместе с остальными патерами, в течение всех десяти лет своего пребывания у ораторианцев, он ничем не отличается от священнослужителя, ни внешне, ни внутренне. Но он не принимает пострижения, не дает обета. Как всегда, во всех положениях, он не отрезает себе пути к отступлению, сохраняет возможность переменить ориентацию. Он и служению церкви отдается лишь временно, не целиком, так же как впоследствии он отдавался революции, Директории, консульству, империи или королевству; даже богу, а тем более человеку, не дает Жозеф Фуше обета верности на всю жизнь.

Десять лет, от двадцатого до тридцатого года жизни, бродит этот бледный, необщительный полусвященник по монастырским коридорам и тихим трапезным. Он преподает в Ниоре, Сомюре, Вандоме, Париже, едва ощущая перемену места, ибо жизнь монастырского учителя во всех городах протекает одинаково тихо, бедно и незаметно, всегда за немymi стенами, в стороне от событий. Двадцать, тридцать, сорок школьников, обучаемых латыни, математике и физике, – бледные, одетые в черное мальчики, которых водят к обедне и стерегут в дортуаре, – чтение научных книг в одиночестве, скудные трапезы, жалкое вознаграждение, черное поношенное платье, скромное монашеское существование. Словно в оцепенении, вне действительности, вне времени и пространства, бесплодно и бесстрастно прошли эти десять тихих, затененных лет.

Однако эти десять лет монастырской школы научили Жозефа Фуше многому, что пошло на пользу будущему дипломату, – главным образом технике молчания, важнейшему искусству скрывать свои мысли, мастерству познания душевного мира человека и его психологии. Тому, что всю жизнь, даже в минуты страстных порывов, он владеет каждым мускулом своего лица, тому, что никогда не удастся обнаружить признаков гнева, озлобления, волнения в его неподвижном, словно окаменевшем в молчании лице, тому, что он одинаково ровным, монотонным голосом спокойно произносит и самые обыденные, и самые ужасные слова, и одинаково бесшумными шагами проходит и в покои императора и в неистовствующее народное собрание, – своей неподобной выдержкой и самообладанием он обязан годам, проведенным в монастырских трапезных; еще задолго до того, как он вступил на подмостки мировой сцены,

¹⁰ Орден ораторианцев, основанный в 1550 г. в Риме, развернул свою активную деятельность во Франции с 1611 г.

¹¹ Иезуитский орден был запрещен во Франции в 1764 г.

его воля была воспитана дисциплинарными упражнениями последователей Лойолы¹² и речь его отшлифована тысячелетним искусством проповедей и религиозных диспутов. Быть может, не случайно все три великих дипломата французской революции – Талейран, Сийес¹³ и Фуше – вышли из монастырской школы, став тончайшими психологами задолго до появления на трибуне. Древнейшая общая традиция, далеко выходящая за пределы их личных судеб, придает в решительные минуты их обычно столь противоположным характерам известное сходство. У Фуше к этому присовокупляется еще и железная спартанская самодисциплина, отвращение к роскоши и блеску, умение скрывать свою личную жизнь и свои чувства; нет, годы, проведенные Фуше в сумраке монастырских коридоров, не потеряны даром, он бесконечно многому научился, пока был учителем.

За монастырскими стенами, в самой строгой изоляции, воспитывается и развивается этот своеобразный гибкий и беспокойный дух, овладевая высоким мастерством в постижении человеческой психологии. Долгие годы он вынужден действовать лишь незаметно в самом тесном церковном кругу, но во Франции уже в 1778 году начался тот общественный ураган, который проникал и за монастырские стены. В монашеских кельях ораторианцев так же спорят о Человеческих правах, как и в масонских клубах, новое по своему качеству любопытство влечет монахов навстречу буржуа так же, как любопытство преподавателя физики и математики влечет его к удивительным открытиям тех времен, к монгольфьерам – первым летательным машинам, к замечательным изобретениям в области электричества и медицины. Духовенство ищет сближения с образованным обществом, и вот в Аррасе оно осуществляется в очень своеобразном кружке под названием «Розати» – нечто вроде «Шлараффиа», – в котором интеллигенция города общается в обстановке непринужденного веселья. Нет ничего особенно замечательного в этих собраниях: скромные буржуа декламируют стишки или произносят речи на литературные темы, военные смешиваются со штатскими, и там же охотно принимают монастырского учителя Жозефа Фуше, так как он может рассказать о новейших достижениях физики. Он часто проводит там время в кругу приятелей и слушает, как, например, капитан инженерных войск Лазар Карно читает шуточные стихи собственного сочинения или бледный, тонкогубый адвокат Максимильен де Робеспьер (он тогда еще гордился своим дворянством) держит за столом цветистую речь в честь общества «Розати». Ибо в провинции еще наслаждаются последним дыханием философствующего восемнадцатого века: господин де Робеспьер вместо смертных приговоров спокойно пописывает изящные стишки, швейцарский врач Марат сочиняет не суровые коммунистические манифесты, а слащавый сентиментальный роман, и где-то в провинции маленький лейтенант Бонапарт трудится над новеллой – подражанием Вертеру. Все грозы еще незримы за Чертой горизонта.

Какая игра судьбы: именно с этим бледным, нервным, безудержно честолюбивым адвокатом де Робеспьером больше всего подружился монастырский учитель; им уже даже предстоит породниться, ибо Шарлотта Робеспьер, сестра Максимильена, собирается отвлечь учителя школы для ораторианцев от мысли о духовном сане, – повсюду болтают об их помолвке. Почему, в конце концов, этот брак не состоялся, остается тайной, но, быть может, именно здесь скрыт корень той ужасной, ставшей исторически значимой, взаимной ненависти этих двух людей, которые некогда дружили, а затем вступили в борьбу не на жизнь, а на смерть. Но в ту пору они еще не знали ни о якобинстве, ни о ненависти. Напротив: когда Максимильена де Робеспьера посылают в Версаль депутатом в Генеральные штаты, чтобы он принял участие в составлении проекта нового государственного строя Франции, то именно полумонах Жозеф Фуше ссужает тщедушного адвоката де Робеспьера деньгами на дорогу и на

¹² Лойола Игнатий (1491–1556) – испанский дворянин, основатель католического монашеского ордена иезуитов (1534).

¹³ Сийес Эманюэль Жозеф (1748–1846) – аббат, один из основателей Якобинского клуба, депутат Учредительного собрания, член Конвента, член Директории, после переворота 18 брюмера – один из консулов. В 1816–1830 гг. находился в изгнании.

новый костюм. Характерно, что Фуше держит ему, как впоследствии многим; другим, стремя, когда тот готовится к скачку в мировую историю. Но именно он же в решительный момент предаст своего прежнего друга и беспощадно низвергнет его.

Вскоре после отъезда Робеспьера на собрание Генеральных штатов, которое потрясло самые основы Франции, ораторианцы устраивают в Аррасе свою маленькую революцию. Политика проникает в монастырские трапезные, и умный Жозеф Фуше, всегда предугадывающий перемену ветра, разворачивает паруса. По его предложению в Национальное собрание посылается депутация, дабы выразить третьему сословию симпатии духовенства. Но обычно столь осторожный, Фуше на этот раз несколько поторопился. Начальство, не имея возможности наказать его по-настоящему, переводит его в виде наказания в Нант, в подобную же школу, где он еще мальчиком изучал основы наук и познания человека. Но теперь он опытен и зрел, его уже не увлекает преподавание подросткам таблицы умножения, геометрии и физики. Знаток ветров, он почуял, что стране грозит социальный ураган, что политика властвует над миром; итак – с головой в политику! Одним движением он сбрасывает сутану, дает зарости тонзуре и уже не преподает школьникам, а произносит политические проповеди добрым нантским буржуа. Учреждается клуб – карьера политических деятелей всегда начинается на такой пробной трибуне ораторского искусства, – и вот уже через несколько недель Фуше – президент общества «Amis de la-Constitution»¹⁴ в Нанте. Он хвалит прогресс, но очень осторожно, очень сдержанно, ибо стрелка политического барометра в этом купеческом городе стоит на «умеренно»: в Нанте не любят радикализма, потому что опасаются за кредиты и прежде всего заботятся о хорошей торговле. Получая жирные прибыли от колоний, там не терпят фантастических прожектов вроде освобождения рабов, поэтому Жозеф Фуше сочиняет патетическое послание Конвенту против уничтожения торговли рабами, за это он, правда, получает взбучку от Бриссо; но это не роняет его во мнении более узких буржуазных кругов. Чтобы своевременно укрепить свою политическую позицию среди буржуазии (будущих избирателей), он торопится взять в жены дочь состоятельного купца – безобразную девицу, но с хорошим приданым; он стремится быстро и всецело стать буржуа в эпоху, когда – он это предвидит – третье сословие будет господствующим.

Все это – та же подготовка к достижению основной цели. Едва успели объявить о выборах в Конвент, как бывший монастырский преподаватель выставляет свою кандидатуру. Как поступает каждый кандидат? Он прежде всего обещает своим добрым избирателям все, что они хотели бы слышать. Итак, Фуше клянется заботиться о торговле, защищать собственность, уважать законы; он гораздо многословнее обрушивается на зачинщиков беспорядков (ибо ветер в Нанте дует сильнее справа, чем слева), чем на старый режим. И вот действительно в 1792 году его избирают депутатом Конвента, и трехцветная кокарда депутата надолго заменяет скрытую, но тайно хранимую тонзуру.

Ко времени выборов Жозефу Фуше минуло тридцать два года. Его никак нельзя назвать красивым мужчиной. Худое, высохшее, почти бесплотное тело, узкое костлявое лицо с резкими чертами безобразно и неприятно. Острый нос, резко очерченные, тонкие, всегда сжатые губы, холодные, рыбы глаза под тяжелыми сонными веками, серые, кошачьи зрачки, похожие на круглые стекляшки. Все в этом лице, все в этом человеке словно страдает недостатком живой плоти: он выглядит как человек при свете газа: блеклый, зеленоватый. Нет блеска в глазах, нет чувственной силы в движениях, нет металла в голосе. Тонкие пряди волос, рыжеватые, еле заметные брови, пепельно-бледные щеки. Кажется, что не хватило красок, чтобы придать здоровый цвет его лицу; этот крепкий, необычайно работоспособный человек всегда производит впечатление усталого, больного, немощного.

¹⁴ «Друзья Конституции» (фр.)

Каждому, кто смотрит на него, представляется, что в жилах его не может течь горячая красная кровь. И в самом деле: он и по характеру принадлежит к пороге холоднокровных. Ему неведомы грубые, сокрушительные порывы страстей, его не соблазняют ни женщины, ни азартные игры, он не пьет вина, не любит мотовства, не знает радости телесных упражнений – спорта; он живет в комнатах среди актов и бумаг. Никогда не обнаруживает он гнева, никогда на лице его не затрепещет ни один мускул. Лишь едва заметная улыбка, иногда вежливая, иногда насмешливая, играет на этих тонких бескровных губах; никто не заметит под этой глинисто-серой, вялой маской признаков действительного волнения, никогда спрятанные под тяжелыми воспаленными веками глаза не выдадут ни его намерений, ни хода его мыслей.

В этом непоколебимом хладнокровии – основная сила Фуше. Нервы не властны над ним, чувства его не соблазняют, вспышки страстей скрыты непроницаемой стеной лба. Он отлично владеет собой и зорко следит при этом за ошибками других; он предоставляет другим истощать себя страстями и терпеливо ждет, пока они истощатся или, потеряв самообладание, не обнаружат слабого места, и тогда он наносит беспощадный удар. Ужасно это превосходство его равнодушного терпения: тот, кто так умеет выжидать и скрываться, тот проведет и самого искушенного противника. Фуше умеет быть спокойным слугою: не моргнув глазом, выслушивает он самые грубые оскорбления, с холодной улыбкой переносит самые позорные унижения; его хладнокровия не могут поколебать ни угрозы, ни гнев. Робеспьер и Наполеон – оба разбиваются об это каменное спокойствие, как волна о скалу; три поколения, целый народ бушует в приливах и стихает в отливах страстей, а он хладнокровно и гордо остается единственным, кто бесстрашен.

В этом хладнокровии – подлинный гений Фуше. Его плоть не удерживает и не увлекает его, она просто участвует в дерзких играх духа. Ни кровь, ни чувство, ни душа, ни одна из этих вносящих смятение элементов сознания и ощущений настоящего человека не имеют значения для этого втайне азартного игрока, у которого все страсти сосредоточены в мозгу. Потому что в этом сухом, кабинетном человеке живет порочная склонность к авантюрам и его главная страсть – интрига. Но он утоляет ее только игрой ума; и то жуткое наслаждение, которое доставляют ему смуты и склоки, он всего гениальнее, всего лучше скрывает под внешностью добросовестного и дельного чиновника – этой маской он прикрывается в течение всей своей жизни. Из глубины кабинета он распускает нити паутины; укрываясь за актами и канцелярскими ведомостями, он наносит смертельные удары неожиданно и незаметно – в этом его тактика. Нужно очень пристально и глубоко заглянуть в историю, чтобы в зареве революции, в легендарном сиянии Наполеона заметить его присутствие, таким он кажется скромным и несущественным, тогда как на самом деле его деятельность была всеобъемлющей и определяющей эпохой. Всю жизнь он остается в тени, но зато переживает три поколения. Еще долго после того, как пали Патрокл, Гектор и Ахилл, живет хитроумный Одиссей¹⁵. Его талант переиграл гения, его хладнокровие долговечнее страстей.

Утром 21 сентября члены только что избранного Конвента впервые вступают в зал заседаний. Уже не так торжествен, не так пышен прием, как три года тому назад на первом Законодательном собрании. Тогда стояло еще посреди зала роскошное кресло, крытое шелком, расшитое белыми лилиями, – место короля. Когда он вошел, все собрание, почтительно встав, приветствовало появление помазанника. Теперь его замки, Бастилия и Тюильри, разрушены, и нет больше короля во Франции; просто некий толстый господин – Людовик Капет, как его называют грубые тюремные надзиратели и судьи, – скучает в качестве простого гражданина в

¹⁵ *Патрокл, Гектор, Ахилл, Одиссей* – персонажи «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Греческие герои Ахилл и Патрокл, троянец Гектор олицетворяют воинскую доблесть и совершают подвиги – на поле брани, где все трое в конце концов погибают. Одиссей, не уступающий им в храбрости, наделен еще чрезвычайно сметливым умом, помогающим ему не только побеждать в схватках, но и умело уходить от опасности, благодаря чему ему удается избежать смерти в боях под Троей и при возвращении на родину.

Тампле и ждет приговора. Вместо него в стране теперь властвуют семьсот пятьдесят человек, поселившихся в его собственном доме. Позади председательского стола высится новая скрижаль закона – гигантскими буквами написанный текст конституции; стены зала украшает зловещий символ – дикторский пучок розог и смертоносный топор.

На галереях собирается народ и с любопытством рассматривает своих представителей. Семьсот пятьдесят членов Конвента не спеша вступают в королевский дом. Странная смесь всех сословий и профессий: безработные адвокаты рядом с блестящими философами, беглые священники рядом с воинами, обанкротившиеся авантюристы рядом со знаменитыми математиками и галантными поэтами; как осадок со дна стакана, который сильно встряхнули, так и во Франции революция подняла наверх все, что было внизу. Теперь настала пора разобраться в хаосе.

Уже в размещении депутатов проявилась первая попытка водворить порядок. В зале, расположенном амфитеатром, и таком тесном, что противники сталкиваются лбами, обдавая друг друга горячим дыханием враждебных речей, внизу сидят спокойные, просвещенные, осторожные – *marais* – болото, так насмешливо называют тех, кто сохраняет бесстрастность при любых решениях. Бурные, нетерпеливые, радикальные занимают места на самых верхних скамьях, на «горе», последние ряды которой примыкают к галерее, словно символизируя этим, что за их спиной стоят массы, народ, пролетариат.

Эти две силы не уступают друг другу. Между ними, в приливах и отливах, бушует революция. Для буржуазии, для умеренных создание республики уже завершено созданием конституции, устранением короля и дворянства, передачей прав третьему сословию: они охотно запрудили бы и остановили напирющее из низов течение, чтобы защитить то, что уже добыто. Их вожди – Кондорсе, Ролан¹⁶, жирондисты – это представители интеллигенции и среднего сословия. Но люди «горы» хотят, чтобы могучая революционная волна устремлялась все дальше, чтобы смести все отсталое, все сохранившееся от старого строя; они – Марат, Дантон, Робеспьер, эти вожди пролетариата, стремятся к *la revolution integrale*, к полной радикальной революции, к атеизму и коммунизму. Низвергнув короля, они хотят низвергнуть деньги и бога – древнюю опору государства. Чаши весов тревожно колеблются между обеими партиями. Если победят жирондисты, умеренные, революция постепенно вырождается в реакцию, сперва либеральную, а потом консервативную. Если победят радикалы, они ринутся в пучины и водовороты анархии. Торжественная гармония первого часа не обманывает никого из присутствующих в роковом зале; каждый знает, что здесь скоро начнется борьба не на жизнь, а на смерть, борьба умов а сил. И то, какое место занимает депутат: внизу, в долине, или наверху, на горе, – уже заранее говорит о его решении.

В числе семисот пятидесяти торжественно вступающих в зал развенчанного короля молча входит с трехцветным шарфом народного представителя через плечо Жозеф Фуше, депутат из города Нанта. Тонзура уже заросла, духовное облачение давно сброшено; как и все здесь, он носит гражданское платье без всяких украшений.

Где займет место Жозеф Фуше? Среди радикалов, на горе, или с умеренными, в долине? Жозеф Фуше раздумывает недолго; он признает только одну партию, которой остается верен до конца: ту, которая сильнее, партию большинства. И на этот раз он взвешивает и подсчитывает про себя голоса: он видит – в данный момент сила еще на стороне жирондистов, на стороне умеренных. Поэтому он садится на их скамьи, рядом с Кондорсе, Роланом, Серваном¹⁷, с теми,

¹⁶ *Кондорсе Жан Антуан Никола Коршиот* (1743–1794) – философ и математик, секретарь Французской академии, депутат Законодательного собрания, член Конвента, примкнул к жирондистам, был арестован и покончил в тюрьме самоубийством.

Ролан де ла Платьер Жан Мари (1734–1793) – министр внутренних дел при жирондистах, после казни короля ушел в отставку и вскоре покончил с собой.

¹⁷ *Серван Жозеф* (1741–1808) – генерал, военный министр при жирондистах.

что занимают министерские посты, влияют на все назначения и распределяют прибыли. В их среде он чувствует себя уверенно, среди них занимает он место.

Но когда он случайно обращает взор наверх, где заняли места их противники-радикалы, он встречает строгий, недоброжелательный взгляд. Его друг, Максимильтен Робеспьер, адвокат из Арраса, собрал там своих соратников и, гордясь своей стойкостью, никому не прощающей колебаний и слабости, холодно и насмешливо лорнирует оппортуниста. В этот миг испарился остаток их дружбы. С тех пор при каждом движении, при каждом поступке чувствует Фуше за спиной этот немилосердно испытывающий, строго наблюдающий взор вечного обвинителя, неумолимого пуританина – и твердо помнит, что следует быть осторожным.

Осторожным; едва ли кто-нибудь бывает осторожнее, чем он. В протоколах заседаний первых месяцев вовсе не встречается имени Жозефа Фуше. В то время как все члены Конвента неистово и тщеславно теснятся к ораторской трибуне, вносят предложения, держат пылкие речи, обвиняют и нападают друг на друга, депутат от Нанта ни разу не подымается на возвышение. Дескать, слабый голос мешает ему выступать публично – таковы его объяснения своим друзьям и избирателям. И так как все другие наперебой, жадно и нетерпеливо требуют слова, молчание этого мнимого скромника вызывает только симпатию.

Но в действительности его скромность – это расчет. Бывший физик вычисляет параллелограмм сил, он наблюдает, он не спешит высказать свою точку зрения, видя, что чаши весов еще колеблются. Он предусмотрительно откладывает решительное выступление до той минуты, пока окончательно не выяснится, на чьей же стороне перевес. Главное – не раскрывать себя, не обнаружить преждевременно свою позицию, не связать себя навсегда! Ведь еще не ясно – двинется ли революция вперед или отхлынет назад: истинный сын моряка, он ждет попутного ветра, чтобы оказаться на гребне волны, и до времени задерживает свой корабль в гавани.

Кроме того, еще в Аррасе, за монастырской стеной, он наблюдал, как быстро изнашивается популярность в эпоху революции, как быстро голос народа переходит от «осанны» к «распни его». Все или почти все из тех, кто выдвинулся в эпоху Генеральных штатов и Законодательного собрания, сегодня забыты или вызывают ненависть. Прах Мирабо¹⁸, вчера еще покоившийся в Пантеоне¹⁹, сегодня с позором удален оттуда; Лафайет²⁰, еще несколько недель тому назад торжественно провозглашенный отцом отечества, сегодня уже объявлен предателем; Кюстин, Петион²¹, несколько недель тому назад окруженные ликующей толпой, теперь боязливо прячутся в тени. Нет, только бы не выдвинуться слишком рано, не определиться слишком быстро, предоставить сперва другим истощиться и

¹⁸ *Мирабо Оноре Габриель Рикетти*, граф (1749–1791) – один из вождей третьего сословия, выдающийся оратор, сторонник конституционной монархии. Был похоронен в Пантеоне. Но после того как обнаружили его тайные связи с королевской семьей, прах его был извлечен оттуда.

¹⁹ *Пантеон* (от греч. Pantheon) – место, посвященное всем богам. Построен в 1790 г. по проекту архитектора Ж.-Ж.Суффло (1713–1780) как храм святой Женевиевы, считавшейся покровительницей Парижа. В 1791 г. превращен в усыпальницу великих людей Франции. Первым в нем захоронен был Мирабо, затем – Марат. Туда же перенесли останки Вольтера и Руссо.

²⁰ *Лафайет Мари Жозеф*, маркиз (1757–1834) – французский политический деятель. Участник Войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), автор первого проекта Декларации прав человека и гражданина. Сторонник конституционной монархии. Осенью 1792 г. перешел на сторону контрреволюции.

²¹ *Кюстин, Адам Филипп*, граф (1740–1793) – в период Конвента командовал войсками. Кончил жизнь на эшафоте.

Петион де Вильнев Жером (1756–1794) – адвокат, депутат третьего сословия в Генеральных штатах, в 1791–1792 гг. – мэр Парижа. Был обвинен в пособничестве изменникам и погиб, скрываясь от преследований.

израсходоваться. В каждой революции – и это он знает, не по возрасту опытный, – победа достается не первому, не начинателю, а всегда лишь последнему, заканчивающему и овладевающему ею, как добычей.

Итак, этот умник сознательно держится в тени. Он приближается к власти имущим, но избегает всякой общественной зримой власти. Вместо того чтобы шуметь на трибуне или в газетах, он предпочитает, чтобы его выбирали в комитеты и комиссии, где можно быть в курсе дел и влиять на события, оставаясь в тени, избегая контроля и ненависти. И в самом деле, его упорная стремительная работоспособность привлекает к нему симпатии, а его незаметность оберегает его от зависти. Из своего рабочего кабинета он может, выжидая, спокойно наблюдать, как терзают друг друга тигры «горы» и барсы жиронды, как великие и одержимые страстями выдающиеся люди вроде Верньо, Кондорсе, Демулена²², Дантона, Марата и Робеспьера наносят друг другу смертельные раны. Он следит за ними и ждет, ибо он знает: только после того как одержимые страстями уничтожат друг друга, настанет час для тех, кто умел выжидать и кто умеет быть рассудительным. Фуше и впредь всегда будет принимать окончательное решение только тогда, когда уже предрешится исход битвы.

Искусству пребывать в тени Фуше останется верен до конца жизни. Никогда открыто не стоять у власти и все же обладать ею, держать все нити в своих руках и никогда не считаться ответственным. Постоянно стоять за спиной властителя, прикрываться им, подгонять его и, когда он забирается слишком далеко вперед, покидать его в решительную минуту – это его излюбленная роль. И он играет ее, этот самый совершенный интриган политической арены, с одинаковой виртуозностью в двадцати вариантах, бесчисленных эпизодах, среди республиканцев, королей и императоров.

Иногда представляется случай и с ним возникает соблазн взять на себя основную, заглавную роль в мировой игре. Но он слишком умен, чтобы всерьез стремиться к этому. Он помнит о своем безобразном, отталкивающем лице, которое ни в малейшей степени не подходит для медалей и эмблем, для блеска и популярности и которому не придаст ничего героического лавровый венок на челе. Он помнит о своем писклявом, слабом голосе, который хорош для того, чтобы нашептывать, натравливать, внушать подозрения, но никогда не сможет пламенной речью зажечь массы. Он знает, что сильнее всего он в своем кабинете у письменного стола, за закрытой дверью, в тени. Оттуда он может следить и изучать, наблюдать и убеждать, сплетать и расплетать нити интриг, оставаясь непроницаемым и неуловимым.

В этом – последняя тайна могущества Жозефа Фуше; он всегда стремится к власти, более того – к самой высшей власти, но, в противоположность большинству, он удовлетворяется сознанием власти: ему не нужны ее внешние отличия и регалии. Фуше в высшей степени честолюбив, но не тщеславен; он стремится к власти, но не соблазняется видимостью. Как истинный и законченный мастер политической интриги, он ценит только действительные возможности власти. Ликторский жезл, королевский скипетр, императорскую корону он спокойно предоставляет другому; будь то сильный человек или марионетка – это безразлично: он охотно уступает ему блеск и сомнительное счастье быть любимцем народа. Он удовлетворяется тем, что знает положение дел, влияет на людей, действительно руководит мнимым повелителем мира и, не рискуя собой, ведет самую азартную из всех игр – грандиозную политическую игру. В то время как другие связаны своими убеждениями, своими публичными речами, действиями, он, избегающий света, в своем тайнике сохраняет внутреннюю свободу и остается недвижимым полюсом в беге событий. Жирондистов свергли – Фуше остается, якобинцев прогнали – Фуше остается, Директория, консульство, империя,

²² *Верньо Пьер Викторьен* (1753–1793) – деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания, член Конвента, один из руководителей жирондистов, казнен по приговору революционного трибунала.

Демулен Камилл (1760–1794) – журналист, член Конвента, соратник Дантона. Казнен вместе с ним.

королевство и снова империя исчезают и гибнут – один лишь Фуше всегда остается благодаря своей изумительной сдержанности, благодаря своему дерзкому мужеству, с которым он сохраняет полную бесхарактерность и неизменное отсутствие убеждений.

Однако во всемирно-историческом движении революции настает день, один-единственный день, не терпящий колебаний, день, когда каждый должен оказать да или нет, подать свой голос за или против, сыграть чет или нечет – это 16 января 1793 года. Часовая стрелка революции подошла к полудню, пройдено полдороги, шаг за шагом урезается королевская власть. Но еще жив Людовик XVI; он заключен в Тампль, но жив. Не удалось (как надеялись умеренные) устроить его побег, не удалось (как втайне желали радикалы) уничтожить его руками разгневанного народа при штурме дворца. Его унизили, лишили свободы, имени и титула, но пока он дышит, он все еще король по наследственному праву крови, он внук Людовика XIV, и хотя теперь его презрительно называют не иначе как Луи Капет, он все еще опасен для молодой республики. И вот Конвент, осудив его 15 января, ставит вопрос о каре, вопрос о жизни или смерти. Тщетно надеялись нерешительные, трусливые, осторожные люди и люди, подобные Жозефу Фуше, с помощью тайного голосования избежать огласки, публичного выяснения своих позиций. Робеспьер безжалостно настаивает, чтобы каждый представитель французской нации высказался перед Собранием за или против, за жизнь или смерть, чтобы народ и потомство знали, куда причислить каждого: к правым или левым, к приливу или к отливу революции.

Позиция Фуше уже 15 января вполне ясна. Принадлежность к жирондистам, стремления его чрезвычайно умеренных избирателей обязывают его требовать помилования короля. Он расспрашивает друзей, прежде всего Кондорсе, и видит, что они единодушно склоняются к тому, чтобы избежать этого непоправимого решения – смертной казни. И так как большинство принципиально против смертного приговора, Фуше, разумеется, становится на их сторону: еще накануне вечером, 15 января, он читает одному из своих друзей текст речи с обоснованием просьбы о помиловании, которую он собирается произнести в Конвенте. Раз уж сидишь на скамье умеренных, то это обязывает к умеренности, и так как большинство восстает против всяческого радикализма, то его отвергает и Жозеф Фуше, не обремененный никакими убеждениями.

Но между вечером 15 января и утром 16 была еще ночь – беспокойная и тревожная. Радикалы не бездействовали, они привели в движение могучий механизм народного возмущения, которым они так превосходно умели управлять. В предместьях раздается грохот сигнальной пушки, секции барабанным боем собирают народ – нестройные батальоны мятежников, всегда вызываемые остающимися в тени террористами, чтобы понудить принять то или иное политическое решение; пивовар Сантер мановением руки за несколько часов приводит их в движение. Эти батальоны агитаторов предместий, рыбных торговых и авантюристов известны еще со времени славного взятия Бастилии, их знают со времен страшных сентябрьских убийств. Всякий раз, когда нужно прорвать плотину законов, насильно вздымают эту громадную народную волну, и всегда она неодолимо увлекает с собой все, – и последними тех, кого она вынесла на поверхность из собственной глубины.

Уже в полдень густые толпы окружают манеж в Тюильри; мужчины в жилетах, с обнаженной грудью и грозными пиками в руках, издевающиеся, кричащие женщины в огненно-алых карманьолах, солдаты Национальной гвардии, просто люди улицы. Из их среды появляются зачинщики мятежей – американец Фурнье²³, испанец Гусман, Теруань де Мерекур – истерическая пародия на Жанну д'Арк. Когда проходят депутаты, которых подозревают в готовности голосовать за помилование, их обливают словно из помойных ушатов потоком

²³ *Фурнье Клод* (Фурнье Американец; 1745–1823) – один из руководителей клуба Кордельеров, участник всех народных выступлений в Париже в 1789–1793 гг. В конце революции находился в заключении. Прозвище получил из-за долгого пребывания на острове Сан-Доминго.

ругательств; народным представителям грозят кулаками, угрожая расправой: все средства террора и грубого насилия пускаются в ход, чтобы запугать депутатов, чтобы заставить их отправить на плаху короля.

И это запугивание действует на всех малодушных. При свете мерцающих свечей собираются испуганные жирондисты в эти серые зимние сумерки. Еще вчера они были готовы голосовать против казни короля, чтобы избежать истребительной войны со всей Европой, а теперь, под страшным давлением народного восстания, они охвачены тревогой и разногласиями. Наконец поздно вечером начинается поименное голосование, и по иронии судьбы первым должен сказать свое слово вождь жирондистов Верньо: чей всегда такой пылкий голос – ведь оратор южанин, – как молот, потрясал стены. Но в этот миг он, вождь республики, боится, что покажется недостаточно последовательным республиканцем, если оставит жизнь королю. И он, обычно такой порывистый и бурный, пристыженно опустив большую голову, медленно, тяжелыми шагами подымается на трибуну и тихо произносит: «*La mort*» – смерть.

Это слово, как звук камертона, разносится по залу. Первый из жирондистов отступил. Большинство остальных верны себе; триста голосов из семисот поданы за помилование, хотя все сознают, что теперь политическая умеренность требует гораздо большей смелости, чем мнимая решительность. Долго колеблются чаши весов: несколько голосов могут все решить. Наконец вызывают Жозефа Фуше, депутата из Нанта, того самого, который еще накануне уверял друзей, что будет в зажигательной речи защищать жизнь короля, который еще десять часов тому назад играл роль самого решительного среди решительных. Но тем временем бывший учитель математики, хороший калькулятор Фуше подсчитал голоса и увидел, что он рискует очутиться в невыгодной партии, в единственной партии, к которой он никогда не примкнет: в партии меньшинства. Бесшумными шагами поспешно поднимается он на трибуну, и с его бледных уст тихо слетает слово: «*La mort*» – смерть.

Герцог Отрантский впоследствии произнесет и напишет сто тысяч слов, чтобы признать, что одно это слово, сделавшее Жозефа Фуше *regicide* – цареубийцей, было ошибкой. Но слово сказано публично и напечатано в «*Moniteur*»²⁴; его не вычеркнуть из истории, оно останется навеки памятным и в личной истории его жизни. Ибо это первое публичное падение Жозефа Фуше. Он коварно напал сзади на своих друзей, Кондорсе и Дону²⁵, одурачил их и обманул. Но перед лицом истории им не придется краснеть за это, ведь и другие, более сильные, Робеспьер и Карно, Лафайет, Баррас и Наполеон, самые могучие люди своей эпохи, разделят их участь: в минуту неудачи он предаст их.

В это мгновение, кроме того, впервые обнаруживается в характере Жозефа Фуше еще одна, ярко выраженная и существенная черта: его бесстыдство. Предательски покидая свою партию, он никогда не бывает осторожным и медлительным, он не крадется смущенно, тайком, выбираясь из ее рядов. Нет, среди бела дня, с холодной усмешкой, с поразительной сокрушающей самоуверенностью, он прямым путем переходит к вчерашнему противнику и усваивает все его слова и аргументы. Что думают и говорят о нем прежние товарищи по партии, что думает толпа и общественность – ему совершенно безразлично. Для него важно только одно: быть всегда в числе победителей, а не побежденных. В молниеносности его превращения, в безграничном цинизме его измен проявляется дерзость, невольно ошеломляющая,

²⁴ Французская газета, официальный правительственный орган.

²⁵ *Дону Пьер Клод Франсуа* (1761–1840) – историк, член Конвента, протестовал против изгнания жирондистов, за что был арестован. Освобожден после 9 термидора. Впоследствии был членом Совета пятисот, а при Июльской монархии – членом палаты пэров.

вызывающая удивление. Ему достаточно двадцати четырех часов, иногда одного часа, иногда всего лишь мгновения, чтобы на глазах у всех просто отшвырнуть знамя своих убеждений и с шумом развернуть другое. Он следует не за идеей, а за временем, и чем быстрее оно мчится, тем проворнее он его догоняет.

Он знает: нантские избиратели будут возмущены, прочитав завтра в «Moniteur», за что он голосовал. Значит, надо их ошеломить: это вернее, чем убеждать. И с той же ослепляющей дерзостью, с той же наглостью, которая в такие мгновения едва не придает ему видимости величия, он не выжидает взрыва возмущения, а предупреждает нападение. Уже через день после голосования Фуше выпускает манифест, в котором он с шумом выдает за свое внутреннее убеждение то, что в действительности ему внушил страх перед провалом в парламенте: он не оставляет своим избирателям времени для размышлений и подсчетов, а стремительно и грубо терроризирует и запугивает их.

Ни Марат, ни самые ярые якобинцы не сумели бы, обращаясь к своим буржуазным избирателям, написать более кровожадно, чем этот вчера еще умеренный депутат: «Преступления деспота стали очевидными и преисполнили все сердца возмущением. Если его голова не падет тотчас же под ножом гильотины, все разбойники и убийцы смогут свободно расхаживать по улицам и нам будет грозить ужаснейший хаос. Время за нас и против всех королей земля». Так провозглашает необходимость и неизбежность казни тот, кто еще накануне носил в кармане сюртука столь же убедительный манифест против этой казни.

И действительно, умный математик вычислил правильно. Будучи сам оппортунистом, он прекрасно знает всеокрушающую силу трусости; он знает, когда на политическую арену выступают массы, смелость является решающим знаменателем во всех вычислениях. И он оказывается прав: добропорядочные консервативные буржуа боязливо склоняются перед этим наглым неожиданным манифестом; сбитые с толку и смущенные, они торопятся санкционировать решение, которому в душе нимало не сочувствуют. Никто не осмеливается противоречить. И с того дня Жозеф Фуше держит в руках, жесткий холодный рычаг, который дает ему возможность вывернуться при всех обстоятельствах: презрение к людям.

С этого дня, с 16 января, хамелеон Жозеф Фуше избирает (до поры до времени) красный цвет; в один день умеренный становится архинепримиримым радикалом и сверхтеррористом. Одним прыжком он переметнулся в лагерь противников и даже в их рядах оказывается на крайнем, самом левом, самом радикальном крыле. С жуткой поспешностью – лишь бы не отстать от других – усваивает этот холодный ум, этот трезвый кабинетный человек кровожадный жаргон террористов. Он требует решительных мер против эмигрантов, против духовенства; он возбуждает, он гремит, он неистовствует, он убивает словами и жестами. Собственно говоря, он мог бы опять подружиться с Робеспьером и сесть с ним рядом. Но этот неподкупный, обладающий протестантски суровой совестью человек не любит ренегатов; с удвоенным недоверием отворачивается он от перебежчика: шумный радикализм Фуше кажется ему подозрительнее его прежнего хладнокровия.

Фуше своим обостренным чутьем угадывает опасность этого надзора, он предвидит приближение критических дней. Не рассеялась еще гроза над собранием, а на политическом горизонте уже сгущаются тучи трагической борьбы между вождями революции, между Дантоном и Робеспьером, между Эбером²⁶ и Демуленом; и здесь, в среде радикалов, необходимо было принимать чью-то сторону, но Фуше не любит связывать себя, прежде чем определение позиций не станет безопасным и выгодным. Он знает, что мудрость дипломата заключается в том, чтобы в решающее время быть подальше от иных ситуаций. И вот он решает покинуть на все время борьбы политическую арену Конвента, чтобы вернуться, когда спор будет решен. Для такого отступления, к счастью, представляется почетный предлог, ибо Конвент избирает из своей среды двести, делегатов, чтобы поддержать порядок в округах. Ему

²⁶ Эбер Жак Рене (1757–1794) – левый якобинец, редактор популярной в народе газеты «Пер Дюшен», с декабря 1792 г. – заместитель прокурора Парижской Коммуны. Вместе со своими сторонниками (эбертистами) выступал в марте 1794 г. против якобинской диктатуры. Осужден революционным трибуналом и казнен.

не по себе в вулканической атмосфере зала собраний, и Фуше прилагает все старания, чтобы попасть в число командированных делегатов. Его избирают. Ему предоставлена передышка. Пускай тем временем борются другие, пускай уничтожают друг друга, пусть они, страстные, расчищают место для честолюбца! Лишь бы не присутствовать при этом, не быть вынужденным выбрать одну из партий! Несколько месяцев, несколько недель немало значат в эпоху бешеного бега мировых часов. Когда он вернется, исход борьбы уже будет решен, и он сможет тогда спокойно и безопасно присоединиться к победителю, к своей неизменной партии – к большинству.

Историки французской революции обычно уделяют мало внимания событиям в провинции. Все описания словно прикованы к циферблату Парижа, только на нем обозрим ход времени. Но маятник, регулирующий этот ход, надо искать в стране и армиях. Париж – это лозунг, инициатива, первичный толчок, а в огромной стране сосредоточено действие и решающая движущая сила.

Конвент своевременно понял, что темпы революции в городе и в деревне не совпадают: люди в селах, в деревушках и горах соображают не так быстро, как в столице, они воспринимают идеи гораздо медленнее и осторожнее и перерабатывают их по собственному разумению. То, что в Конвенте на протяжении часа становится законом, лишь медленно и по каплям просачивается в деревню и большей частью проникает туда уже фальсифицированным и разжиженным стараниями провинциальных чиновников-роялистов и духовенства – людей старого порядка. Поэтому сельские округа всегда отстают от Парижа на целую эпоху. Когда в Конвенте господствуют жирондисты, в провинции езде раздаются голоса в защиту короля; когда торжествуют якобинцы, провинция только начинает приближаться к идеям жиронды. Тщетны поэтому все патетические Декреты, ибо печатное слово в ту пору медленно и нерешительно пробивает себе дорогу в Овернь и Вандею²⁷.

Это заставило Конвент направить в провинцию деятельных носителей живого слова, чтобы ускорить ритм революции по всей Франции, сломить колеблющийся, едва ли не контрреволюционный темп развития сельских округов. Он избирает из своей среды двести депутатов, обязанных вершить его волю, и наделяет их почти неограниченной властью. Кто носит трехцветный шарф и красную шляпу с перьями, тот обладает правами диктатора. Он может взимать налоги, выносить приговоры, набирать рекрутов, смещать генералов; ни одно ведомство не смеет сопротивляться тому, кто своей священной персоной символически представляет волю Конвента. Его права неограниченны, как некогда права проконсулов²⁸ Рима, вершивших во всех завоеванных странах волю сената; каждый из них – диктатор, самодержавный повелитель; его решения не подлежат обжалованию и пересмотру.

Могущество этих выборных проконсулов огромно, но огромна и ответственность. Каждый из них в пределах доверенной ему области является как бы королем, императором, неограниченным самодержцем. Но в то же время за его спиной сверкает гильотина, ибо Конвент общественного спасения следит за каждой жалобой и немилосердно требует от каждого самого точного отчета в расходовании предоставленных ему денежных сумм. Кто был недостаточно суров, с тем сурово поступят; и напротив – кто слишком неистовствовал, того ждет возмездие. Если общее направление склоняется к террору э – правильны террористические мероприятия; если же на весах перевешивает чаша милосердия – они оказываются ошибкой. Кажущиеся хозяева целых областей, они на самом деле рабы Комитета общественного спасения, подвластные изменениям политической обстановки, поэтому они

²⁷ *Овернь* – историческая провинция в Центральной Франции.

Вандея – департамент в Западной Франции, центр роялистских мятежей в период Французской революции и Директории.

²⁸ *Проконсул* (лат. «proconsul») – наместник провинции.

беспрестанно поглядывают в сторону Парижа, прислушиваются к его голосу, чтобы, властвуя над жизнью и смертью других, сохранить свою жизнь. Нелегкую должность взяли они на себя: так же как генералы революции перед лицом врага, они знают, что их может извинить и спасти от обнаженного меча только одно – успех.

Час, когда Фуше назначен проконсулом, – это час радикалов. Поэтому Фуше неистово радикален в своем департаменте Нижней Луары – в Нанте, Невере и Мулене. Он громит умеренных, он наводняет провинцию потоком манифестов, он грозит суровыми карами богачам, всем колеблющимся и нерешительным; применяя моральное и физическое принуждение, он сколачивает в деревнях целые полки добровольцев и направляет их против врага. Как организатор и в умении быстро схватывать обстановку он по меньшей мере равен своим товарищам, по дерзости речей он превосходит их всех. Потому что – и это следует запомнить – Жозеф Фуше, в отличие от зачинателей революции Робеспьера и Дантона, которые еще почтительно объявляют частную собственность «неприкосновенной», не соблюдает осторожности в вопросах религии и частной собственности: он составляет смелую, радикально-социалистическую, большевистскую программу. Первым откровенно коммунистическим манифестом нового времени был, по существу, не знаменитый манифест Карла Маркса и не «Hessische Landbote»²⁹ сформулировали самые смелые требования французской революции, а Жозеф Фуше; этот документ ярче и резче любого описания освещает его постоянно скрывающийся в тени образ.

«Инструкция» смело начинается провозглашением непогрешимости любых дерзаний: «Все позволено тем, кто действует в духе революции. Для республиканца нет опасности, кроме опасности плестись в хвосте законов республики. Кто перешагнет через них, кто, казалось бы, заходит дальше цели, тот часто еще далек от завершения. Пока существует хоть один несчастный на земле, свобода должна идти все вперед и вперед».

После этого энергичного и уже в известной мере максималистского введения Фуше так поясняет сущность революционного духа: «Революция совершена для народа; но под этим именем не следует подразумевать привилегированный благодаря своему богатству класс, присвоивший все радости жизни и все общественное достояние. Народ – это совокупность французских граждан и прежде всего огромный класс бедняков, защищающих границы нашего отечества и кормящих своим трудом общество. Революция была бы политическим и моральным бесчинством, если бы она заботилась о благополучии нескольких сотен людей и терпела нищету двадцати четырех миллионов. Она была бы оскорбительным обманом человечества, если бы мы все время только говорили о равенстве, тогда как огромные различия в благосостоянии отделяют одного человека от другого». После этих вступительных слов Фуше развивает свою излюбленную теорию, что богатый, *mauvais riche*, никогда не может быть настоящим революционером, не может быть настоящим искренним республиканцем, что, следовательно, всякая собственно буржуазная революция, сохраняющая разницу состояний, должна неизбежно выродиться в новую тиранию, «ибо богачи всегда считали бы себя особой породой людей». Поэтому Фуше требует от народа проявления величайшей энергии и осуществления совершенной, «интегральной» революции. «Не обманывайте себя; чтобы быть действительно республиканцем, каждый гражданин должен в самом себе произвести

²⁹ «Вестник Гессена» (нем.) Георга Бюхнера, а почти не отмеченная в социалистической летописи лионская «Инструкция», которую хотя и подписали совместно Колло д'Эрбуа и Фуше, но сочинил, несомненно, один Фуше. Этот энергичный, на сто лет опередивший запросы времени документ – один из удивительнейших документов революции – достоин того, чтобы извлечь его из мрака забвения; пусть его историческая ценность умалется тем, что впоследствии герцог Отрантский отчаянно опровергал все, что он сам когда-то требовал как гражданин Жозеф Фуше, – все же, с современной точки зрения, этот символ его тогдашней веры заставляет считать Фуше первым откровенным социалистом и коммунистом революции. Не Марат и не Шометт [Шометт Пьер Гаспар (Анаксагор; 1763–1794) – левый якобинец, с декабря 1792 г. прокурор Парижской Коммуны, один из организаторов разгрома «бешеных». Обвинен в противопоставлении Коммуны Конвенту и казнен.

революцию, подобно той, которая преобразила лик Франции. Не должно остаться ничего общего между подданными тиранов и населением свободной страны. Все ваши действия, ваши чувства, ваши привычки должны быть изменены. Вас притесняют – значит, вы должны уничтожить ваших притеснителей; вы были рабами церковных суеверий – теперь вашим единственным культом пусть будет культ свободы... Каждый, кому чужд этот энтузиазм, кто знал иные радости, иные заботы, кроме счастья народа, кто открывает свою душу холодным интересам, кто подсчитывает, какую прибыль ему даст его звание, его положение и талант, и тем самым отделяется на миг от общего дела, чья кровь не кипит при виде притеснений и роскоши, кто проливает слезы сочувствия над бедствиями врагов народа и не сохраняет всей своей чувствительности только для мучеников свободы, – тот лжет, если он осмеливается называть себя республиканцем. Пусть он покинет нашу страну, иначе его узнают, его нечистая кровь оросит землю свободы. Республика хочет видеть в своих пределах лишь свободных людей, она решила истребить всех других и она называет своими детьми лишь тех, кто хочет жить, бороться и умирать за нее». С третьего параграфа революционная декларация начинает становиться обнаженным, открыто коммунистическим манифестом (первым достаточно откровенным после 1793 года): «Каждый, имеющий больше самого необходимого, должен быть привлечен к участию в этом чрезвычайно важном деле оказания помощи, и взносы должны соответствовать великим требованиям отечества; поэтому вы должны в самых широких размерах, самым революционным способом установить, сколько каждый в отдельности должен вносить на общее дело. Тут идет речь не о математическом определении и не боязливо осторожном методе, обычно применяемом при составлении налоговых списков; это особое мероприятие должно соответствовать характеру обстоятельств. Действуйте поэтому широко и смело, возьмите у каждого гражданина все, в чем он не нуждается, ибо всякий излишек (*le superflu*) – это открытое поругание народных прав. Единичная личность может лишь во зло употребить свои излишки. Поэтому оставляйте лишь безусловно необходимое, все остальное во время войны принадлежит республике и ее армиям».

Особенно подчеркивает Фуше в этом манифесте, что нельзя удовлетвориться только деньгами. «Все предметы, – продолжает он, – которыми граждане обладают в излишке и которые могут быть полезны защитникам отечества, принадлежат отныне отечеству. Есть люди, которые обладают громадным количеством полотна и рубах, тканей и сапог. Все эти вещи должны стать предметом революционной реквизиции». Таким же образом он требует, чтобы в национальную казну было отдано золото и серебро, *metaux vils et corrupteurs*³⁰, презренные для истинного республиканца; «украшенные эмблемой республики, очищенные огнем, они станут полезным достоянием общества. Для торжества республики нам нужны лишь сталь и железо». Воззвание кончается ужасным призывом к беспощадности: «Мы со всей строгостью будем охранять врученные нам полномочия, мы будем наказывать как злостное намерение все, что при других обстоятельствах могло быть названо упущением, слабостью и медлительностью. Время половинчатых мероприятий и пощады миновало. Помогите нам наносить мощные удары, иначе они обрушатся на вас самих. Свобода или смерть – выбирайте!»

Этот принципиальный документ дает возможность угадать методы деятельности Жозефа Фуше в роли проконсула. В департаменте Нижней Луары, в Нанте, Невере и Мулене, он осмеливается вступать в борьбу с самыми могучими силами Франции, перед которыми осторожно отступают даже Робеспьер и Дантон, – с частной собственностью и церковью. Он действует быстро и решительно в направлении *egalisation des fortunes*³¹ и изобретает так называемые «Филантропические комитеты», которым состоятельные люди обязаны преподносить дары, устанавливая их размеры якобы по своему усмотрению. Чтобы быть достаточно хорошо понятым, он сразу же делает мягкое указание: «Если богатый не использует своего права сделать достойным любви режим свободы – республика оставляет за собой право

³⁰ порочные и развращающие металлы (*фр.*)

³¹ уравнения состояний (*фр.*)

завладеть его состоянием». Он нетерпим к излишкам и энергично расширяет само понятие *superflu*, утверждая, что «республиканцу нужны только оружие, хлеб и сорок экю дохода». Фуше извлекает лошадей из конюшен, муку из мешков; арендаторы отвечают жизнью за невыполнение данных им предписаний; он предписывает употребление хлеба низкого качества, каким впоследствии был и хлеб мировой войны, и запрещает всякую выпечку из белой муки. Каждую неделю он, таким образом, выставляет пять тысяч рекрутов, снабженных лошадьми, обувью, обмундированием и ружьями; он заставляет работать фабрики, и все подчиняются его железной энергии. Деньги стекаются – налоги, подати и дары, поставки и трудовые повинности; два месяца спустя он гордо пишет Конвенту; «*On roiiigit ici d'etre riche*» – «Здесь стыдятся прослыть богатыми». Но в действительности он должен был бы сказать: «Здесь боятся быть богатыми».

Выступая как радикал и коммунист, Жозеф Фуше, ставший впоследствии миллионером и герцогом Отрантским, который повторно обвенчается в церкви с благословения короля, проявлял себя в то время свирепым и страстным борцом против христианства. «Этот лицемерный культ должен быть заменен верой в республику и мораль», – гремит он в своем зажигательном послании, и, как удары молнии, обрушиваются его первые мероприятия на церкви и соборы. Закон за законом, декрет за декретом: «Духовенство имеет право носить свое облачение только при исполнении обрядов», все преимущества у него отнимаются, ибо «пора, – поясняет он, – возратить этот высокомерный класс к чистоте древнего христианства и обратить его в граждан государства». Скоро Жозефа Фуше перестает удовлетворять положение носителя высшей военной власти, высшего вершителя правосудия, неограниченного диктатора; он присваивает и все функции церкви. Он уничтожает безбрачие духовенства, приказывает священнослужителям, чтобы в течение месяца каждый женился или усыновил ребенка, он сам заключает и расторгает браки на рыночных площадях, он подымается на амвон (откуда старательно удалены кресты и религиозные украшения) и произносит атеистические проповеди, в которых отрицает бессмертие и существование бога. Христианские обряды при похоронах отменяются, и в утешение на кладбищенских церквах высекается надпись: «Смерть – это вечный сон». В Невере новоявленный папа впервые в стране совершает обряд гражданского крещения своей дочери, названной в честь департамента Ниевр. Национальная гвардия выступает с барабанным боем и музыкой, и на рыночной площади он без участия церкви дает ребенку имя. В Мулене он верхом на коне, во главе целого кортежа, разъезжает по городу с молотком в руке и разбивает кресты, распятия и религиозные изображения, «постыдные» свидетельства фанатизма. Похищенные митры и на престольные покровы бросают в костер, и, пока вздымается яркое пламя, ликующая чернь пляшет вокруг атеистического аутодафе. Но неистовствовать, разбивая мертвые предметы, беззащитные каменные фигуры и хрупкие кресты, было бы для Фуше только частичным торжеством. Настоящее торжество доставил ему архиепископ Франсуа Лоран, который после его речей сорвал с себя облачение и надел красную шапку, а когда тридцать священнослужителей с восторгом последовали его примеру, весть об этом успехе, словно пожар, пронеслась по всей Франции. И гордо хвастается Фуше перед своими менее удачливыми коллегами-атеистами, что он уничтожил фанатизм, искоренил христианство во вверенной ему области так же, как богатство.

Могло бы показаться, что все это – деяния безумца, иступленного фанатика и фантазера. Но в действительности Жозеф Фуше даже в мнимой страстности остается трезвым калькулятором и реалистом. Он знает, что обязан отчитаться перед Конвентом, знает, что курс патриотических фраз и писем падает так же быстро, как и курс ассигнаций, поэтому, если хочешь возбудить удивление, нужно заговорить языком металла. И, отправляя набранные им полки к границе, он все добытое при ограблении церковью отправляет в Париж. Ящик за ящиком с золотыми дароносицами, сломанными расплавленными серебряными подсвечниками, тяжеловесными распятиями и драгоценными камнями втаскивают в Конвент. Он знает: республике нужны прежде всего наличные деньги, и он первый, он единственный посылает депутатам из провинции такую красноречивую добычу. Сперва они поражены этой небывалой

энергией, потом приветствуют ее громовыми аплодисментами. С этого часа в Конвенте знают и повторяют имя Фуше – железного человека, самого неустрашимого, самого настойчивого республиканца республики.

Когда Фуше, исполнив свою миссию, возвращается в Конвент, он уже не похож на того неизвестного, незначительного депутата, каким он был в 1792 году. Человеку, который выставил десять тысяч рекрутов, который выжал сто тысяч марок золотом, тысячу двести фунтов наличными деньгами, тысячу слитков серебра, ни разу не прибегнув к *Rasoig national*³², к гильотине, Конвент поистине не может не выразить восхищения его усердием – *pour sa vigilance*. Ультрарякобинец Шометт публикует гимн в честь его деяний. «Гражданин Фуше, – пишет он, – сотворил те чудеса, о которых я рассказал. Он почтил старых, поддержал слабых, уважил несчастных, разрушил фанатизм, уничтожил федерализм. Он восстановил производство железа, арестовал подозрительных, примерно наказал каждое преступление, преследовал и сажал в тюрьмы эксплуататоров». Спустя год после того, как он осторожно сел на скамью умеренных, Фуше слывет самым радикальным в среде радикалов, и когда восстание в Лионе потребовало назначения особенно энергичного человека, беспощадного, не знающего колебаний, – кто мог показаться более подходящим для проведения самого ужасного эдикта, когда-либо созданного этой или какой-либо другой революцией? «Услуги, уже оказанные тобой революции, – предписывает ему на своем великолепном жаргоне Конвент, – служат залогом тех, которые ты еще окажешь. Ты должен снова разжечь потухающий факел гражданского духа в *Ville affranchie* (Lyon)³³. Доверша революцию, положи конец войне аристократов, и пусть развалины, которые свергнутая власть стремится восстановить, обрушатся на них и раздавят их».

И в этом образе мстителя и разрушителя, *Mitrailleur de Lyon*³⁴, впервые вступает Жозеф Фуше, впоследствии миллионер и герцог Отрантский, в мировую историю.

2. Палач Лиона (1793)

В книге истории французской революции редко открывают одну из самых кровавых ее страниц – главу о Лионском восстании. И все же ни в одном городе, даже в Париже, социальные противоречия не выразились так остро, как в этом первом индустриальном городе тогда еще мелкобуржуазной и аграрной Франции, в городе, ставшем родиной шелковой промышленности. Еще в разгар буржуазной революции 1792 года рабочие впервые образуют там отчетливо пролетарскую массу, резко отделяющуюся от роялистски и капиталистически настроенных предпринимателей. Нет ничего удивительного, что на этой раскаленной почве как реакция, так и революция принимают самые кровавые и фантастические формы.

Приверженцы якобинцев, толпы рабочих и безработных группируются вокруг одного из тех своеобразных людей, которых внезапно выносит на поверхность всякий мировой переворот, одного из тех кристально чистых идеалистов, которые, однако, своей верой и своим идеализмом навлекают больше бед и вызывают больше кровопролитий, чем самые грубые реалистические политики и самые свирепые террористы. Обычно именно такие искренне верующие религиозные экстатические натуры, стремящиеся перестроить и улучшить мир с самыми благородными намерениями, дают побудительный толчок к убийствам и несчастьям, которые отвратительны для них самих. В Лионе таким человеком был Шалье,

³² национальная бритва (фр.)

³³ освобожденном городе (Лионе) (фр.)

³⁴ палача Лиона (фр.)

расстрига-священник и бывший купец, для которого революция стала истинным, настоящим христианством; он был предан ей с любовью суеверной и самозабвенной. Восхождение человечества к разуму и к равенству означает для этого страстного почитателя Жан-Жака Руссо осуществление тысячелетнего царства, его пылкое и фанатичное человеколюбие видит в мировом пожаре зарю новой, нескончаемой человечности. Трогательный фантазер, когда Бастилия пала, он собственными руками относит камень из стены крепости в Лион; шесть дней и шесть ночей добирается пешком из Парижа и делает из этого камня алтарь. Он обожает пламенного язвительного памфлетиста Марата, как бога, как новую Пифию³⁵: он знает наизусть его речи и статьи и как никто другой в Лионе воспламеняет своими мистическими и наивными речами рабочих. Народ инстинктивно чувствует его пылающее и сострадательное человеколюбие, а лионские реакционеры понимают, что этот чистый духом, одержимый человеколюбием человек во много раз опаснее самых шумливых зачинщиков мятежей – якобинцев. К нему тянутся все сердца, против него направлена вся ненависть. И когда в городе вспыхивают первые волнения, в тюрьму бросают, как зачинщика, этого неврастенического, немного смешного фанатика. Против Шалье, с трудом использовав поддельное письмо, сострепали какое-то обвинение и, в устрашение другим радикалам, бросая вызов парижскому Конвенту, его приговаривают к смертной казни.

Тщетно возмущенный Конвент посылает в Лион гонца за гонцом, чтобы спасти Шалье. Он увещевает, он требует, он угрожает непослушному магистрату. Но, решившись наконец показать когти парижским террористам, городской совет самовластно отвергает все протесты. Нехотя выписали в свое время лионцы орудие террора – гильотину – и поставили, ее в сарай; теперь они решили дать урок сторонникам террора, впервые испытав это так называемое гуманное орудие революции на революционере. И так как машина не опробована, а палач неопытен – казнь Шалье превращается в жестокую, гнусную пытку. Трижды опускается тупой нож, не отсекая головы осужденного. С ужасом смотрит народ, как закованное, обливающееся кровью, еще живое тело его вождя корчится в мучениях позорной пытки, пока наконец палач милосердным ударом сабли не отделяет голову несчастного от туловища.

Но эта голова мученика, трижды раздробленная топором, скоро становится палладиумом мести для революции и головой Медузы³⁶ для убийц.

Конвент встревожен известием об этом преступлении. Французский город осмеливается в одиночку открыто выступить против Конвента! Такой наглый вызов должен быть потоплен в крови. Но и лионские правители понимают, что им предстоит. Они переходят от сопротивления к открытому мятежу; они собирают войско, строят укрепления против сограждан, против французов, и открыто сопротивляются республиканской армии. Теперь оружие должно решить спор между Лионом и Парижем; между реакцией и революцией.

С логической точки зрения гражданская война в такой момент должна казаться самоубийством молодой республики, ибо никогда ее положение не было опаснее, отчаяннее, безвыходнее. Англичане заняли Тулон, завладели арсеналом и флотом, угрожают Дюнкерхену; в то же самое время пруссаки и австрийцы продвигаются вдоль берегов Рейна и в Арденнах, и вся Вандея охвачена пожаром. Битвы и мятежи сотрясают, республику от одной границы до другой. Но эти же дни – поистине героические дни Конвента. Следуя грозному роковому инстинкту, вожди решают победить опасность, послав ей вызов: после казни Шалье они отвергают всякое соглашение с его палачами. «Potius mori quam foedari» – «Лучше гибель, чем соглашение», лучше, ведя семь войн, начать еще одну, чем заключить мир, свидетельствующий о слабости. И этот неистовый энтузиазм отчаяния, эта нелогичная, бешеная страстность спасли в момент величайшей опасности французскую революцию, так же как впоследствии – русскую (одновременно теснимую с запада, востока, юга и севера англичанами и наемниками со всего

³⁵ *Пифия* – жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.

³⁶ *Медуза* – персонаж греческой мифологии, одна из трех сестер (Горгон) – змееволосое чудовище, чей взгляд все живое обращал в камень.

мира, а внутри страны – полчищами Врангеля, Деникина и Колчака). Напуганная лионская буржуазия открыто бросается в объятия роялистов и доверяет свои войска королевскому генералу, но это не может помочь ей – из деревень, из предместий стекаются пролетарские солдаты, и 9 октября республиканские полки штурмом берут охваченную мятежом вторую столицу Франции. Этот день, быть может, самая большая гордость французской революции. Когда председатель Конвента торжественно поднимается со своего места и сообщает о капитуляции Лиона, депутаты вскакивают со скамей, ликуя и обнимая друг друга; на какое-то мгновение кажется, что улажены все споры. Республика спасена, всей стране, всему миру дано величественное доказательство неотразимой мощи, силы гнева и напора республиканской народной армии. Но гордость, возбуждаемая этой отвагой, роковым образом влечет победителей к заносчивости, к трагическому стремлению завершить свое торжество террором. Столь же грозной, как и стремление к победе, должна быть месть победителей. «Надо показать пример того, как французская республика, как молодая революция всего суровее карает тех, кто восстает против трехцветного знамени». И вот Конвент, выступающий поборником гуманности, позорит себя перед всем миром декретом, первыми историческими образцами которого могут служить варварское нападение Барбароссы на Милан³⁷ или подвиги калифов. 12 октября председатель Конвента берет в руки тот ужасный лист, в котором содержалось ни много ни мало как предложение разрушить вторую столицу Франции. Этот очень малоизвестный декрет звучал так:

«1. Национальный Конвент назначает, по предложению Комитета общественного спасения, чрезвычайную комиссию из пяти членов, чтобы немедленно наказать лионскую контрреволюцию силою оружия.

2. Все жители Лиона должны быть разоружены и их оружие передано защитникам Республики.

3. Часть этого оружия будет передана патриотам, угнетаемым богачами и контрреволюционерами.

4. Город Лион должен быть разрушен. Все дома, где жили состоятельные люди, – уничтожить; могут быть сохранены лишь дома бедноты, квартиры убитых или осужденных патриотов и сооружения, служащие промышленным, благотворительным и, педагогическим целям.

5. Название Лиона вычеркивается из списка городов Республики. Отныне поселение, объединяющее оставшиеся дома, будет называться *Ville affranchie*.

6. На развалинах Лиона возвести колонну, которая будет вещать грядущим поколениям о преступлениях и наказании роялистского города следующей надписью: «Лион боролся против свободы – Лиона больше нет».

Никто не осмеливается возражать против безумного предложения – превратить второй по величине город Франции в груды развалин. Мужество покинуло французский Конвент с тех пор, как нож гильотины зловеще сверкает над головой каждого, осмеливающегося хотя бы шепотом произнести слова «милосердие» или «сострадание». Напуганный собственным террором. Конвент единогласно одобряет варварское решение, и Кутону³⁸ – другу Робеспьера – поручается исполнить его.

Кутон, предшественник Фуше, сразу постигает страшные, смертоубийственные для республики последствия задуманного уничтожения самого большого промышленного города страны со всеми его памятниками искусства. И с первого же мгновения он решается саботировать поручение Конвента. Чтобы осуществить это, нужно пустить в ход лукавое

³⁷ Во время итальянского похода германский император Фридрих I Барбаросса (1125–1190) взял после двухлетней осады Милан (1162). В наказание за сопротивление город был разрушен до основания и на его месте проведена плугом борозда в знак того, что он не должен больше восстанавливаться.

³⁸ *Кутон Жорж Огюст* (1755–1794) – один из руководителей якобинцев, депутат Законодательного собрания, член Конвента, Комитета общественного спасения. Казнен вместе с Робеспьером.

притворство. Поэтому свое тайное намерение пощадить город Кутон прячет за хитростью, – он чрезмерно восхваляет безумный декрет. «Граждане коллеги, – восклицает он, – мы пришли в восхищение, прочитав ваш декрет. Да, необходима разрушить город, и пусть это послужит великим уроком для всех, кто мог бы осмелиться восстать против отечества. Из всех великих и могущественных мер воздействия, применявшихся Национальным Конвентом, от нас до этих пор ускользала лишь одна: полное разрушение... но, будьте спокойны, граждане коллеги, и заверьте Конвент, что мы разделяем его воззрения и точно исполним его декреты». Однако, приветствуя таким гимном возложенное на него поручение, Кутон вовсе не собирается его исполнять, довольствуясь чисто показательными мероприятиями. Ранний паралич сковал его ноги, но его решимость нельзя поколебать; он приказывает отнести себя в носилках на рыночную площадь Лиона, ударом серебряного молота символически отмечает дома, подлежащие разрушению, и уведомляет трибунал об ужасной мести. Этим он успокаивает разгоряченные умы. В действительности же под предлогом недостатка рабочих рук он посылает лишь нескольких женщин и детей, которые для проформы делают по десятку вялых ударов заступом, и приводит в исполнение лишь несколько смертных приговоров.

Город уже облегченно вздыхает, радостно пораженный неожиданной милостью после столь грозных решений. Но и террористы не дремлют, постепенно они начинают догадываться о снисходительных намерениях Кутона и силой принуждают Конвент к насилию. Окровавленную, раздробленную голову Шалье как святыню привозят в Париж, с пышной торжественностью показывают Конвенту и для возбуждения народа выставляют ее в соборе Нотр-Дам. Все нетерпеливее выдвигают они обвинения против кунктатора³⁹ Кутона: он слишком вял, слишком ленив, слишком труслив, недостаточно мужествен, чтобы осуществить такую примерную месть. Здесь нужен беспощадный, надежный и искренний революционер, не боящийся крови, способный на крайние меры, – железный и закаленный человек. В конце концов Конвент уступает их требованиям и посылает на место слишком снисходительного Кутона самых решительных своих трибунов – порывистого Колло д'Эрбуа (о котором легенда повествует, что в бытность его актером он был освистан в Лионе и потому является самым подходящим человеком, раз нужно проучить граждан этого города), а с ним радикальнейшего проконсула, прославленного якобинца и крайнего террориста – Жозефа Фуше; они должны стать палачами несчастного города.

Действительно ли неожиданно призванный для свершения кровавого дела Жозеф Фуше был палачом, «кровопийцей», как в то время называли передовых бойцов террора? Судя по его словам – это так. Едва ли кто-нибудь из проконсулов вел себя в порученной ему провинции решительнее, энергичнее, радикальнее, революционнее, чем Жозеф Фуше; он беспощадно реквизирует, грабит церкви, опустошал сундуки и душил всякое сопротивление. Однако – и это чрезвычайно характерно для него! – только в словах, приказах и запугиваниях проявляется его террор, ибо за все время его правления ни в Невере, ни в Кламси не пролилось ни капли крови. В то время как в Париже гильотина работает словно швейная машинка, в то время как Каррье⁴⁰ в Нанте сотнями топит «подозрительных» в Луаре и по всей стране идут расстрелы, убийства и охота на людей, Фуше в своем округе не совершает ни единой политической казни. Он знает – и это лейтмотив его психологии – трусость большинства людей, он знает, что дикий, сильный террористический жест большей частью способен заменить террор как таковой, и когда впоследствии, в эпоху пышного расцвета реакции, все провинции обвиняют своих бывших

³⁹ *Кунктатор* (от лат. «cunctator») – медлительный, нерешительный человек. Это прозвище было дано римскому полководцу Квинту Фабию Максиму (III в. до н.э.) за то, что в борьбе с Ганнибалом он действовал крайне осторожно и терпеливо, уклоняясь от решительного сражения.

⁴⁰ *Каррье Жан Батист* (1756–1794) – член Конвента, активный участник клуба Кордельеров, эбертист, организатор расправ с восставшим населением в Вандее и Нанте.

повелителей, то все его округа могут сообщить только о том, что он все время грозил смертью, но никто не может обвинить его ни в одной казни. Итак, совершенно очевидно, что Фуше, назначенный палачом Лиона, не любит крови. Этот холодный, расчетливый, бесчувственный человек, этот калькулятор и расчетливый игрок, скорее лисица, чем тигр, не нуждается в запахе крови для возбуждения нервов. Он неистовствует и угрожает (оставаясь внутренне спокойным) на словах, но никогда не требует казней ради наслаждения убийством, как те, кто одержим властью. Инстинкт и благоразумие (а не гуманность) заставляют его уважать человеческую жизнь, пока его собственная жизнь в безопасности: он угрожает жизни и судьбе человека лишь тогда, когда ставится под угрозу его собственная жизнь или выгода.

В этом одна из тайн почти всех революций и трагическая судьба их вождей: все они не любят крови и все же вынуждены ее проливать. Демулен, сидя за письменным столом, требует с пеной у рта суда над жирондистами; но, услышав в зале суда смертный приговор двадцати двум человекам, которых сам же посадил на скамью подсудимых, он вскочил и, дрожащий, смертельно бледный, в отчаянии выбежал из зала: нет, этого он не хотел! Робеспьер, поставивший свою подпись под тысячами роковых декретов, за два года до этого восставал в Национальном собрании против смертной казни и клеймил войну как преступление. У Дантона, хотя он и был создателем смертоносного трибунала, вырвалось из глубины души: «Лучше быть гильотинированным самому, чем гильотинировать других». Даже Марат, требовавший в своей газете триста тысяч голов, старался спасти каждого отдельного человека, приговоренного к смерти. Вина французских революционеров не в том, что они-опьянились запахом крови, а в их кровожадных речах: они совершали глупости – только для того, чтобы доказать самим себе свой радикализм, они создали кровавый жаргон и постоянно бредили изменниками и эшафотом. И когда народ, опьяненный, одурманенный, одержимый этими безумными возбуждающими речами, действительно требует осуществления тех самых «энергичных мер», в необходимости которых его убедили, у вождей не хватает мужества оказать сопротивление: они обязаны гильотинировать, чтобы избежать обвинения в лживости разговоров о гильотине. Их действия вынуждены мчаться вдогонку за их бешеными речами, и вот начинается жуткое соревнование, ибо никто не осмеливается отстать от другого в погоне за народным благоволением. В силу неудержимого закона тяготения одна казнь влечет за собой другую: игра кровавыми словами превращается в дикое нагромождение человеческих казней. И отнюдь не потребность, даже не страсть и меньше всего решительность, а как раз нерешительность, даже трусость политиков, партийных деятелей, не имеющих мужества сопротивляться воле народа, в конечном счете именно трусость заставляет их приносить в жертву тысячи жизней. К сожалению, мировая история – история не только человеческого мужества, как ее чаще всего изображают, но история человеческой трусости и политика – не руководство общественным мнением, как хотят нам внушить, а, напротив, рабское преклонение вождей перед той инстанцией, которую они сами создали и воспитали своим влиянием. Так всегда возникают войны: из игры опасными словами, из возбуждения национальных страстей; так возникают и политические преступления. Ни один порок, ни одна жестокость не вызвали столько кровопролитий, сколько человеческая трусость. Поэтому если Жозеф Фуше в Лионе становится массовым палачом, то причина этого кроется не в его республиканской страстности (он не знает никаких страстей), а единственно в боязни прослыть умеренным. Но не мысли являются решающим в истории, а деяния, и хотя он тысячу раз возражал против этого, за ним все-таки утвердилось прозвище *Mitrailleur de Lyon*, и впоследствии даже герцогская мантия не сможет скрыть следов крови на его руках.

Колло д'Эрбуа прибывает в Лион 7 ноября, а Фуше – 10-го. Они тотчас же приступают к делу. Но прежде чем начать настоящую трагедию, экс-комедиант и его помощник – бывший священнослужитель – разыгрывают маленькую сатирическую пьеску, пожалуй, самую вызывающую и наглую за все время французской революции – нечто вроде черной мессы среди бела дня. Панихида по мученику свободы Шалье становится предлогом для этой оргии атеистического экстаза. Пролог разыгрывается в восемь часов утра. Из всех церквей выносят остатки предметов культа, – срываются с алтарей распятия, выбрасываются покровы и облачения, огромное шествие проходит по всему городу к площади Терро. Четыре прибывших

из Парижа якобинца несут на носилках, покрытых трехцветными коврами, бюст Шалье, усыпанный грудями цветов, урну с его прахом и маленькую клетку с голубем, который будто бы служил утешением мученику в тюрьме. Торжественно и серьезно шествуют за носилками три проконсула, направляясь к месту нового богослужения, которое должно со всей пышностью засвидетельствовать перед лионским населением божественность мученика свободы Шалье. «Dieu sauveur mort pour eux»⁴¹. Но эту и без того уже неприятно патетическую церемонию усугубляет еще и чрезвычайно неудачная, глупая, безвкусная выдумка: шумная толпа, ликуя, пускаясь в дикие пляски, тащит похищенную церковную утварь, чаши, дароносицы и религиозные изображения, а позади трусит осел, которому искусно напялили на уши епископскую митру. К хвосту бедного животного привязали распятие в Библию, и так, на потеху ревущей толпе, волочится по уличной грязи привязанное к ослиному хвосту Евангелие.

Наконец воинственные фанфары призывают народ остановиться. На большой площади сооружен алтарь из дерна, на нем торжественно устанавливают бюст Шалье и урну. Три народных представителя благоговейно склоняются перед новой святыней. Первым берет слово бывалый актер Колло д'Эрбуа, а за ним выступает Фуше. Он, упорно молчавший в Конvente, овладев своим голосом, высокопарно взывает, обращаясь к гипсовому бюсту: «Шалье, Шалье, тебя нет с нами! Преступники принесли в жертву тебя, мученика свободы, и пусть кровь этих преступников будет искупительной жертвой, которая успокоит твою разгневанную тень. Шалье! Шалье! Перед твоим изображением клянемся мы отомстить за пытки, и пусть дымящаяся кровь аристократов будет для тебя ладаном». Третий народный представитель менее красноречив, чем будущий аристократ, герцог Отрантский. Он лишь смиренно целует бюст и восклицает громовым голосом: «Смерть аристократам!»

После этих трех торжественных молений зажигается большой костер. Серьезно смотрят недавний монах Жозеф Фуше и его коллеги, как отвязывают Евангелие от ослиного хвоста и бросают в костер, чтобы сжечь вместе с церковными облачениями, требниками, дароносицами и деревянными изображениями святых. Затем осла, в награду за его кощунственные заслуги, поят из освященной чаши для причастия, и, по окончании этой безвкусной церемонии, четверо якобинцев на плечах относят бюст Шалье в церковь, где его торжественно водружают на алтарь вместо разбитого изображения Христа.

Для сохранения непреходящей памяти об этом достойном празднестве в последующие за ним дни чеканят медаль. Теперь ее нельзя нигде достать, вероятно, потому, что впоследствии герцог Отрантский скупил все экземпляры и уничтожил их, так же как и книги, слишком подробно описывающие эти яркие подвиги из ультраякобинского и атеистического периода его деятельности.

Он сам обладал хорошей памятью, но для *Monsieur le sénateur ministre*⁴² христианнейшего короля было весьма неудобно и неприятно, чтобы другие помнили и могли напомнить об этой лионской черной мессе.

Как ни отвратителен первый день пребывания Жозефа Фуше в Лионе, все же пока это только спектакль и нелепый маскарад. Кровь еще не пролилась. Но уже на следующее утро консулы запираются в уединенном, неприступном доме; вооруженная стража охраняет его от посторонних; дверь заперта, словно символически преграждая доступ всякому снисхождению, всякой просьбе. Создается революционный трибунал, и письмо Конвенту возвещает, какую ужасную Варфоломеевскую ночь задумали народные короли Фуше и Колло: «Мы исполняем нашу миссию с энергией стойких республиканцев и не намерены спускаться с той высоты, на которую нас возвел народ, ради соблюдения жалких интересов нескольких более или менее виновных людей. Мы отстранили от себя всех, ибо не хотим ни терять времени, ни оказывать

⁴¹ Бога-спасителя, умершего за нас (*фр.*)

⁴² его высокопревосходительства господина министра и сенатора (*фр.*)

милости. Мы видим только республику, повелевающую нам дать лионцам примерный и памятный урок. Мы слышим только вопль народа, требующего быстрой и страшной мести за казнь патриотов, чтобы человечеству не пришлось впредь проливать потоки крови. Уверенные в том, что в этом подлом городе нет иных невинных, кроме тех, кого убийцы народа угнетали и заключали в тюрьмы, мы относимся недоверчиво к слезам раскаяния. Ничто не может обезоружить нашу суровость. Мы должны вам сознаться, граждане коллеги, что на снисходительность мы смотрим как на опасную слабость, способную вновь воспламенить преступные надежды в тот момент, когда их нужно погасить навсегда. Оказать снисхождение одному человеку – значит оказать его всем подобным ему, и тогда воздействие вашего правосудия будет недействительным. Разрушение подвигается слишком медленно, республиканское нетерпение требует решительных мер: только взрывы мин, пожирающая работа пламени могут выразить гневную силу народа. Исполнение его воли не должно задерживаться, как исполнение воли тиранов, оно должно быть разрушительным, как буря».

Эта буря разражается по заранее намеченной программе 4 декабря, и ее отголоски грозно раскатываются по всей Франции. Рано утром выводят из тюрьмы шестьдесят юношей, связанных по двое. Но их ведут не к гильотине, работающей «слишком медленно», по выражению Фуше, а на равнину Бротто, по ту сторону Роны. Две параллельные наспех вырытые каналы дают жертвам понять ожидающую их судьбу, а поставленные в десяти шагах от них пушки указывают на средство этой массовой бойни. Беззащитных людей собирают и связывают в кричащий, трепещущий, воющий, неистовствующий, тщетно сопротивляющийся клубок человеческого отчаяния. Звучит команда – и из смертельно близких пушечных жерл в трясущуюся от ужаса человеческую массу врывается разящий свинец. Этот первый выстрел не убивает всех обреченных, у некоторых только оторваны руки или ноги, у других разорваны внутренности, некоторые даже случайно уцелели. Но пока кровь широким струящимся потоком стекает в каналы, звучит новая команда, и теперь уже кавалеристы набрасываются с саблями и пистолетами на уцелевших, рубят и расстреливают дрожащее, стонущее, вопящее, беззащитное и не могущее бежать человеческое стадо, пока не замирает последний хрип. В награду за убийство палачам разрешается снять одежду и обувь с шестидесяти еще теплых трупов, прежде чем закопать их истерзанными и обнаженными.

Это первый из знаменитых пушечных расстрелов Жозефа Фуше, будущего министра христианнейшего короля, и на следующий день он гордо хвастает в пламенной прокламации; «Народные представители останутся твердыми в исполнении доверенной им миссии, народ вложил в их руки громы своей мести, и они сохраняют их, пока не будут уничтожены-все враги свободы. У них хватит мужества спокойно шагать вдоль длиннейших рядов могил заговорщиков, чтобы, шагая через развалины, прийти к счастью нации и обновлению мира». И в тот же день это печальное «мужество» еще раз подтверждается смертоносными пушками на равнине Бротто; на этот раз перед ними еще большее стадо. Двести десять голов убойного скота выводят со связанными за спиной руками, и через несколько минут их укладывают картечь и залпы пехоты. Процедура остается той же, только на этот раз мясникам облегчают неприятную работу – их освобождают после столь утомительной резни от обязанностей могильщиков. Зачем этим негодьям могилы? Сняв окровавленные сапоги со сведенных судорогой ног, обнаженные, подчас еще корчащиеся тела просто бросают в текучую могилу Роны.

Но и эту ужасную расправу, которая вызовет отвращение по всей стране и в мировой истории, Жозеф Фуше еще облакает покровом восторженных слов. Даже то, что воды Роны заражены трупами, он прославляет как политический подвиг: дескать, донесенные течением до Тулона, они послужат наглядным примером неумолимой, страшной мести республиканцев. «Необходимо, – пишет он, – чтобы окровавленные тела, брошенные в Рону, доплыли вдоль обоих берегов до устья, до подлого Тулона: они возбудят ужас у трусливых и жестоких англичан, ужаснут их и покажут им силу народного всемогущества». В самом Лионе такое устрашение уже излишне, ибо казнь продолжает следовать за казнью, гекатомба за гекатомбой. Взятие Тулона Фуше приветствует «слезами радости» и в честь радостного дня «посылает на расстрел двести мятежников». Все мольбы о пощаде тщетны.

Двух женщин, слишком страстно моливших кровавое судилище об освобождении их

мужей, поставили связанными у гильотины; никого из пытающихся просить о снисхождении не подпускают даже к дому народных представителей. Но чем неистовее грохочут залпы, тем громче раздаются слова проконсулов: «Да, мы осмеливаемся это утверждать, мы пролили немало нечистой крови, но лишь во имя человечности и исполнения долга... Мы не выпустим из рук молнию, которую вы доверили нашим рукам, пока вы не прикажете нам этого, До тех пор мы будем непрерывно продолжать убивать наших врагов, мы истребим их самым совершенным, самым ужасным и самым быстрым способом».

И тысяча шестьсот казней в течение нескольких недель подтверждают, что на этот раз, в виде исключения, Жозеф Фуше сказал правду.

Но, организуя эти боины и составляя о них восторженные донесения, Жозеф Фуше и его коллега не забывают о другом печальном поручении Конвента. В первый же день по прибытии они посылают в Париж жалобу, утверждая, что предписанное разрушение города «слишком медленно» совершалось их предшественником, «теперь мины должны ускорить дело разрушения; саперы уже приступили к работе, и в течение двух дней здания Белькура будут взорваны». Эти знаменитые фасады, начатые еще в царствование Людовика XIV, построенные учеником Манеара, были, как самые лучшие, предназначены к уничтожению первыми. Жители грубо изгоняются из домов, и сотни безработных, женщины и мужчины, за несколько недель бессмысленно разрушительной работы превращают великолепные произведения архитектуры в груды мусора. Несчастный город наполнен воплями и стонами, треском выстрелов и грохотом рушащихся зданий; пока комитет de justice⁴³ уничтожает людей, а комитет de demolition⁴⁴ – дома, комитет des substances⁴⁵ проводит беспощадную реквизицию съестных припасов, тканей и ценных вещей.

Каждый дом обыскивается от погреба до чердака в поисках скрывающихся людей и спрятанных драгоценностей; везде царит террор двоих – Фуше и Колло, незримых и недоступных, прячущихся в доме, оберегаемом стражей. Лучшие дворцы уже разрушены, тюрьмы хотя и пополняются заново, но все же наполовину пусты, магазины очищены, и поля Бротто пропитались кровью тысяч казненных; в конце концов несколько граждан решаются (пусть это будет стоить им жизни!) отправиться в Париж и подать Конвенту прошение о сохранении оставшейся части города. Конечно, текст этого прошения очень осторожен, даже раболепен; они трусливо начинают с поклонов, восхваляя декрет, достойный Герострата, который «словно продиктован гением римского сената». Но затем они просят о «пощаде для искренне раскаявшихся, для заблуждающихся, о пощаде – мы осмеливаемся так выразиться – для невинных, несправедливо обвиненных».

Но консулы своевременно узнали о тайной жалобе, и Колло д'Эрбуа, самый красноречивый из них, летит курьерской почтой, чтобы своевременно отпарировать удар. На следующий день у него хватает дерзости, вместо того чтобы оправдываться, восхвалять в Конвенте и в клубе якобинцев массовые казни как особую «гуманность». «Мы хотели, – говорит он, – освободить человечество от ужасного зрелища слишком многих казней, следующих одна за другой, поэтому комиссары решили уничтожить в один день осужденных и предателей; это желание вызвано подлинной чувствительностью (veritable sensibilite)». И у якобинцев он еще пламеннее, чем в Конвенте, восторгается этой «гуманной» системой. «Да, мы уничтожили двести осужденных одним залпом, и нас упрекают за это. Разве не понятно само собой, что это было актом гуманности. Когда гильотинируют двадцать человек, то последний из осужденных двадцать раз переживает казнь, в то время как таким путем двадцать предателей

⁴³ правосудия (фр.)

⁴⁴ разрушения (фр.)

⁴⁵ имущества (фр.)

погибают одновременно». И действительно, эти избитые фразы, поспешно выуженные из кровавой чернильницы революционного жаргона, производят впечатление: Конвент и якобинцы одобряют объяснения Колло и тем самым дают проконсулам санкцию на новые расправы. В тот же день Париж чествует перенесение праха Шалье а Пантеон – честь, оказанная до тех пор только Жан-Жаку Руссо и Марату, – и его возлюбленной, так же как и возлюбленной Марата, назначают пенсию. Таким образом, этот мученик публично объявлен национальным святым, и все насилия Фуше и Колло одобрены как справедливая месть.

И все же некоторая неуверенность овладела обоими деятелями, ибо опасная обстановка в Конвенте, колебания между Дантоном и Робеспьером, между умеренностью и террором требуют удвоенной осторожности. И вот они решают разделить роли: Колло д'Эрбуа остается в Париже, чтобы следить за настроениями Комитета и Конвента, чтобы заранее, со своей напористой ораторской страстностью разгромить всякое возможное нападение, продолжение же убийств предоставляется «энергии» Фуше. Важно установить, что в то время Жозеф Фуше был неограниченным самодержцем, ибо впоследствии он ловко пытается приписать все насилия своему более откровенному коллеге; но факты свидетельствуют, что и в то время, когда он повелевал единолично, коса смерти бушевала не менее убийственно. Расстреливают пятьдесят четыре, шестьдесят, сто человек в день; и в отсутствие Колло, как и прежде, рушатся стены, разграбляются и сжигаются дома, тюрьмы опустошаются казнями, и по-прежнему Жозеф Фуше старается заглушить свои собственные деяния восторженными кровавыми словами: «Пусть приговоры этого трибунала внушают страх преступникам, но они успокаивают и утешают народ, внемлющий им и одобряющий их. Неправы те, кто предполагает, что мы хоть раз оказали виновным честь помилования: не помиловали ни одного».

Но внезапно – что же произошло? – Фуше меняет тон. Своим тонким чутьем он издалека уловил, что ветер в Конвенте резко изменил направление, потому что с некоторых пор его яростные смертоносные фанфары не находят настоящего отклика. Его якобинские друзья, его атеистические единомышленники, Эбер, Шометт, Ронсен⁴⁶ вдруг умолкли – умолкли навсегда, – беспощадная рука Робеспьера неожиданно схватила их за горло. Ловко балансируя между слишком бурными и слишком милосердными и прокладывая себе дорогу то вправо, то влево, этот добродетельный тигр внезапно набросился из мрака на ультралибералов. Он настоял, чтобы Каррье, который так же радикально топил нантцев, как Фуше расстреливал лионцев, был вызван в Конвент для личного отчета; действуя через преданного ему душой и телом Сен-Жюста⁴⁷, он отправил в Страсбурге на гильотину буйного Евлогия Шнайдера; он публично клеймил, назвав нелепостью, атеистические народные зрелища, подобные тем, которые устроил Фуше в провинции и в Лионе, и отменил их в Париже. И, как всегда, робко и послушно следуют его указаниям встревоженные депутаты.

Снова обуял Фуше прежний страх: вдруг он окажется не с большинством. Террористы побеждены – зачем же оставаться террористом? Лучше поскорее перебраться к умеренным, к Дантону и Демулену, требующим теперь «милостивого трибунала», быстро примениться к новому направлению ветра. Шестого февраля он внезапно приказывает прекратить расстрелы, и только гильотина (о которой он писал в своих памфлетах, что она работает слишком медленно) нерешительно продолжает свое дело – каких-нибудь две-три головы в день, не больше, – это, конечно, пустяки в сравнении с прежними национальными торжествами на равнине Бротто. Вместо этого он сразу направляет всю свою энергию против радикалов, против устроителей учрежденных им торжеств и исполнителей его приказов; революционный Савл внезапно превращается в гуманного Павла. Он попросту переходит на сторону противников, объявляет

⁴⁶ *Ронсен, Шарль Филипп* (1751–1794) – командующий революционной армией, созданной Конвентом для борьбы с контрреволюцией, эбертист. Казнен термидорианцами вместе с Эбером.

⁴⁷ *Сен-Жюст Луи Антуан* (1767–1794) – сподвижник Робеспьера, член Комитета общественного спасения, один из организаторов побед революционной армии над интервентами в период якобинской диктатуры. Казнен вместе с Робеспьером.

друзей Шалье «средоточием анархии и мятежей» и скоропалительно распускает десяток-другой революционных комитетов. И тогда происходит нечто чрезвычайно странное: уstraшенное, до смерти напуганное население Лиона вдруг видит в герое массовых расстрелов Фуше своего спасителя. А лионские революционеры пишут одно гневное послание за другим, обвиняя его в снисходительности, в предательстве и «угнетении патриотов».

В этих отважных превращениях, в этих наглых переходах среди бела дня в другой лагерь, в этих перебежках к победителю – секрет метода борьбы Фуше. Только это спасло ему жизнь. Он вел двойную игру, делал прямо противоположные ставки. Если в Париже его обвинят в слишком большой снисходительности, он укажет на тысячи могил и на разрушенные лионские здания. Если его обвинят в кровожадности – он сошлется на жалобы якобинцев, обвиняющих его в «модерантизме», в излишней снисходительности; он может, в зависимости от направления ветра, вытащить из правого кармана доказательство своей неумолимости или из левого – гуманности; он может выступить в роли палача Лиона и в роли его спасителя. И действительно, с помощью этого ловкого шулерского фокуса ему удалось свалить всю ответственность за бойню на своего более откровенного и прямолинейного коллегу Колло д'Эрбуа. Однако он сумел обмануть лишь более поздние поколения: неумолимо бодрствует в Париже Робеспьер – враг, не простивший Фуше того, что он вытеснил из Лиона его ставленника Кутона. Он знает по Конвенту этого двуличного депутата, зорко следит за всеми превращениями и перебежками Фуше, торопящегося теперь укрыться от грозы. Но недоверие Робеспьера имеет железные когти: от них не укроешься. Двенадцатого жерминаля он добивается в Комитете общественного спасения издания грозного декрета, в котором Фуше предписывалось немедленно явиться в Париж и представить отчет о лионских происшествиях. Он, в течение трех месяцев творивший жестокий суд и расправу, теперь должен сам предстать перед судом.

Перед судом? За что? За то, что он за три месяца казнил две тысячи французов? Быть может, его будут судить так же, как его коллегу Каррье и других массовых палачей? Но именно в этот момент обнаруживается политическая гениальность последнего, поражающе наглого поворота Фуше: оказывается, он должен оправдаться в том, что подавил радикальное «Societe populaire»⁴⁸, что преследовал якобинских патриотов. *Mitrailleur de Lyon*, палач двух тысяч жертв, обвиняется – незабываемый исторический фарс! – в самом благородном преступлении, известном человечеству: в излишней гуманности.

Третьего апреля Жозеф Фуше узнает, что Комитет общественного спасения требует его для отчета в Париж, пятого – он садится в дорожную карету. Шестнадцать глухих ударов сопровождают его отъезд, шестнадцать ударов гильотины, в последний раз разящей по его приказанию. И еще два самых последних приговора торопливо приводятся в исполнение в этот день, два очень странных приговора. Кто же эти заключительные жертвы великого избиения, которые (по шутливому выражению эпохи) «выплюнули свои головы в корзину»?

3. Борьба с Робеспьером (1794)

Это лионский палач и его помощник. Те самые, кто с одинаковым равнодушием гильотинировали по приказу реакции Шалье и его друзей, а затем, по приказу революции, – сотни реакционеров; теперь и они дождались своей очереди попасть под нож гильотины. При самом настойчивом желании из судебных протоколов нельзя выяснить, в чем именно они обвинялись, вероятно, они были принесены в жертву только затем, чтобы некому было рассказать преемникам Фуше и грядущим поколениям о лионских событиях. Мертвые умеют молчать лучше всех.

Карета умчалась. У Фуше есть о чем поразмыслить по дороге в Париж. Он может утешать себя, что еще не все потеряно: у него много влиятельных друзей в Конвенте, прежде всего Дантон – великий противник Робеспьера; быть может, все же еще удастся сдержать грозного Максимилиана, угрожая ему самому. Но откуда знать Фуше, что в эти решающие часы

⁴⁸ народное общество (*фр.*)

революции события катятся намного быстрее, чем колеса почтовой кареты? Что вот уже два дня как его близкий друг Шометт сидит в тюрьме, что громадную львиную голову Дантона Робеспьер уже вчера швырнул на плаху, что именно в этот день Кондорсе, духовный вождь правых, бродит голодный в окрестностях Парижа и на следующий день отравится, чтобы избежать суда. Всех их свалил один-единственный человек, и как раз этот единственный – его злейший политический противник. Только восьмого числа вечером, добравшись наконец до Парижа, Фуше узнает размеры опасности, навстречу которой он мчался. Одному лишь богу ведомо, как мало спал проконсул Жозеф Фуше в эту первую ночь в Париже.

На следующее утро Фуше прежде всего отправляется в Конвент и с нетерпением ожидает начала заседания. Но странно – просторный зал не наполняется, больше половины скамей пусты. Разумеется, многие депутаты могли отправиться исполнять поручения Конвента или по каким-либо другим делам, но все же – какая зияющая пустота там, справа, где сидели вожди жирондистов, блестящие ораторы революции! Куда они исчезли? Двадцать два самых отважных, среди них – Верньо, Бриссо, Петион – погибли на эшафоте, покончили самоубийством или растерзаны волками во время бегства. Шестьдесят три соратника, осмелившиеся их защищать, изгнаны решением большинства – одним ударом Робеспьер освободился от сотни своих противников справа. Но не менее энергично обрушился его кулак на собственные ряды, на «гору»: Дантон, Демулен, Шабо, Эбер, Фабр д'Эглантин⁴⁹, Шометт и десятка два других – все, кто сопротивлялся его воле, его догматическому тщеславию, отправлены им в могилу.

Всех устранил этот невзрачный человек, низенький, тощий, с желчным лицом, невысоким, скошенным назад лбом, маленькими, водянистыми, близорукими глазами, так долго остававшийся незамеченным за гигантскими фигурами своих предшественников. Но коса времени расчистила ему путь: с тех пор как устранены Мирабо, Марат, Дантон, Демулен, Верньо, Кондорсе, то есть трибун, мятежник, вождь, писатель, оратор и мыслитель молодой республики, все эти функции объединились в одном лице, и он, Робеспьер, стал Pontifex maximus⁵⁰, диктатором и триумфатором. С тревогой смотрит Фуше на своего противника: все депутаты заискивающе толпятся вокруг него с назойливой почтительностью, а он с невозмутимым равнодушием принимает их славословия; защищенный своей «добродетелью», как панцирем, неприступный, непроницаемый, оглядывает Неподкупный своим близоруким взором арену, в гордом сознании, что никто уже не осмелится восстать против его воли.

Но один все же осмеливается – единственный, которому нечего терять, – Жозеф Фуше: он требует слова для оправдания своих действий в Лионе.

Это желание оправдаться перед Конвентом – вызов Комитету общественного спасения⁵¹, ибо не Конвент, а Комитет потребовал от него объяснений. Но он обращается к высшей, к основной инстанции, к собранию наций. Смелость этого требования очевидна, однако президент предоставляет ему слово. Ведь Фуше не первый попавшийся: слишком часто произносили его имя в этом зале, еще не забыты его заслуги, его донесения, его подвиги. Фуше поднимается на трибуну и читает обстоятельный доклад. Собрание выслушивает его, не прерывая, не выказывая ни одобрения, ни порицания. Но кончилась речь – и никто не хлопает. Ибо Конвент напуган. Год работы гильотины лишил этих людей душевного мужества. Некогда свободно отдававшиеся своим убеждениям, как порывам страсти, смело бросавшиеся в битву слов и мнений, все они теперь не любят высказывать свою точку зрения. С тех пор как палач,

⁴⁹ *Шабо Франсуа* (1756–1794) – депутат Законодательного собрания, член Конвента. *Фабр д'Эглантин Филипп* (1750–1794) – поэт, драматург; член Конвента, якобинец; в конце 1793 г. примкнул к дантонистам и вместе с ними казнен.

⁵⁰ верховным жрецом (*лат.*)

⁵¹ *Комитет общественного спасения* – один из комитетов Конвента, действовавший в 1793–1795 гг., фактически являлся французским правительством. Во главе его стоял Робеспьер.

словно Полифем⁵², вторгся в их ряды, хватая людей и справа и слева, с тех пор как гильотина мрачной тенью стоит за каждым их словом, они предпочитают молчать. Каждый прячется за другого, каждый бросает взгляды то направо, то налево, прежде чем сделать малейшее движение; страх, подобно гнетущему туману, кладет серый отпечаток на их лица; ничто так не унижает людей и в особенности толпу людей, как страх перед незримым.

И на этот раз они не осмеливаются высказать своего мнения. Лишь бы не вторгаться во владения Комитета, этого незримого трибунала! Оправдательная речь Фуше не принимается, но она и не отвергается, ее пересылают на рассмотрение Комитету. Другими словами, она причаливает к тому берегу, который Фуше тщательно старался обойти. Его первая битва проиграна.

Теперь и его охватывает страх. Он слишком далеко забрел, не зная местности: лучше всего побыстрее отступить. Лучше капитулировать, чем вступить в единоборство с самым могущественным. И вот Фуше в раскаянии, преклонив колени, склоняет голову. В тот же вечер он отправляется на квартиру к Робеспьеру, чтобы высказаться или, говоря откровенно, просить пощады.

Никто не присутствовал при этом разговоре. Известен лишь его результат, но по аналогичному посещению, с жуткой отчетливостью описанному в мемуарах Барраса, можно его вообразить. Прежде чем подняться по деревянной лестнице маленького дома на улице Сент-Оноре, где Робеспьер выставляет напоказ свою добродетель и свою нищету, Фуше должен подвергнуться допросу хозяев, оберегающих своего бога и жильца, как священную добычу. Вероятно, Робеспьер принял его так же, как и Барраса, в тесной, тщеславно украшенной лишь собственными портретами комнате, не пригласив сесть, стоя, холодно, с нарочито оскорбительным высокомерием, как жалкого преступника. Ибо этот муж, страстно любящий добродетель, столь же страстно и прочно влюбленный в собственную добродетель, не знает пощады и снисхождения к тому, кто хотя бы однажды держался иных взглядов, чем он. Нетерпимый и фанатичный, Савонарола разума и «добродетели», он отвергает всякое соглашение, не признает даже капитуляции своего противника; даже там, где политика властно требует соглашения, упорство ненависти и догматическая гордость не позволяют ему уступить. Что бы ни говорил тогда Фуше Робеспьеру и что бы ни отвечал ему судья, одно несомненно: его встретили не добром, а уничтожающим, беспощадным разносом, неприкрытой холодной угрозой, смертные приговором *en effigie*⁵³. И, возвращаясь по улице Сент-Оноре, дрожа от гнева, униженный, отвергнутый, обреченный, Жозеф Фуше понял, что с этой поры лишь одно может спасти его голову: голова Робеспьера должна раньше свалиться в корзину, чем его собственная. Война не на жизнь, а на смерть объявлена. Поединок между Робеспьером и Фуше начался.

Этот поединок Робеспьера и Фуше – один из самых интересных, самых волнующих психологических эпизодов в истории революции. Оба незаурядно умны, оба политики, они все же оба – и вызванный и вызывающий – впадают в общую ошибку: они недооценивают друг друга, каждый полагает, что давно уже знает другого. Для Фуше Робеспьер все еще изможденный, тощий, провинциальный адвокат, забавлявшийся вместе с ним шутками в аррасском клубе, фабриковавший слащавые стишки в духе Грекура⁵⁴ и впоследствии утомлявший Национальное собрание 1789 года своим пустословием. Фуше слишком поздно заметил, или, быть может, вовсе не заметил, как в результате упорной, непрерывной работы над собой, воодушевленный своей задачей Робеспьер из демагога превратился в государственного деятеля, из ловкого интригана – в прозорливого политика, из красноречивого – в

⁵² *Полифем* – мифологический персонаж: одноглазый великан (циклоп), сын Посейдона, жестоко расправившийся со спутниками Одиссея, попавшими в его пещеру.

⁵³ написанным на лице (*фр.*)

⁵⁴ *Грекур Жан-Батист Жозеф* (1683–1743) – французский поэт, автор повестей фривольного содержания.

оратора. Ответственность большей частью возвышает человека, и Робеспьер вырос от сознания важности своей миссии, ибо среди жадных стяжателей и шумливых крикунов он чувствует, что судьба возложила на него одного спасение республики, и в этом задача всей его жизни. Осуществление именно своих, представлений о республике, о революции, о нравственности и даже о божестве он считает священным долгом человечества. Эта непреклонность Робеспьера составляет и красоту и слабость его характера. Потому что, опьяненный собственной неподкупностью, зачарованный своей догматической твердостью, он всякое инакомыслие считает уже не разногласием, а предательством и ледяной рукой инквизитора отправляет каждого противника, как еретика, на современный костер – гильотину. Нет сомнения: великая и чистая идея воодушевляет Робеспьера 1794 года. Вернее сказать, она его не воодушевляет, она застыла в нем. Она не может покинуть его, так же как и он ее (судьба всех догматических душ), и это отсутствие теплоты, способной передаваться другим, отсутствие человечности, способной увлечь других, лишает его подвиг подлинной творческой силы. Его мощь только в упорстве, его сила – в непреклонности: диктатура стала для него смыслом и формой его жизни. Либо он наложит отпечаток своего «я» на революцию, либо погибнет.

Такой человек не терпит противоречий, не терпит несогласия, не терпит даже соратников, а тем более противников. Он выносит лишь тех людей, которые отражают его собственные воззрения, пока они остаются рабами его духа, как Сен-Жюст и Кутон, всех же иных неумолимо вытраивает едкая щелочь его желчного темперамента. Но горе тем, кто не только не разделял его воззрений (он преследовал и таких), но и сопротивлялся его воле или же сомневался в его непогрешимости. Именно в этом провинился Жозеф Фуше. Он никогда не спрашивал у него совета, никогда не склонялся перед бывшим другом, он сидел на скамьях его врагов и смело перешагнул установленные Робеспьером границы умеренного, осторожного социализма, проповедуя коммунизм и атеизм. Но до сих пор Робеспьер не интересовался им всерьез. Фуше казался ему слишком незначительным. В его глазах этот депутат оставался скромным монастырским преподавателем, которого он помнил еще в сутане, знал как жениха своей сестры, как ничтожного честолюбца, изменившего своему богу, своей невесте и всем своим убеждениям. Он презирает и ненавидит его так, как только может непоколебимость ненавидеть изворотливость, непреложное постоянство – беспринципную погоню за успехом, со всей недоверчивостью, с какой религиозная натура относится к неверию; но эта ненависть была направлена до сих пор не на личность Фуше, а лишь на ту породу людей, представителем которой тот был. Робеспьер высокомерно пренебрегал им до этих пор; зачем трудиться из-за интригана, которого можно раздавить в любую минуту? Робеспьер до сих пор наблюдал за Фуше, но не боролся с ним всерьез лишь потому, что так долго его презирал.

Только теперь оба замечают, как недооценивали они друг друга. Фуше видит огромную силу, приобретенную Робеспьером за время его отсутствия: все подвластно ему – армия, полиция, суд, комитеты, Конвент и якобинцы. Побороть его представляется невозможным. Но Робеспьер принудил его к борьбе, и Фуше знает, что погибнет, если не победит. Великое отчаяние всегда порождает великую силу, и вот он, в двух шагах от пропасти, с мужеством отчаяния набрасывается на преследователя, как затравленный олень на охотника.

Военные действия открывает Робеспьер. Сперва он собирается лишь проучить наглеца, предостеречь его пинком ноги. Как предлогом он воспользовался своей знаменитой речью 6 мая, призывавшей все духовенство республики «признать высшее существо и бессмертие как руководящую силу вселенной». Никогда Робеспьер не произносил речи прекраснее, вдохновеннее той, которую он словно писал на вилле Жан-Жака Руссо: здесь догматик становится почти поэтом, туманный идеалист – мыслителем. Отделить веру от неверия и в то же время от суеверия, создать религию, возвышающуюся, с одной стороны, над облачным идолопоклонническим христианством, а с другой – над бездушным материализмом и атеизмом, соблюдая таким образом середину, которой он всегда пытается придерживаться в идеологических вопросах, – такова основная идея его обращения, которое, несмотря на напыщенную фразеологию, исполнено искренней нравственности и страстного стремления

возвысить человечество. Но, даже витая в высоких сферах, этот идеолог не сумел освободиться от политики, даже к этим его рассчитанным на вечность мыслям желчная, угрюмая злоба присоединяет личные нападки. С ненавистью вспоминает он о мертвых, которых сам толкнул на гильотину, и издевается над жертвами своей политики, Дантоном и Шометтом, как над презренными образцами безнравственности и богохульства. И вдруг он обрушивает сокрушительный удар на единственного проповедника атеизма, пережившего его гнев, – на Жозефа Фуше. «Поведай нам, кто дал тебе миссию возвестить народу, что бога нет! Чего хочешь, ты достигнуть, убеждая людей, что слепая сила определяет их судьбу, случайно карая то добродетель, то порок, и что душа не что иное, как слабое дыхание, угасающее у врат могилы! Несчастный софист⁵⁵, кто дает тебе право вырвать у невинности скипетр разума, чтобы доверить его рукам порока? Набросить траурное покрывало на природу, сделать несчастье еще отчаяннее, оправдать преступление, затемнить добродетель и унижить человечество!.. Только преступник, презренный для самого себя и отвратительный для всех других, способен верить тому, что лучшее, чем может нас одарить природа, – это ничто, небытие...»

Несмолкаемые аплодисменты звучат после блестящей речи Робеспьера. Конвент внезапно чувствует себя освобожденным от мелочности повседневных споров и единогласно принимает решение устроить предложенное Робеспьером празднество в честь верховного существа. Один Жозеф Фуше хранит молчание и кусает губы. Такой триумф противника вынуждает к молчанию. Он знает, что публично не может состязаться с этим мастером риторики. Безмолвный, бледный, он принимает его публичное унижение, но про себя решает отомстить, отплатить.

В течение нескольких дней, нескольких недель о Фуше ничего не слышно. Робеспьер полагает, что он устранен: пинка ногой было достаточно для наглеца. Но Фуше не видно и не слышно потому, что он действует подпольно, упорно и планомерно, как крот. Он посещает комитеты, заводит новые знакомства среди депутатов, он любезен, обязателен с каждым в отдельности и для каждого старается быть привлекательным. Больше всего он вращается среди якобинцев, где ловкое, гибкое слово имеет большое значение и где милостиво относятся к его лионским подвигам. Никто не знает точно, к чему он стремится, какие у него намерения, что предпримет этот деловитый, повсюду шныряющий, повсюду протягивающий нити невзрачный человек.

И внезапно все разъясняется – неожиданно для всех и неожиданнее всего для Робеспьера: 18 прериаля громадным большинством голосов Жозеф Фуше избирается председателем Якобинского клуба.

Робеспьер насторожился: этого ни он, ни кто-либо другой не ожидал. Теперь лишь дает он себе отчет, сколь хитрого, сколь смелого противника обрел он в лице Фуше. Вот уже два года не было случая, чтобы человек, публично им задетый, отважился защищать свои права. Все они быстро исчезали, лишь только его взор останавливался на них: Дантон скрылся в своем имении, жирондисты рассеялись по провинциям, остальные сидят дома и не подают голоса. А этот наглец, которого он в открытом собрании заклеил как нечистоплотного человека, спасается теперь в алтаре, в святыне революции, в Якобинском клубе, и добивается там самого высокого назначения, которое может получить патриот. Ведь не следует забывать, в самом деле, какую громадную моральную мощь приобрел этот клуб как раз в последний год революции. Самую высокую пробу чистейшей патриотической полноценности ставит Якобинский клуб, достаивая званием члена клуба; и тот, кого он изгоняет, кого он порицает, – уже тем самым заклеен как кандидат на плаху. Генералы, народные вожди, политики – все они склоняют голову перед этим судом, как перед высшей непогрешимой инстанцией

⁵⁵ Здесь: человек, который с помощью словесных ухищрений вводит слушателей в заблуждение, выдавая ложь за истину.

гражданского сознания. Члены клуба являются как бы преторианцами⁵⁶ революции, лейб-гвардией стражей храма. И эти преторианцы, эти строжайшие, честнейшие, непреклоннейшие республиканцы избрали Жозефа Фуше своим вождем! Гнев Робеспьера безграничен. Ибо среди бела дня этот негодяй ворвался в его царство, в его владения, туда, где он сам обвиняет своих врагов, где он закаляет собственную силу в избранном кругу испытанных друзей. И теперь, соберясь произнести речь, он должен будет просить разрешения у Жозефа Фуше, он, Максимильтен Робеспьер, должен будет подчиняться хорошему или дурному настроению Жозефа Фуше!

Тотчас же он напрягает все свои силы. Это поражение требует кровавого возмездия. Долой его немедленно не только с кресла президента, но и из общества патриотов! Он тотчас же натравливает на Фуше нескольких лионских граждан, возбуждающих против него обвинение, и когда, застигнутый врасплох, всегда беспомощный в открытой ораторской борьбе, Фуше неловко защищается, Робеспьер сам берет слово и уговаривает якобинцев, чтобы они «не дали обмануть себя жуликам». Этим первым ударом ему почти удается свалить Фуше. Но пока тот все же обладает полномочиями президента и благодаря этому может своевременно прекратить обсуждение. Бесславно обрывает он прения и возвращается во мрак, чтобы подготовить новое нападение.

Теперь Робеспьер осведомлен. Он понял метод борьбы Фуше; он знает, что этот человек не вступает в поединок, но каждый раз снова отступает, чтобы тайно, в тени, подготовить нападение с тыла. Недостаточно просто отшвырнуть и отхлестать такого упорного интригана; его нужно преследовать до самого последнего укрытия и раздавить. Необходимо его задушить, обезвредить окончательно и навсегда.

Поэтому Робеспьер нападает вторично. Он повторяет свое обвинение перед якобинцами и требует присутствия Фуше на следующем заседании для объяснений. Фуше, разумеется, избегает этого. Он знает свою силу, знает и свою слабость, он не желает дать Робеспьеру публично торжествовать, чтобы тот лицом к лицу унизил его в присутствии трех тысяч человек. Лучше вернуться во мрак, лучше быть побежденным и выиграть время, драгоценное время! Поэтому он вежливо пишет якобинцам, что, к сожалению, должен уклониться от публичных объяснений; он просит якобинцев отложить суд, пока оба комитета не придут к соглашению в оценке его деятельности.

На это письмо Робеспьер набрасывается как на добычу. Именно теперь необходимо схватить, окончательно уничтожить Жозефа Фуше... Речь против Жозефа Фуше, произнесенная им 23 мессидора (11 июня), – это самое ожесточенное, самое грозное и желчное выступление из всех, которые Робеспьер когда-либо предпринимал против своих врагов.

Уже в первых словах чувствуется, что Робеспьер стремится не только поразить своего врага, но и сразить его, не только унижить, но и уничтожить. Он начинает с притворным спокойствием. Вступление еще довольно снисходительно, он говорит, что «индивидуум» Фуше его не интересует:

«Я, быть может, когда-то был с ним до известной степени связан, так как считал его патриотом, и не столько его былые преступления заставляют меня теперь выступить с обвинением, сколько то, что он скрывается для совершения новых преступлений, а также потому, что, как я уверен, он является главой заговора, который мы должны уничтожить. Вдумавшись в только что оглашенное письмо, я должен сказать, что оно написано человеком, не желающим оправдаться перед своими согражданами, когда ему предъявлено обвинение. Этим положено начало системе тирании, ибо кто не желает оправдаться перед народным собранием, членом которого он состоит, тот оскорбляет авторитет этого народного собрания. Удивительно, что тот, кто прежде так домогался одобрения нашего общества, теперь перед лицом обвинения пренебрегает им и чуть ли не обращается в Конвент за помощью против якобинцев». И вот внезапно прорывается личная ненависть Робеспьера, даже внешнее уродство

⁵⁶ В Древнем Риме первоначально – личная охрана полководца, позднее – императорская гвардия. В широком смысле: отборные отряды, которые служат надежной опорой власти, основанной на силе.

Фуше он использует как желанный повод для уничтожения врага. «Неужели он боится, – продолжает издеваться Робеспьер, – глаз, ушей народа, боится, что его жалкий вид слишком явно будет свидетельствовать о его преступлениях? Что шесть тысяч обращенных на него глаз прочтут в его глазах всю душу, хотя природа и создала их такими коварно запрятанными? Не боится ли он, что его речь обнаружит смущение и противоречиями выдаст виновного? Всякий благоразумный человек должен признать, что страх – единственное основание его поведения; каждый избегающий взоров своих сограждан – виновен. Я призываю Фуше к ответу. Пусть он защищается и скажет, кто: он или мы достойнее охраняем права народного представительства и кто мужественнее уничтожал партийные раздоры: он или мы». Робеспьер называет Фуше «низким и презренным обманщиком», поведение которого равнозначно признанию вины, коварно намекает на «тех, чьи руки полны добычей и преступлениями», и кончает грозными словами: «Фуше достаточно охарактеризовал себя; я высказал эти замечания лишь для того, чтобы раз и навсегда дать понять заговорщикам, что они не ускользнут от бдительности народа». Хотя эти слова предвещают смертный приговор, но собрание все же слушается Робеспьера и без промедления изгоняет своего прежнего президента, как недостойного, из клуба якобинцев.

Теперь Фуше отмечен для гильотины, как дерево для порубки. Исключение из клуба якобинцев – это клеймо; обвинение Робеспьера, и к тому же столь озлобленное, – это приговор. Фуше среди бела дня завернут в саван. Каждый теперь ежечасно ждет его ареста, и больше всех он сам. Уже давно не спит он в своей постели, опасаясь, что за ним, так же как за Дантоном и Демуленом, явятся ночью жандармы. Он прячется у некоторых храбрых друзей, ибо надо обладать мужеством, чтобы дать убежище публично опозоренному, опальному, мужеством даже для того, чтобы открыто с ним разговаривать. За каждым его шагом следит руководимая Робеспьером полиция Комитета общественного спасения и доносит о его знакомствах, о его посещениях и свиданиях. Он незримо окружен, все его движения связаны, он уже обречен ножу гильотины.

И на самом деле: в это время ни один из семисот депутатов не находится в такой опасности, как Фуше, у которого нет пути к спасению. Он еще раз попытался хоть где-нибудь найти поддержку – прежде всего у якобинцев, – но суровый кулак Робеспьера лишил его этой поддержки, теперь голова, точно чужая, сидит на его плечах. И чего ждать от Конвента, от этого трусливого, запуганного стада овец, покорно блеющего свое «да», когда Комитет хочет отправить на гильотину кого-нибудь из их среды? Они без сопротивления выдали революционному трибуналу всех своих прежних вождей – Дантона, Демулена, Верньо, – лишь бы сопротивлением не привлечь внимания к себе самим. Почему же должен избежать этой участи Фуше? Безмолвно, боязливо, смущенно сидят на своих скамьях эти некогда столь храбрые и страстные депутаты. Отвратительный, разрушающий нервы, разлагающий душу яд страха парализует их волю.

Но такова уж всегдашняя тайна яда: он обладает и целебными свойствами, если искусно очистить и собрать воедино скрытые в нем силы. И здесь – как это ни парадоксально – именно страх перед Робеспьером может стать спасением от Робеспьера. Нельзя простить человека, непрерывно, неделями, месяцами заставляющего трепетать от страха, терзающего душу неизвестностью и парализующего волю; никогда человечество или часть его – отдельная группа – не могут долго выносить диктатуру одного человека, не проникаясь к нему, ненавистью. И эта ненависть укрошенных сказывается в подпольном брожении во всех слоях. Пятьдесят, шестьдесят депутатов, не осмеливающихся, подобно Фуше, ночевать дома, кусают губы, когда Робеспьер проходит мимо них, многие сжимают кулаки за его спиной, хотя аплодируют его речам. Чем беспощаднее, чем дольше властвует Неподкупный, тем больше растет возмущение против его сверхмощной воли. Все мало-помалу оказываются задетыми и обиженными: правое крыло тем, что он послал на эшафот жирондистов, левые – тем, что он бросил в корзину головы крайних радикалов. Комитет общественного спасения тем, что он угрожает их благосостоянию, честолюбцы тем, что он закрывает им дорогу, завистливые тем, что он властвует, и миролюбивые тем, что он не заключает с ними союза. Если бы удалось слить воедино эту стоглавую ненависть, их повсюду рассеянный страх превратить в кинжал, острие которого

пронзило бы грудь Робеспьера, они были бы все спасены: Фуше, Баррас, Гальен⁵⁷ и Карно, все его тайные враги. Но чтобы добиться этого, нужно прежде всего внушить большинству этих слабохарактерных людей мысль о том, что Робеспьер угрожает их жизни; нужно внушить еще больший ужас и еще большее недоверие, искусственно повысить напряжение, порожденное его деятельностью. Нужно, чтобы все и каждый еще сильнее ощутили удушающую свинцовую тяжесть неопределенно грозных речей Робеспьера, нужно, чтобы ужас стал еще ужасней, а страх еще страшней – и тогда, быть может, масса обретет достаточно мужества, чтобы напасть на этого одиночку.

Вот здесь-то и начинается настоящая деятельность Фуше. С раннего утра до поздней ночи он крадется от одного депутата к другому, нашептывая о новых тайных проскрипционных списках, готовящихся Робеспьером. И каждому в отдельности он поверяет: «Ты в списке», или: «Ты назначен в следующую партию». И действительно, постепенно распространяется незримый панический страх, потому что перед лицом этого Катона, в его абсолютно неподкупных глазах, мало кто из депутатов имеет вполне чистую совесть. Один был несколько неосторожен в обращении с деньгами, другой когда-то противоречил Робеспьеру, третий слишком много времени посвящал женщинам (все это преступления в глазах республиканского пуританина), четвертый, быть может, некогда был дружен с Дантоном или с кем-нибудь другим из ста пятидесяти осужденных, пятый приютил у себя отмеченного печатью смерти, шестой получил письмо от эмигранта. Короче говоря, каждый трепещет, каждый считает нападение на себя возможным, все чувствуют себя недостаточно чистыми, чтобы вполне удовлетворить чрезмерно строгим требованиям, предъявляемым Робеспьером к гражданской добродетели. И Фуше продолжает перебегать, как челнок на ткацком станке, от одного к другому, протягивая новые нити, завязывая новые петли, все сильнее захватывая, обволакивая депутатов этой паутиной недоверия и подозрительности. Но затеянная им игра опасна, ибо он плетет лишь паутину, – и одно резкое движение Робеспьера, одно предательское слово может разорвать всю сеть.

Эта таинственная, отчаянная, опасная, хотя и закулисная роль Фуше в заговоре против Робеспьера недостаточно подчеркнута в большинстве работ, посвященных той эпохе, а в поверхностных работах имя Фуше даже не упоминается. История почти всегда пишется только на основании внешних фактов, и изобразители тех тревожных дней описывают обычно только драматический, патетический жест Гальена, размахивающего на трибуне кинжалом, который он собирает вонзить себе в грудь, внезапную энергию Барраса, созывающего войска, обвинительную речь Бурдона⁵⁸; короче говоря, в описаниях действующих лиц, актеров великой драмы, разыгравшейся 9 термидора, не замечают Фуше. И действительно, в этот день он не появляется на сцене Конвента; его работа, более трудная, протекала за кулисами, – это была работа режиссера, руководящего дерзкой, опасной игрой. Он распределил сцены, разучил с актерами роли, где-то во мраке репетировал их и, оставаясь во тьме, в своей родной сфере, подавал реплики. Но если позднейшие историки не заметили его роли, один человек уже тогда ощутил его деятельное присутствие; то был Робеспьер, открыто назвавший его настоящим именем: «*Chef de la conspiration*» – главой заговора.

Этот недоверчивый, подозрительный ум угадывал, что втайне против него что-то затевается. Он замечает это по внезапно вспыхнувшему сопротивлению комитетов и еще яснее, быть может, по чрезмерной вежливости и покорности иных депутатов – его несомненных врагов. Робеспьер чувствует, что готовится какой-то удар в спину, он знает руку, которая

⁵⁷ Гальен Жан Ламбер (1767–1820) – журналист; член Конвента, якобинец, затем – один из руководителей термидорианского переворота; в 1795 г. подавлял народное восстание.

⁵⁸ Бурдон Франсуа Луи (1758–1798) – член Конвента, поддерживавший дантонистов, один из организаторов термидорианского переворота.

его нанесет, руку *chef de la conspiration*, и принимает меры. Осторожно запускает он свои щупальца: собственная полиция, частные шпионы доносят Робеспьеру о каждом шаге, каждом выходе, каждой встрече, каждом разговоре Тальена, Фуше и других заговорщиков; в анонимных письмах его предостерегают или советуют немедленно объявить себя диктатором и уничтожить врагов, прежде чем они объединятся. Для того чтобы их смутить и обмануть, он вдруг надевает личину равнодушия к политической власти. Он больше не появляется ни в Конвенте, ни в Комитете. Сжав губы, он одиноко бродит со своим ньюфаундлендом и с книгой в руках; его встречают на улицах или в окрестных лесах, увлеченного своими излюбленными философами и, по-видимому, равнодушного к власти и могуществу. Но вечером, возвращаясь в свою комнату, он часами работает над текстом большой речи. Бесконечно долго работает он над ней – по рукописи видно, сколько он сделал изменений и добавлений; эта большая решающая речь, которой он хочет сразу уничтожить всех своих врагов, должна быть неожиданной и острой, как нож, она должна быть плодом ораторского вдохновения, сверкать умом и отточенной ненавистью. С этим оружием в руках он хочет застать врагов врасплох, прежде чем они соберутся и сговорятся. Но лезвие все еще кажется ему недостаточно острым, недостаточно ядовитым, и долгие, драгоценные дни проходят за этой жуткой работой.

Но больше нельзя терять времени, ибо все шпионы доносят о тайных собраниях. 5 термидора в руки Робеспьера попадает письмо Фуше, адресованное его сестре; в нем содержатся таинственные слова: «Мне нечего бояться клеветы Максимилиана Робеспьера... скоро ты услышишь об исходе этого дела, которое, как я надеюсь, кончится в пользу республики». Итак – скоро; Робеспьер предупрежден. Он призывает к себе своего друга Сен-Жюста и запирается с ним в тесной мансарде на улице Сент-Оноре. Там выбирается день и способ нападения. 8 термидора Робеспьер должен ошеломить и парализовать Конвент своей речью, а 9-го Сен-Жюст выступит с требованием казни его врагов, казни строптивых членов Комитета, и прежде всего – казни Жозефа Фуше.

Напряжение становится почти невыносимым, заговорщики также чувствуют сверканье молний в тучах. Но они все еще медлят напасть на сильнейшего человека Франции, на него, могущественнейшего, захватившего все орудия власти, сосредоточившего в своих руках управление городом и армией, якобинцами и народом и обладающего славой и силой незапятнанного имени. Они все еще не чувствуют в себе достаточной уверенности, они все еще недостаточно многочисленны, недостаточно уверены, недостаточно решительны, недостаточно смелы, чтобы в открытой борьбе схватиться с этим гигантом революции; иные уже осторожно поговаривают об отступлении и примирении. Заговор, с трудом склеенный, грозит развалиться.

В этот миг судьба – самый гениальный поэт – бросает решающую гирю на колеблющуюся чашу весов. Оказывается, именно Фуше суждено взорвать мину. Ибо в эти дни, отчаянно затравленный всеми гончими, ежечасно чувствующий угрозу гильотины, он, в дополнение к своим политическим провалам, испытывает еще одно большое личное несчастье. Суровый, холодный, коварный и замкнутый в общественных делах и в политике, этот удивительный человек превращается у себя дома в трогательного супруга, нежного семьянина. Он страстно любит свою отталкивающе уродливую жену и особенно маленькую дочку, родившуюся в период проконсульства, которую он сам окрестил на рыночной площади Невера, дав ей имя Ниевр. Это маленькое, нежное, бледное дитя, его любимица, внезапно тяжело заболевает в те дни термидора, и к заботе о собственной жизни присоединяется новая грозная забота – о жизни дочери. Это самое жестокое испытание; он знает, что немощный, слабогрудый ребенок умирает на руках матери, и не может из-за преследований Робеспьера проводить ночи у постели смертельно больной девочки, он должен прятаться в чужих квартирах и мансардах. Вместо того чтобы быть с ней, прислушиваясь к ее угасающему дыханию, он должен поспешно перебегать от одного депутата к другому, лгать, умолять, заклинать, защищая собственную жизнь. Измученный, с разбитым сердцем, без устали бродит несчастный в эти знойные июльские дни (много лет не бывало такой жары) по политическим задворкам, не имея возможности

находиться там, где страдает и умирает его любимый ребенок.

5 и 6 термидора этому испытанию приходит конец. Фуше провожает на кладбище маленький гробик: ребенок умер. Такие испытания ожесточают. После смерти дочери ему уже не страшна собственная смерть. Новая, рожденная отчаянием отвага укрепляет его волю. И когда заговорщики еще медлят и стараются отложить борьбу, Фуше, которому больше нечего терять на земле, кроме собственной жизни, произносит решительные слова: «Завтра должен быть нанесен удар». Это сказано 7 термидора.

И вот наступает утро 8 термидора – великого исторического дня. Уже с самого раннего утра безоблачный июльский зной давящей тяжестью ложится на спокойный город. Только в Конвенте царит раннее и необычное волнение: депутаты шепчутся по углам, в кулуарах и на трибунах невиданное множество посторонних и любопытных. Призраки таинственности и напряжения бродят по залу, ибо неведомым путем распространилась весть, что сегодня Робеспьер будет расправляться со своими врагами. Может быть, кто-нибудь подслушал и подсмотрел, как Сен-Жюст вечером возвращался из его обычно запертой на ключ комнаты, а Конвент слишком хорошо знает последствия этих тайных совещаний. Или же напротив, Робеспьер узнал о воинственных замыслах своих противников?

Все заговорщики, все, кто под угрозой, боязливо вглядываются в лица своих коллег: не выболтал ли кто-нибудь опасную тайну и кто именно мог это сделать? Предупредит ли их. Робеспьер, или они раздавят его раньше, чем он заговорит? Отречется ли от них или защитит их «болото» – неустойчивое, трусливое большинство? Каждый колеблется и трепещет. И, словно духота свинцового неба над городом, зловещая тяжесть общего беспокойства ложится на собрание.

Действительно, едва открылось заседание, Робеспьер просит слова. Торжественно, как в день прославления верховного существа, облачился он в свой, уже ставший историческим, небесно-голубой костюм и белые шелковые чулки; медленно, с нарочитой торжественностью, он поднимается на трибуну. На этот раз, однако, он держит в руках не факел, как тогда, а сжимает – словно ликтор рукоятку топора – объемистый сверток: свою речь. Найти в этих свернутых листках свое имя – означает гибель для каждого, поэтому мгновенно прекращается болтовня и шепот на скамьях. Из сада и кулуаров торопятся депутаты на свои места. Каждый со страхом вглядывается в слишком хорошо знакомое узкое лицо. Но ледяной, замкнутый, непроницаемый для любопытных взглядов Робеспьер медленно разворачивает свою речь. Прежде чем начать читать, он подымает свои близорукие глаза и, чтобы усилить напряжение, медленно, холодно и грозно оглядывает справа налево и слева направо, снизу доверху и сверху донизу все, словно за гипнотизированное, собрание. Вот они сидят – его немногочисленные друзья, множество колеблющихся и трусливая свора заговорщиков, ожидающая своей гибели. Он смотрит им в глаза. Только одного он не видит. Единственный из врагов отсутствует в этот решающий час: Жозеф Фуше.

Но удивительно: только имя этого отсутствующего, только имя Жозефа Фуше упоминается в прениях. И как раз в связи с его именем разгорается последняя, решительная битва.

Робеспьер говорит долго, растянуто и утомительно; по старой привычке он размахивает ножом гильотины, не называя имен, упоминает о заговорах и конспирациях, о недостойных и преступниках, о предателях и кознях, но он не называет имен. Он удовлетворяется тем, что гипнотизирует собрание; смертельный удар должен на следующий день нанести Сен-Жюст. На три часа он растягивает свою неопределенную, избыточную пустыми фразами речь, и когда он ее заканчивает, собрание скорее утомлено, чем напугано.

Вначале никто не шевелится. На всех лицах написано недоумение. Непонятно: означает ли это молчание поражение или победу. Только прения могут решить вопрос.

Наконец один из приверженцев Робеспьера требует, чтобы Конвент постановил отпечатать его речь и тем самым одобрил ее. Никто не возражает. Большинство соглашается – трусливо, рабски и вместе с тем словно облегченно вздыхая, что сегодня не потребуют от него большего, не потребуют новых жизней, новых арестов, новых самоограничений. Но вот в последнюю минуту встает один из заговорщиков (его имя достойно упоминания – Бурдон де

л'Уаз) и возражает против напечатания речи. И этот единственный голос развязывает языки другим. Трусость постепенно нарастает и сгущается в мужество отчаяния; один за другим обвиняют депутаты Робеспьера в недостаточно ясной формулировке своих обвинений и угроз; пусть, наконец, выскажется ясно, кого он обвиняет. За четверть часа сцена преобразилась. Обвинитель Робеспьер должен защищаться; он ослабляет впечатление своей речью, вместо того чтоб усилить его; он поясняет, что никого не обвинял, никого не обличал.

В этот момент раздается вдруг голос одного маленького незначительного депутата: «Et Fouche?» – «А Фуше?» Имя произнесено, имя человека, которого Робеспьер уже клеймил однажды как руководителя заговора, предателя революции. Теперь Робеспьер мог бы, должен был бы нанести удар. Но странно, непостижимо странно – Робеспьер уклоняется: «Я сейчас не хочу им заниматься, я подчиняюсь лишь голосу своего долга».

Этот уклончивый ответ Робеспьера – одна из тайн, унесенных им с собой в могилу. Почему он щадит своего злейшего врага, сознавая, что речь идет о жизни и смерти? Почему он не поражает его, почему не нападает на отсутствующего, на единственного отсутствующего? Почему не дает облегченно вздохнуть другим, напуганным, которые, без сомнения, охотно пожертвовали бы Фуше ради своего собственного спасения? В тот же вечер – так утверждает Сен-Жюст – Фуше еще раз шатался приблизиться к Робеспьеру. Что это – уловка или искреннее намерение? Некоторые очевидцы утверждают, что видели его в эти дни на скамейке в обществе Шарлотты Робеспьер, его бывшей невесты; действительно ли пытался он побудить стареющую девушку замолвить за него слово? Действительно ли, отчаявшись, он ради спасения собственной жизни хотел предать заговорщиков? Или он хотел обезвредить Робеспьера и прикрыть заговор видом раскаяния и покорности? Играл ли он, самый двуличный из всех, и в этот раз, как и в тысяче других случаев, краплеными картами? Был ли неподкупный, но сам стоявший под угрозой Робеспьер склонен в тот час пощадить самого ненавистного врага ради того, чтобы удержаться самому? Было ли это уклонение от обвинения Фуше признаком тайного сговора или только уверткой?

Все это осталось неизвестным. Над образом Робеспьера еще и теперь, по прошествии стольких лет, витает тень таинственности. Никогда история не разгадает полностью этого непроницаемого человека, никогда не узнает его последних мыслей: жаждал ли он диктатуры для себя или республики для всех, хотел ли он спасти революцию или стать ее наследником, как Наполеон. Никто не узнал его затаенных мыслей, мыслей его последней ночи – с 8 на 9 термидора.

Ибо это его последняя ночь: в эту ночь назревает решение. В лунном свете душевной июльской ночи призрачно отсвечивает гильотина. Чьи позвонки затрепещут завтра под ее холодным лезвием: триумвирата Тальен – Баррас – Фуше или Робеспьера? Никто из шестисот депутатов не ложится в эту ночь, обе партии готовятся к решительной битве. Робеспьер из Конвента бросился к якобинцам; при мерцающем свете восковых свечей, дрожа от волнения, он читает им свою речь, отвергнутую Конвентом. Еще раз – в последний раз! – вокруг него бушует овация, но, полный горьких предчувствий, он не обольщается тем, что три тысячи человек, крича, толпятся вокруг него и называют эту речь своим завещанием. Тем временем его хранитель печати Сен-Жюст до зари отчаянно борется с Колло, Карно и другими заговорщиками в Комитете, а в кулуарах Конвента плетется сеть, которая завтра опутает Робеспьера. Дважды, трижды, словно челноком в ткацком станке, протягиваются нити слева направо, от партии «горы» к прежней реакционной партии, пока наконец к утру не сплетутся в прочный, неразрывный союз. Здесь снова внезапно появляется Фуше, ибо ночь – его стихия, интрига – подлинная сфера его деятельности. Свинцовое, от страха ставшее белым как известь, лицо Фуше призрачно выделяется в полусвете зал. Он нашептывает, льстит, обещает, он пугает, страшит, грозит одному за другим и не успокаивается, пока союз не заключен. В два часа утра все противники наконец сошлись на том, чтобы общими усилиями покончить с Робеспьером. Теперь Фуше может наконец отдохнуть.

На заседании 9 термидора Жозеф Фуше тоже не присутствует, но он может отдыхать, ибо

дело его сделано, сеть сплетена и большинство решило не позволить ускользнуть от смерти слишком сильному и опасному противнику. Едва начинает Сен-Жюст, оруженосец Робеспьера, заранее приготовленную смертоносную речь против заговорщиков, как Тальен прерывает его, ибо они сговорились накануне не давать слова ни одному из могучих ораторов: ни Сен-Жюсту, ни Робеспьеру. Оба должны быть задушены, прежде чем они начнут говорить, прежде чем начнут обвинять. И вот при ловкой поддержке услужливого председателя ораторы один за другим поднимаются на трибуну, а когда Робеспьер собирается защищаться, все начинают кричать, орать и стучать, заглушая его голос, – подавленная трусость шестисот нетвердых душ, их ненависть и зависть, копившиеся неделями и месяцами, направлены теперь на человека, перед которым каждый из них трепетал. В шесть часов вечера все решено. Робеспьер в опале и отправлен в тюрьму, напрасно его друзья, искренние революционеры, уважающие в нем суровую и страстную душу республики, освобождают его и укрывают в ратуше – ночью отряды Конвента штурмуют эту крепость революции, и в два часа утра, через двадцать четыре часа после того, как Фуше и его приверженцы подписали соглашение о его гибели, Максимилиен Робеспьер, враг Фуше, вчера еще могущественнейший человек Франции, лежит окровавленный, с раздробленной челюстью⁵⁹, поперек двух кресел в вестибюле Конвента. Крупная дичь затравлена, Фуше спасен. На следующий день телега грохоча катит к месту казни. С террором покончено, но угас и пламенный дух революции, прошла ее героическая эра. Настает час наследников – авантюристов и стяжателей, спекулянтов и двурушников, генералов и денежных мешков, час нового сословия. Теперь, как полагали, наступает и час Жозефа Фуше.

В то время как телега везет Максимилиена Робеспьера и его приверженцев по улице Сент-Оноре, по трагической дороге Людовика XVI, Дантона, Демулена и шести тысяч других жертв, вдоль нее теснятся ликующие, возбужденные толпы любопытных. Еще раз казнь становится народным праздником, флаги развеваются на крышах, крики радости несутся из окон, волна веселья заливают Париж. Когда падает в корзину голова Робеспьера, гигантская площадь сотрясается от дружного, восторженного ликования. Заговорщики изумлены: почему народ так страстно ликует по поводу казни человека, которому Париж, Франция еще вчера поклонялись, как богу? Изумление Тальена и Барраса возрастает еще больше, когда у входа в Конвент буйная толпа приветствует их восторженными возгласами как убийц тирана, как борцов против террора. Они изумлены. Уничтожая этого выдающегося человека, они стремились лишь освободиться от неудобного моралиста, слишком зорко следившего за ними, но они вовсе не собирались предоставить ржаветь гильотине, покончить с террором. Видя, однако, что народ более не расположен к массовым казням и что они могут снискать популярность, украсив месть гуманными мотивами, они быстро решают использовать это недоразумение. Они намерены утверждать, что все насилия революции лежат на совести Робеспьера (ведь из могилы нельзя возразить), что они всегда восставали против жестокости и крайности, всегда были апостолами милосердия.

И не казнь Робеспьера, а именно эта трусливая и лживая позиция его преемников придает дню 9 термидора его всемирно-историческое значение. Ибо до этого дня революция требовала для себя всех прав и спокойно принимала на себя всю ответственность, с этого же дня она робко начинает допускать, что совершались ошибки, и ее вожди начинают от нее отрезаться. Но внутренняя мощь всякого верования, всякого мировоззрения оказывается надломленной в тот момент, когда оно отрекается от безусловности своих прав, от своей непогрешимости. И тем, что жалкие победители Тальен и Баррас осыпают бранью трупы своих великих предшественников, Дантона и Робеспьера, называют их убийцами и робко садятся на скамьи правых, к умеренным, к тайным врагам революции, они предают не только историю и дух революции, но и самих себя.

Каждый хочет видеть рядом с собой Фуше – главного заговорщика, злейшего врага Робеспьера. Он, больше всех рисковавший головой, как *chef de la conspiration*, имел бы право на

⁵⁹ Во время ареста Робеспьера один из жандармов выстрелил из пистолета и ранил Робеспьера, раздробив ему челюсть.

самый сочный кусок добычи. Но удивительно – Фуше садится не с остальными заговорщиками на скамьи правых, а на свое старое место на «горе», к радикалам, и хранит там молчание. В первый раз (все удивлены) он не там, где большинство.

Почему так странно поступил Фуше? – спрашивали многие и тогда и позднее. Ответ прост. Потому, что он умнее и дальновиднее других, потому, что он своим превосходным политическим чутьем лучше улавливает положение дел, чем неумные Тальен и Баррас, которым только опасность на короткое время придала энергии. Фуше, бывший преподаватель физики, знает закон движения, согласно которому волна не может застыть неподвижно. Она должна непременно двигаться – вперед или назад. Если начнется отлив, настанет реакция – она так же не остановится в своем беге, как не останавливалась революция; она так же дойдет до конца, до крайности, до насилия. Тогда наспех сотканный союз порвется, и, если реакция победит, все бойцы революции погибнут. Потому что когда торжествуют новые идеи, зловеще меняется оценка деяний вчерашнего. То, что вчера, считалось республиканским долгом и добродетелью, например, расстрел шестисот человек, ограбление церквей, – будет, несомненно, сочтено за преступление: вчерашние обвинители завтра станут обвиняемыми. Фуше, у которого немало грехов на совести, не хочет прослыть участником чудовищных ошибок других термидорианцев (так называют себя убийцы Робеспьера), трусливо цепляющихся за колесо реакции, он знает – им ничто не поможет: раз уж реакция началась, то она сметет всех. Только из расчета Фуше предусмотрительно остается левым, остается верен радикалам; он чувствует, что скоро именно самые смелые будут схвачены за горло.

И Фуше не ошибся. Чтобы завоевать популярность, чтобы доказать свое мнимое человеколюбие, термидорианцы приносят в жертву самых энергичных проконсулов и позволяют казнить Каррье, потопившего шесть тысяч человек в Луаре, Жозефа Ле Бона, аррасского трибуна, и Фукье-Тенвиля⁶⁰. В угоду правым они возвращают в Конвент семьдесят три исключенных жирондиста и слишком поздно замечают, что, поддерживая реакцию, оказываются сами в зависимости от нее. Они должны послушно обвинять своих помощников в борьбе против Робеспьера – Бийо-Варенна⁶¹ и Колло д'Эрбуа, коллегу Фуше по Лиону. Все больше угрожает реакция жизни Фуше. В первый раз ему еще удастся спастись трусливым отрицанием своего участия в лионских событиях (хотя он подписывал вместе с Колло каждый декрет) и лживым утверждением, что тиран Робеспьер преследовал его за излишнюю снисходительность. Таким образом, этому хитрецу удастся пока обмануть Конвент. Он остается невредимым, в то время как Колло д'Эрбуа отправляется на «сухую гильотину», то есть на малярийные острова Вест-Индии, где он погибает уже через несколько месяцев. Но Фуше слишком умен, чтобы чувствовать себя уже спасенным после преодоления этой первой опасности; ему знакома неумолимость политических страстей, он знает, что реакция так же ненасытно пожирает людей, как и революция; если ей не обломать зубы, она не остановится в своей жажде мести до тех пор, пока последний якобинец не пойдет под суд и не будет разрушена республика. И он видит только один путь спасения революции, с которой он неразрывно связан своими кровавыми преступлениями: возобновление ее. И он видит только один путь к спасению своей жизни: свержение правительства. Снова его положение опаснее, чем у любого другого, и снова так же, как шесть месяцев тому назад, он в одиночку начинает отчаянную борьбу против значительно более сильного противника, борьбу за свою жизнь.

Всякий раз, когда идет борьба за власть и за спасение собственной жизни, Фуше проявляет паразитическую силу. Он понимает, что нельзя удержать Конвент от преследований

⁶⁰ *Фукье-Тенвиль Антуан Кентин* (1746–1795) – общественный обвинитель революционного трибунала, участвовал в осуждении жирондистов, поддерживая Робеспьера.

⁶¹ *Бийо-Варенн Жан Никола* (1756–1819) – член Конвента, с 1793 г. – член Комитета общественного спасения, якобинец, затем – участник термидорианского переворота.

бывших террористов законными средствами, и остается единственное средство, достаточно испытанное во время революции: террор. Когда осуждали жирондистов, когда осуждали короля, трусливых и осторожных депутатов (среди них был и еще консервативный в ту пору Фуше) запугивали тем, что мобилизовывали против парламента улицу, стягивали из предместий рабочие батальоны – пролетарские силы, с их непреодолимым воодушевлением – и подымали на ратуше знамя восстания. Почему бы снова не использовать эту старую гвардию революции, штурмовавшую Бастилию, этих героев 10 августа, в борьбе со струсившим Конвентом, почему бы не сокрушить их кулаками превосходящие силы противника? Только отчаянный страх перед мятежом, перед гневом пролетариата мог бы напугать термидорианцев, и Фуше решает возбудить широкие массы парижского населения и направить их против своих врагов, против своих обвинителей.

Конечно, он не станет лично появляться в предместьях, чтобы произносить пламенные революционные речи или, подобно Марату, рискуя жизнью, бросать в народ зажигательные брошюры. Для этого Фуше слишком осторожен: он не любит подвергать себя опасности, он охотнее всего уклоняется от ответственности; его мастерство не в громких увлекательных речах, а в нашептывании, в деятельности исподтишка, из-за чужой спины. И на этот раз он находит подходящего человека, который выступает смело и решительно, прикрывая его своей тенью.

По Парижу бродит в ту пору опальный, подавленный человек – честный, страстный республиканец Франсуа Бабеф⁶², который называет себя Гракхом Бабефом. У него горячее сердце и посредственный ум. Пролетарий, выходец из низов, бывший землемер и типографский рабочий, он обладает лишь несколькими прямолинейными идеями, но они насыщены мужественной страстью и пылают огнем истинно республиканских и социалистических убеждений. Буржуазные республиканцы и даже Робеспьер осторожно отодвигали в сторону социалистические идеи Марата об уравнивании имущества; они предпочитали говорить очень много о свободе, довольно много о братстве и возможно меньше о равенстве, поскольку это касалось денег и имущества. Бабеф подхватывает почти угасшие мысли Марата, раздувает их своим дыханием и несет, как факел, в пролетарские кварталы Парижа. Это пламя может внезапно вспыхнуть пожаром, может в несколько часов поглотить весь Париж, всю страну, ибо народ, начинает постепенно понимать, что термидорианцы ради собственных выгод предали их революцию – революцию бедняков. И вот за спиной Гракха Бабефа начинает теперь действовать Фуше. Он не показывается рядом с ним публично, но втайне, шепотом, уговаривает его поднять народное восстание. Он убеждает Бабефа писать зажигательные брошюры и сам правит их в корректуре. Он полагает, что, только если снова выступят рабочие и предместья с пиками и барабанным боем двинутся к городу, опомнится трусливый Конвент. Только террором, только ужасом, только устрашением можно спасти республику, только энергичным толчком слева можно уравновесить этот опасный крен вправо. И для этого дерзкого, смертельно, опасного предприятия он использует порядочного, честного, доверчивого, прямодушного человека: можно надежно укрыться за его широкой пролетарской спиной. Бабеф, именующий себя Гракхом и народным трибуном, в свою очередь, чувствует себя польщенным тем, что известный депутат Фуше дает ему советы. Да, это еще последний честный республиканец, думает Бабеф, один из тех, кто не покинул скамьи «горы», не заключил союза с *jeunesse doree*⁶³ и поставщиками армии. Он охотно пользуется советами Фуше и, подталкиваемый сзади его ловкой рукой, нападает на Тальена, термидорианцев и правительство.

Однако Фуше удается обмануть только этого добродушного и прямолинейного человека.

⁶² *Бабеф Гракх* (Франсуа Ноэль; 1760–1797) – коммунист-утопист. В период Директории возглавил движение «Во имя равенства», в 1796 г. руководил организацией, готовившей народное восстание. Заговор был раскрыт, и Бабефа приговорили к смертной казни.

⁶³ золотой молодежью (*фр.*)

Правительство быстро распознает, чья рука заряжает направленное против него оружие, и в открытом заседании Тальен обвиняет Фуше в том, что он стоит за спиной Бабефа. По обыкновению, Фуше тотчас же отрекается от своего союзника (так же как от Шометта у якобинцев, как от Колло д'Эрбуа в лионских событиях); Бабефа он едва знает, он осуждает его экстремизм, – короче говоря, Фуше с величайшей поспешностью отступает. И снова ответный удар поражает того, кто стоит перед ним. Бабефа арестовывают и расстреливают во дворе казармы (как всегда, другой расплачивается жизнью за слова и политику Фуше).

Этот смелый маневр, не удался Фуше; он добился лишь того, что снова обратил на себя внимание, а это совсем нехорошо, потому что опять начинают вспоминать Лион и кровавые поля Бротто. Снова с удвоенной энергией реакция ищет обвинителей из провинций, в которых он властвовал. Едва удалось ему с трудом опровергнуть обвинения по поводу Лиона, как заговорили Невер и Кламси. Все громче, все настойчивее с трибуны просителей в зале Конвента обвиняют Жозефа Фуше в терроре. Он защищается хитро, энергично и довольно успешно; даже Тальен, его противник, старается теперь выгородить Фуше, потому что его тоже начинает пугать усиление реакции и он начинает опасаться и за свою голову. Но поздно: 22 термидора 1795 года, через год и двенадцать дней после падения Робеспьера, после длительных прений против Фуше возбуждается обвинение в совершении террористических актов и 23 термидора выносится решение об его аресте. Как тень Дантона витает над Робеспьером, так тень Робеспьера – над Фуше.

Но теперь уже другие времена – умный политик правильно это учел: на календаре термидор четвертого года революции, а не третьего. В 1793 году обвинение означало приказ об аресте, арест обозначал смерть. Доставленный вечером в Консьержери, обвиняемый на следующий день допрашивался, а к вечеру уже сидел в телеге смертников. Но в 1794 году у руки правосудия уже нет стальной хватки Неподкупного; законы стали мягче, и, обладая некоторой ловкостью, можно их обойти. И Фуше не был бы самим собой, если бы он, избежавший стольких опасностей, не сумел высвободиться из пут такой непрочной сети. Хитростью и уловками добивается он того, что постановление об аресте не приводится в исполнение немедленно, ему дают срок для возражения, для ответа, для оправдания, а выиграть в ту пору время – это все. Только бы отступить в тень – и тебя забудут; только притихнуть, пока другие кричат, – и останешься незамеченным. Следуя знаменитому рецепту Сийеса, просидевшего все годы террора в Конvente не открывая рта и впоследствии гениально ответившего на вопрос, что же он делал все это время: «J'ai vécu» – «Я жил», Фуше, подобно иным насекомым, прикидывается мертвым, чтобы его не умертвили. Сберечь свою жизнь вот теперь, в этот короткий промежуток переходного времени, – и он спасен. Потому что, с обычной опытностью распознавая политическую погоду, он чувствует, что ветер меняет направление, что всего величия и силы нового Конвента хватит еще лишь на несколько недель, может быть, месяцев.

Так Фуше удается спасти, свою жизнь, а это много значит в то время. Правда, он спас только жизнь – не имя и не положение, ибо его уже не избирают в новое собрание. Тщетным оказалось громадное напряжение, напрасно растрочены непомерные страсти и хитрости, ни к чему отвага и предательства; он спас только жизнь. Он уже не Жозеф Фуше из Нанта, представитель народа, и даже не учитель школы ораторианцев, он всего лишь забытый, презренный человек, без звания, без состояния, без значения, жалкий призрак, которого спасает только покров темноты.

И в течение трех лет ни один человек во Франции не произносил его имени.

4. Министр Директории и Консульства⁶⁴ (1799–1802)

⁶⁴ *Консульство* – период французской истории от переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) до провозглашения Наполеона императором (18 мая 1804 г.). Формально власть тогда принадлежала трем консулам, избранным на 10 лет (с августа 1802 г. – пожизненно), а фактически – Наполеону Бонапарту.

Создал ли кто-нибудь гимн изгнанию, этой властной силе, творящей судьбу, которая возвышает падающего человека и под суровым гнетом одиночества заново восстанавливает и заново сочетает поколебленные силы души? Художники всегда лишь сетовали на изгнание, оно казалось им помехой на пути к вершине, бесполезной остановкой, жестоким перерывом. Но ритм природы нуждается в подобных насильственных цезурах. Ибо лишь тот познал всецело жизнь, кто проник во все ее глубины. Лишь удар, отбрасывающий назад, придает человеку наступательную силу.

И прежде всего именно творческий гений нуждается в этом временном вынужденном одиночестве, дабы из глубины отчаяния, из дали изгнания измерить пределы и высоту своего подлинного призвания. Самые значительные призывы доносились к человечеству из далекого изгнания; творцы великих религий – Моисей, Христос, Магомет, Будда – все они должны были сперва удалиться в безмолвие пустыни, в одиночество, прежде чем возвестить решающее слово. Слепота Мильтона⁶⁵, глухота Бетховена, каторга Достоевского, тюрьма Сервантеса, заключение Лютера в Вартбургском замке⁶⁶, изгнание Данте⁶⁷ и добровольная ссылка Ницше в ледяных зонах Энгадина⁶⁸ – все это тайные требования гения, предъявленные вопреки бдительной воле человека.

Но и в более низком, более земном мире – в политике, временное удаление дает государственному деятелю новую свежесть взгляда, позволяет лучше обозреть и рассчитать игру политических сил. Ничто не может быть более удачным для политической карьеры, чем ее временный перерыв, ибо тот, кто всегда смотрит на мир только сверху, с императорского трона, с высоты башни из слоновой кости или с вершины власти, тот знает лишь улыбку льстецов и их опасную покорность: кто сам держит в руках весы, тот забывает свой собственный вес. Ничто не ослабляет художника, полководца, носителя власти больше, чем постоянные успехи, и удачи; художник только в неудаче познает свое истинное отношение к творчеству, а полководец только в поражении – свои ошибки: лишь в немилости государственный деятель учится верно оценивать политическое положение. Постоянное богатство изнеживает, постоянное одобрение притупляет; лишь перерыв придает холостому ритму новое направление и творческую эластичность. Только несчастье углубляет и расширяет познание действительного мира. Любое изгнание – это суровый урок и наука: оно круто замешивает волю изнеженного, колеблющегося оно делает решительным, твердого – еще более твердым. Для того, кто силен по-настоящему, изгнание означает не убавление, а, напротив, нарастание его сил.

Изгнание Жозефа Фуше продолжалось более трех лет, а тот одинокий, негостеприимный остров, на который его сослали, назывался нищетой. Вчера еще проконсул и один из

⁶⁵ *Милтон Джон* (1608–1674) – английский поэт, политический деятель. Выступал в защиту английской республики, против феодальной реакции и тирании. Свободолюбивыми мотивами проникнуты его стихи и поэмы («Потерянный Рай», «Возвращенный Рай», «История Британии»).

⁶⁶ *Вартбургский замок* – замок XII в. (близ Эйзенаха), где у саксонского курфюрста укрывался Мартин Лютер, после того как в 1520 г. был отлучен папой от церкви, а в мае 1521 г. осужден императорским эдиктом как еретик. В Вартбурге Лютер перевел Библию на немецкий язык.

⁶⁷ *Данте Алигьери* (1265–1321), великий итальянский поэт, родом из Флоренции, был изгнан из своего отечества политическими противниками и, скитаясь по Италии, долгое время жил в Вероне, а затем в Равенне, где и был похоронен. Там же, в Равенне, он завершил свою знаменитую «Божественную комедию», эту поэтическую энциклопедию средневековья.

⁶⁸ *Энгадин* – горный район Швейцарии (в Ретийских Альпах).

вершителей судеб революции, он падает с самых высоких ступеней могущества в такой мрак, в такую грязь и тину, что и следов его не найти. Единственный, кто его в эту пору видел, Баррас, рисует потрясающую картину жалкой мансарды под самым небом, той норы, в которой живет Фуше со своей некрасивой женой и двумя маленькими болезненными рыжими детьми, на редкость безобразными альбиносами. На пятом этаже, в грязном, тусклом, раскаленном от солнечных лучей помещении, скрывается после своего свержения тот, от чьего слова трепетали десятки тысяч людей и кто через несколько лет в качестве герцога Отрантского снова окажется у кормила европейских судеб. Но пока он не знает, на какие деньги купить завтра детям молока, и чем заплатить за квартиру, и как защитить свою жалкую жизнь от незримых бесчисленных врагов, от мстителей за Лион.

Никто, даже его самый достоверный и точный биограф Мадлен, не может рассказать достаточно полно, чем поддерживал Жозеф Фуше свое существование в течение этих лет нищеты. Он больше не получает депутатского жалованья, свое личное состояние он потерял при восстании в Сан-Доминго⁶⁹; никто не осмеливается дать ему, *mitrailleur de Lyon*, место или работу; все друзья его покинули, все сторонятся его. Он берется за самые странные, самые темные дела: в самом деле, это не басня, что будущий герцог Отрантский в ту пору занимается откармливанием свиней. Но скоро он принимается за еще более нечистоплотную работу: он становится шпионом Барраса, единственного представителя новой власти, который обнаруживает удивительное сострадание, продолжая принимать Фуше. Правда, не в приемной министерства, а где-нибудь в темном углу, там время от времени подбрасывает он неумолимому просителю какое-нибудь грязное дельце, поставку в армию или инспекционную поездку, так, чтобы каждый раз дать ему ничтожный заработок, который обеспечивает докучливого попрошайку недели на две. Однако в этих разнообразных поручениях обнаруживается подлинный талант Фуше. Потому что Баррас уже тогда имеет нешуточные политические планы, он не доверяет своим коллегам, и ему весьма нужен личный сыщик, подпольный доносчик и осведомитель, не принадлежащий к официальной полиции, что-то вроде частного детектива. Для этой роли Фуше прекрасно подходит. Он слушает и подслушивает, проникает по черным лестницам в дома, ревностно выпрашивает у всех знакомых новейшие сплетни и тайно передает эти грязные выделения общественной жизни Баррасу. И чем честолобивее становится Баррас, тем более жадно строит он планы государственного переворота, тем все более нуждается он в Фуше. Давно уже мешают ему в Директории (в Совете пяти, который теперь правит Францией) два порядочных человека – прежде всего Карно, самый прямодушный деятель французской революции, – и он задумывается избавиться от них. Но тот, кто замышляет государственные перевороты и заговоры, нуждается прежде всего в бессовестных пронырах, в людях *a tout faire*⁷⁰, брави и було, как их называют итальянцы, в людях бесхарактерных и в то же время надежных именно в своей бесхарактерности. Фуше словно специально создан для этого. Изгнание становится для его карьеры школой, и теперь он начинает развивать свой талант будущего мастера полицейских дел.

Наконец, наконец-то после долгой, долгой ночи, в жизненной стуже, во мраке нищеты Фуше учуял дыхание утра. В стране появился новый хозяин, возникает новая власть, и он решает ей услужить. Эта новая власть – деньги. Едва положили Робеспьера и его приверженцев на твердые доски плахи, как воскресли всемогущие деньги и снова вокруг них тысячи прислужников и холопов. Экипажи, запряженные холеными лошадьми в новой упряжи, снова

⁶⁹ *Сан-Доминго* (французское название острова Гаити) с 1795 г. являлся владением Франции, но в результате восстания под руководством Дессалина французы были изгнаны с острова, и Сан-Доминго провозгласил себя независимым государством.

⁷⁰ способных на все (*фр.*)

катятся по улицам, и в них сидят полуобнаженные, как греческие богини, очаровательные женщины в тафте и муслине. По Булонскому лесу катается верхом *jeunesse dorée*, в туго облегающих ноги белых нанковых штанах и желтых, коричневых, красных фраках. В украшенных кольцами руках они держат элегантные хлысты с золотыми набалдашниками, которые охотно пускают в ход против бывших террористов; парфюмерные и ювелирные магазины торгуют вовсю; внезапно возникает пятьсот, шестьсот, тысяча танцевальных зал и кафе, повсюду строят виллы, приобретают дома, посещают театры, спекулируют, держат пари, покупают, продают и за плотными камчатными занавесями Пале-Рояля спускают тысячи. Деньги снова у власти, самодержавные, наглые и отважные.

Но где же они, эти деньги, были во Франции между 1791 и 1795 годами? Они продолжали существовать, но были спрятаны. Так же, как это было в Германии и Австрии в период страха перед коммунизмом в 1919 году, богачи внезапно прикинулись мертвыми и, надев поношенное платье, жаловались на свою бедность, ибо тот, кто в эпоху Робеспьера окружал себя малейшей роскошью, даже тот, кто лишь приближался к ней, слыл за *mauvais riche*⁷¹ (пользуясь выражением Фуше), считался подозрительным; прослыть опасным было опасно. Теперь опять силен только тот, кто богат. И к счастью, наступает великолепное время (как всегда в дни хаоса) для приобретения денег. Состояния переходят из рук в руки; имущества продаются, на этом зарабатывают. Собственность эмигрантов продается с аукциона: на этом зарабатывают. Состояние осужденных конфискуется: на этом зарабатывают. Курс ассигнаций падает со дня на день, дикая лихорадка инфляции потрясает страну: на этом зарабатывают. На всем можно заработать, имея проворные наглые руки и связи в правительственных кругах. Но самый лучший, ни с чем не сравнимый источник доходов – война. Уже в 1791 году несколько человек мгновенно сообразили (как и в 1914 году), что из войны, пожирающей людей и разрушающей ценности, тоже можно извлечь выгоду, но тогда Робеспьер и Сен-Жюст, неподкупные, безжалостно хватили за горло всех *assarateurs*⁷². Теперь, когда эти катоны, слава богу, убраны и гильотина ржавеет в сарае, спекулянты и поставщики для армии чуют, что наступили золотые деньки. Теперь можно спокойно поставлять за хорошие деньги негодные сапоги, плотно набивать карманы авансами и реквизициями. Разумеется, при условии, что будут заказы на поставки. Поэтому в такого рода делишках всегда нужен подходящий посредник, обладающий достаточным влиянием и в то же время сговорчивый помощник, могущий пропустить спекулянтов с заднего хода к заветным кормушкам, которые война и государство наполняют имуществом.

Для таких грязных дел Жозеф Фуше – идеальная фигура. Нищета основательно, дочиста соскребла его республиканскую совесть, он легко расстался со своей былой ненавистью к богатству, и теперь его, полуголодного, можно задешево купить. Но в то же время он имеет превосходные связи, ведь он вхож (как шпион) в переднюю Барраса, президента Директории. Таким образом, радикальный коммунист 1793 года, хотевший во что бы то ни стало заставить всех печь «хлеб равенства», стремительно становится ближайшим поверенным банкиров республики, исполняя за хорошие проценты все их пожелания и устраивая их дела. Например, спекулянту Энгерло, одному из самых наглых и бессовестных дельцов республики (Наполеон его ненавидел), грозит неприятное обвинение: он слишком нагло спекулировал и, снабжая армию, с чрезмерной заботливостью снабжал свои карманы. Теперь ему предстоит процесс, который может стоить кучи денег, а пожалуй, и жизни. Как поступают в таких случаях (тогда, как и сегодня)? Обращаются к человеку, имеющему связи в высших сферах, который может оказать политическое или личное влияние и способен «направить» неприятное дело в нужную сторону. Обращаются к Фуше, осведомителю Барраса, который тотчас же стремглав бежит к всемогущему (письмо напечатано в мемуарах Барраса); и действительно, нечистоплотное дело оказывается тихо и безболезненно замятым. В благодарность за услугу Энгерло не забывает

⁷¹ злонамеренного богача (*фр.*)

⁷² спекулянтов (*фр.*)

Фуше при поставках для армии, при биржевых сделках, – *l'appetit vient en mangeant*⁷³. В 1797 году Фуше обнаруживает, что деньги пахнут гораздо лучше, чем кровь, пролитая в 1793-м, и, пользуясь своими новоприобретенными связями в финансовом мире и в продажном правительстве, основывает компанию для поставок в армию Шерера. Солдаты бравого генерала получают скверные сапоги и будут мерзнуть в тонких шинелях, они будут побеждены на полях Италии, но гораздо важнее то, что компания Фуше-Энгерло, а вероятно, и сам Баррас, получают солидную прибыль. Исчезло отвращение к «презренному и губительному металлу», о котором так красноречиво трубил всего три года тому назад ультраякобинец и сверхкоммунист Фуше; забыта ненависть к «злым богачам», забыто, что «хорошему республиканцу не нужно ничего, кроме хлеба, оружия и сорока экю в день»; теперь настало время наконец самому стать богатым. Потому что в изгнании Фуше понял власть денег и теперь служит ей, как всякой власти. Слишком долгим, слишком мучительным было его пребывание на дне, на отвратительном дне, покрытом грязью презрения и лишений, – теперь он напрягает все силы, чтобы всплыть, чтобы подняться в те выси, в тот мир, где за деньги покупают власть, а из власти чеканят деньги. Проложена первая штольня в этом богатейшем руднике, сделан первый шаг на фантастическом пути, ведущем из Мансарды пятого этажа в герцогскую резиденцию, от нищеты к состоянию в двадцать миллионов франков.

Теперь Фуше, окончательно сбросив с плеч неприятный груз революционных принципов, приобрел подвижность, и вот внезапно он снова в седле. Его друг Баррас занят не только темными денежными сделками, но и грязными политическими интригами. Он склонен потихоньку продать республику Людовику XVIII за герцогский титул и солидный денежный куш. Ему мешает только присутствие порядочных коллег – республиканцев вроде Карно, все еще верующих в республику и не понимающих, что идеалы существуют лишь для того, чтобы на них наживаться. И в государственном перевороте Барраса 18 фрюктидора⁷⁴, освободившем его от этого тягостного надзора, Фуше, без сомнения, основательно помог своему компаньону тайными, подкопами, ибо едва успел его покровитель Баррас стать неограниченным властелином в Совете пяти, в обновленной Директории, как этот избегающий дневного света человек вырывается вперед и требует вознаграждения. Он требует, чтобы Баррас использовал его в сфере политики, при армии или в любом другом месте, дал ему любое поручение, при исполнении которого можно набить себе карманы и оправиться от долгих лет нищеты. Баррас нуждается в нем и не может отказать своему подручному в устройстве темных дел. Но все-таки имя Фуше, *Mitrailleur de Lyon*, еще слишком отдает запахом пролитой крови, чтобы можно было решиться в медовый месяц реакции открыто, в Париже обнаружить свою с ним связь. Поэтому Баррас отправляет его в качестве представителя правительства прежде всего в Италию, где находится армия, а затем в Батанскую республику, то есть в Голландию, для ведения секретных переговоров. Баррас уже имел возможность убедиться, что Фуше – отличный мастер закулисных интриг: скоро ему придется еще основательнее испытать это на самом себе.

Итак, в 1798 году Фуше – посол Французской республики: он снова в седле. Он развивает такую же холодную энергию при исполнении своей нынешней дипломатической миссии, как некогда при исполнении миссии кровавой. Особенно стремительных успехов добивается он в Голландии. Умудренный трагическим опытом, созревший в бурях времени, с гибкостью, выкованной в суровом горниле нищеты, Фуше проявляет прежнюю энергию, сочетая ее с новой осторожностью. Скоро новые властители – там, наверху, – начинают понимать, что это полезный человек, который всегда держит нос по ветру и за деньги готов на все. Угодливый с высшими, беспощадный к низшим, этот искусный и ловкий мореплавателю как бы создан для

⁷³ аппетит приходит во время еды (*фр.*)

⁷⁴ *Переворот 18 фрюктидора* – военный переворот 4 сентября 1797 г. Его следствием явились аресты неугодных лиц, чистка аппарата, отмена результатов выборов, смещение судейских чиновников, закрытие газет и т.п. Переворот показал, что реальная власть в стране может основываться только на военной силе.

бурь. И так как корабль правительства все более зловеще наклоняется и его неуверенный курс каждый миг грозит крушением, Директория принимает 3 термидора 1799 года неожиданное решение: Жозеф Фуше, посланный с секретным поручением в Голландию, внезапно назначается министром полиции Французской республики.

Жозеф Фуше – министр! Париж вздрогнул как от пушечного выстрела. Неужели снова начинается террор, раз они спускают с цепи этого кровожадного пса? *Mitrailleur de Lyon*, осквернителя святынь, грабителя церквей, друга анархиста Бабефа? Неужели – упаси бог! – вернут из малярийной Гвианы Колло д'Эрбуа и Бийо и снова поставят на площади Республики гильотину? Неужели снова начнут печь «хлеб равенства», введут филантропические комитеты, вымогающие деньги у богачей? Париж, давно успокоенный со своими полутора тысячами танцевальных зал и ослепительными магазинами, со своими *jeunesse doree*, приходит в ужас – богачи и буржуа трепещут, как в 1792 году. Довольны лишь якобинцы – последние республиканцы. Наконец после ужасных преследований один из их рядов снова у власти – самый смелый, самый радикальный, самый непреклонный; теперь наконец-то приструнят реакцию, республика будет очищена от роялистов и заговорщиков.

Но странно, и те и другие спрашивают себя через несколько дней: в самом ли деле этого министра полиции зовут Жозеф Фуше? Снова оправдалось мудрое высказывание Мирабо (и в наши дни применимое к социалистам), что якобинцы в должности, министра уже не якобинские министры: ибо уста, прежде требовавшие крови, теперь источают примирительный елей. Порядок, спокойствие, безопасность – эти слова беспрерывно повторяются в полицейских объявлениях бывшего террориста, и его первый девиз – борьба с анархией. Свобода печати должна быть ограничена, с мятежными речами необходимо покончить. Порядок, порядок, спокойствие, безопасность. Ни Меттерних, ни Сельдницкий, ни один из ультрареакционеров Австрийской империи не издавал более консервативных декретов, чем Жозеф Фуше.

Буржуа облегченно вздыхают: Савл превратился в Павла! Но подлинные республиканцы неистовствуют от гнева на своих собраниях. Они мало чему научились за эти годы, – они все еще произносят яростные речи, речи и речи, они грозят Директории, министрам и конституции цитатами из Плутарха. Они буйствуют, словно еще живы Дантон и Марат, словно набат, как прежде, может созвать стотысячную толпу из предместий. Но все-таки их назойливая болтовня в конце концов вызывает в Директории беспокойство. Как быть, что предпринять? – осаждают новоиспеченного министра полиции его коллеги.

«Закрывать клуб», – отвечает он невозмутимо. Недоверчиво смотрят на него министры и спрашивают, когда он думает осуществить эту дерзкую меру. «Завтра», – спокойно отвечает Фуше.

И в самом деле, на другой день Фуше, бывший президент якобинцев, отправляется вечером в радикальный клуб на улице Бак. Здесь все эти годы продолжало биться сердце революции. Здесь те же люди, перед которыми выступали Робеспьер, Дантон и Марат, перед которыми он сам выступал со страстными речами; теперь, после падения Робеспьера, после поражения Бабефа, только в «клубе Манежа» живет еще воспоминание о бурных днях революции.

Но сентиментальность несвойственна Фуше; он может, при желании, с потрясающей быстротой забыть о прошлом. Бывший учитель математики в монастыре ораторианцев принимает во внимание только параллелограмм реальных сил. Он считает, что с идеей республики покончено, ее лучшие вожди и деятели в могиле, следовательно, клубы давно уже превратились в сборище болтунов, где один перепевает другого. В 1799 году курс цитат из Плутарха и патриотических слов упал не меньше, чем курс ассигнаций; сказано слишком много фраз и напечатано слишком много бумажных денег. Франция (кто осведомлен об этом лучше министра полиции, контролирующего общественное мнение!) устала от ораторов, адвокатов и реформаторов, устала от законов и декретов, она жаждет лишь покоя, порядка, мира и ясности финансового положения; как после нескольких лет войны, так и после нескольких лет революции, после каждого порыва общественного воодушевления, предъявляет свои права неудержимый эгоизм отдельной личности и семьи.

Как раз в тот момент, когда один из давно отживших свой век республиканцев произносит

пламенную речь, открывается дверь и входит Фуше в форме министра, сопровождаемый жандармами. Он удивленно обводит холодным взором вскочивших со своих мест членов клуба: какие жалкие противники! Давно перевелись люди дела, вдохновители революции, ее герои и смельчаки, остались лишь болтуны, а чтобы справиться с болтунами, достаточно уверенного жеста. Не колеблясь, он поднимается на трибуну; впервые после шести лет слышат якобинцы его ледяной, трезвый голос, но теперь в нем не звучат, как прежде, призывы к свободе и ненависти к тирану, теперь этот тощий человек спокойно, коротко и просто объявляет клуб закрытым. Собравшиеся так ошеломлены, что никто не оказывает сопротивления. Они не приходят в ярость, не устремляются, как без конца клялись, с кинжалами на губителя свободы. Они лишь что-то бормочут, тихо отступая, и в смятении покидают помещение. Фуше рассчитал правильно: с мужчинами надо бороться, болтунов умирят одним жестом.

Зал пуст; он спокойно направляется к двери, запирает ее и прячет ключ в карман. И этим поворотом ключа, собственно говоря, положен конец французской революции.

Всякое учреждение становится тем, что из него делает тот или иной человек. Принимая министерство полиции, Жозеф Фуше, в сущности, получает второстепенную роль, что-то вроде подотдела министерства внутренних дел. Он обязан наблюдать и информировать, как тачечник, он должен подвозить материалы, чтобы потом господ из Директории, словно короли, возводили здание внутренней и внешней политики. Но прошло едва три месяца, как Фуше пробрался к власти, и его изумленные покровители с ужасом замечают, что он следит не только за низами, но и за верхами, что министр полиции контролирует остальных министров Директории, генералов, всю политику. Его сеть охватывает все учреждения и все должности, в его руки стекаются все известия, он делает политику рядом с политикой, ведет войну рядом с войной; во всех направлениях расширяет он пределы своей власти, пока наконец возмущенный Талейран не определяет по-новому обязанности министра полиции: «Министр полиции – это человек, который сначала заботится о делах, которые его касаются, а затем обо всех тех делах, что его совсем не касаются».

Превосходно построена эта сложная машина, этот универсальный аппарат, контролирующий целую страну. Тысячи известий стекаются ежедневно в дом на набережной Вольтера, ибо за несколько месяцев этот мастер интриги наводнил всю страну шпионами, тайными агентами и доносчиками. Но его сыщики не только обычные неуклюжие, мелкие детективы, которые подслушивают у дворников, в кабаках, публичных домах и церквях повседневные сплетни: агенты Фуше носят украшенные золотыми галунами мундиры и дипломатические фраки или легкие кружевные платья, они мило болтают в салонах предместья Сен-Жермен и, прикинувшись патриотами, пробираются на тайные совещания якобинцев. В списке его наемников есть маркизы и герцогини, носители самых громких имен Франции; да, он может похвастать (фантастический факт!) тем, что у него состоит на службе самая высокопоставленная женщина страны – Жозефина Бонапарт⁷⁵, будущая императрица. Он оплачивает секретаря своего будущего повелителя и императора; в Хартуэлле, в Англии, он подкупил повара короля Людовика XVIII⁷⁶. О каждой сплетне ему доносят, каждое письмо вскрывается. В армии, среди купечества, у депутатов, в кабаках и на собраниях незримо присутствует министр полиции; тысячи известий стекаются ежедневно к его письменному столу; там рассматриваются, фильтруются и сравниваются эти отчасти правдивые и важные, отчасти пустые доносы, пока из тысячи шифров не будут извлечены точные сведения.

Ибо сведения – это главное; на войне так же, как в мирное время, в политике так же, как в финансовых делах. Уже не террор, а осведомленность олицетворяет власть во Франции 1799 года. Сведения о каждом из этих жалких термидорианцев: сколько денег он получает, кто ему

⁷⁵ *Жозефина Бонапарт* (Жозефина Богарнэ; 1763–1814) – первая жена (1796–1809) Наполеона Бонапарта.

⁷⁶ *Людовик XVIII* (1755–1824) – французский король с 1814 г., брат Людовика XVI.

дает взятки, за сколько его можно купить, чтоб держать под вечной угрозой и обратить начальника в подчиненного; сведения о заговорах, отчасти чтобы их подавлять, отчасти чтобы поддерживать с тем, чтобы всегда уметь вовремя повернуть в политических делах в нужную сторону; своевременно полученные сведения о военных действиях или мирных переговорах, дающие возможность заключать на бирже сделки с услужливыми финансистами и наживаться самому. Таким образом, эта осведомительная машина в руках Фуше непрерывно доставляет ему деньги, и, в свою очередь, деньги являются маслом, позволяющим ей двигаться бесшумно. Игрные и публичные дома, так же как банки, тайно выплачивают ему миллионную дань, превращающуюся в его руках во взятки, а взятки – снова в информацию; так, никогда не останавливаясь, безотказно работает этот огромный сложный полицейский механизм, созданный за несколько месяцев только одним человеком, гениальным психологом, обладавшим огромной работоспособностью.

Но самое гениальное в этом бесподобном сооружении Фуше то, что оно подчиняется управлению только одной определенной руки. Где-то в нем укреплен винт: если его удалить – машина тотчас же остановится. Фуше с первого же мгновения принимает меры предосторожности на случай немилости. Он знает: если ему придется покинуть свой пост, достаточно одного поворота, чтобы вывести из строя созданную им машину. Ибо не для государства, не для Директории, не для Наполеона создает этот могучий человек свое произведение, но только лишь для самого себя. Он и не собирается вовсе добросовестно передавать своему начальству продукты химической перегонки сведений, которая производится в его лаборатории; с беззастенчивым эгоизмом он переправляет туда лишь то, что считает нужным: зачем учить разуму болванов из Директории и открывать им свои карты? Только то, что ему выгодно, что безусловно принесет выгоду лично ему, выпускает он из своей лаборатории, все прочие стрелы и яды он тщательно бережет в своем частном арсенале для личной мести и политических убийств. Фуше всегда осведомлен лучше, чем предполагает Директория, и поэтому он опасен и вместе с тем необходим для каждого. Он знает о переговорах Барраса с роялистами, о стремлении Бонапарта сесть на престол, о происках то якобинцев, то реакционеров, но он никогда не разоблачает эти секреты в тот момент, когда они становятся ему известны, а лишь тогда, когда ему покажется выгодным их раскрыть. Иногда он поощряет заговоры, иногда препятствует им, порой искусно их затевает или с шумом разоблачает (и вместе с тем своевременно предостерегает участников, чтобы они могли спастись); всегда он ведет двойную, тройную, четверную игру; постепенно его страстью становится обманывать и одурачивать игроков за всеми столами. На это, конечно, уходит все время и силы: Фуше, работающий по десять часов в день, не экономит ни того, ни другого. Он предпочитает сидеть с утра до вечера в своем бюро, лично просматривать все бумаги и обрабатывать каждое дело, чем позволить другому заглянуть в полицейские секреты. Каждого важного обвиняемого он допрашивает наедине, сам, в своем кабинете, так, чтобы все решающие подробности знал лишь он, только он и никто из его подчиненных; таким образом постепенно он, в качестве добровольного исповедника целой страны, держит в руках тайны всех людей. Снова, как некогда в Лионе, прибегает он к террору, но теперь уже орудием последнего служит не тяжелый сокрушительный топор, а отравляющий страх, сознание виновности, гнет от ощущения слезки и разоблачения – вот средства, с помощью которых он душит тысячи людей. Машина 1792 года – гильотина, изобретенная, чтобы подавить всякое сопротивление государству, – неуклюжее орудие по сравнению с тем сложным полицейским механизмом, который создал своими усилиями Жозеф Фуше в 1799 году.

На этом инструменте, который он создал собственными силами, Фуше играет, как подлинный артист. Он знает высшую тайну власти: наслаждаться ею втайне, пользоваться ею бережно. Прошли лионские времена, когда суровая революционная гвардия со штыками наперевес закрывала доступ в покои всемогущего проконсула. Теперь в его приемной толпятся дамы из предместья Сен-Жермен, и их охотно пропускают в кабинет. Он знает, что им нужно. Одна просит вычеркнуть своего родственника из списка эмигрантов, другая хотела бы получить

хорошее место для кузена, третья – избежать неприятного процесса. Фуше одинаково любезен со всеми. Зачем восстанавливать против себя какую-либо из партий – якобинцев или роялистов, умеренных или бонапартистов – ведь еще неизвестно, кто из них будет завтра у руля. Поэтому бывший страшный террорист превращается в чарующе любезного человека; публично в своих речах и прокламациях он жестоко громит роялистов и анархистов, но под шумок тайно предостерегает или подкупает их. Он избегает громких процессов, жестоких приговоров: он удовлетворяется властным жестом вместо насилия, предпочитает подлинную, хотя и незримую власть тем жалким символам, которыми украшены парадные шляпы Барраса и его коллег.

И вот получилось так, что через несколько месяцев чудовище Фуше сделался всеобщим любимцем; и в самом деле, какой же министр и государственный деятель не приобретает всеобщих симпатий, если он доступен для всех, смотрит сквозь пальцы и даже содействует обогащению людей, получению теплых местечек, всем уступает и, когда нужно, любезно закрывает строгие глаза, если только не слишком вмешиваются в политику и не препятствуют его собственным планам? Разве не лучше переубеждать людей с помощью подкупа или лести, чем наводить на них пушки? Разве не достаточно пригласить беспокойного человека в свой тайный кабинет и, вынув из ящика стола заготовленный для него смертный приговор, в дальнейшем не привести этот приговор в исполнение? Конечно же, там, где обнаруживается действительное возмущение, он по-старому беспощадно подавляет его своей тяжелой рукой. Но по отношению к тем, кто ведет себя смиренно и не лезет на рожон, бывший террорист проявляет свою былую терпимость священника. Он знает, как падки люди на роскошь, на мелкие пороки и тайные наслаждения, – прекрасно, *habeant*⁷⁷ – лишь бы они были спокойны! Крупные банкиры, которых до этого времени, в дни республики, яростно травили, могут теперь спокойно спекулировать и наживаться: Фуше предоставляет им сведения, а они ему – долю в барышах. Печать – во времена Марата и Демулена свирепый, кровожадный пес, – смотрите, как ласково она теперь виляет хвостом; она тоже предпочитает сладкую булочку ударам плетки. Скоро шумиха, которую было подняли привилегированные патриоты, сменяется тишиной, нарушаемой лишь чавканьем, – Фуше бросил каждому кость или несколькими крепкими пинками загнал их в угол. Его коллеги поняли, поняли и все партии, что быть другом Фуше столь же приятно и выгодно, сколь неприятно познакомиться с когтями, скрытыми в его бархатных лапах, и этот самый презираемый человек, благодаря тому, что он все знает и каждого обязывает своим молчанием, внезапно приобретает бесчисленное множество друзей. Еще не восстановлен разрушенный город на Роне, а лионские расстрелы уже забыты, и Жозеф Фуше становится всеобщим любимцем.

Обо всем, что происходит в государстве, самые свежие, самые достоверные сведения получает Жозеф Фуше; никто не имеет возможности так глубоко заглянуть во все извилины событий, как он, вооруженный тысячеголовой, тысячеухой бдительностью; никто не осведомлен о силах или о слабостях партий и людей лучше, чем этот холодный, расчетливый наблюдатель, с его аппаратом, регистрирующим малейшие колебания политики.

Проходит всего несколько недель, несколько месяцев, и Жозеф Фуше ясно видит, что Директория погибла. Все пять руководителей перессорились, каждый строит козни и ждет лишь удобного случая, чтобы свалить соседа. Армии разбиты, в финансах хаос, в стране беспокойно – дальше так продолжаться не может. Фуше чует близкую перемену ветра. Агенты доносят ему, что Баррас тайком ведет переговоры с Людовиком XVIII и готов продать республику бурбонской династии за герцогскую корону. Его коллеги в свою очередь любезничают с герцогом Орлеанским или мечтают о восстановлении Конвента. Но все, все они знают, что дальше так продолжаться не может, ибо нацию потрясают восстания внутри страны, ассигнации превращаются в ничего не стоящие бумажки, солдаты уже начинают сдавать. Если какая-то новая сила не сплотит воедино все усилия – республика неминуемо падет.

⁷⁷ пусть имеют (лат.)

Только диктатор может спасти положение, и взоры всех ищут подходящего человека. «Нам нужны одна голова и одна сабля», – говорит Баррас Фуше, втайне считая себя этой головой и подыскивая подходящую саблю, Но победоносный Гош и Жубер⁷⁸ погибли рано, в самом начале своей карьеры, Бернадот⁷⁹ все еще корчит из себя якобинца, а единственного, о ком знают, что он обладает и саблей и головой, Бонапарта, героя Арколе и Риволи, из страха отправили подальше⁸⁰ – и он теперь без толку маневрирует в песках египетской пустыни. Он так далеко, что на него рассчитывать, по-видимому, не приходится.

Из всех министров один только Фуше уже тогда знал, что этот генерал Бонапарт, который, как все думают, пребывает в тени пирамид, на самом деле не так далеко и скоро высадится во Франции. Они отправили этого слишком честолюбивого, слишком популярного и властного человека за тысячи миль от Парижа; они, пожалуй, даже исподтишка облегченно вздохнули, когда Нельсон уничтожил французский флот при Абукире⁸¹, ибо какое значение имеют для интриганов и политиканов тысячи погибших, если вместе с ними устранен конкурент! Теперь они спокойно спят, они знают, что он пригвожден к армии, и не собираются его возвращать. Ни на один миг они не допускают мысли, что Бонапарт может решиться самовольно передать командование другому генералу и нарушить их покой; ими предусмотрены все возможности, не предусмотрено лишь одно – сам Бонапарт.

Фуше, однако, знает больше и получает сведения из самых достоверных источников, потому что ему-то все передает и доносит о каждом письме, о каждом мероприятии самый лучший, самый осведомленный и преданный из оплачиваемых Фуше шпионов – не кто иной, как жена Бонапарта Жозефина Богарнэ. Подкупить эту легкомысленную креолку было, пожалуй, не очень большим подвигом, ибо, вследствие своей сумасбродной расточительности, она вечно нуждается в деньгах, и сотни тысяч, которые щедро выдает ей Наполеон из государственной кассы, исчезают как капли в море у этой женщины, которая приобретает ежегодно триста шляп и семьсот платьев, которая не умеет беречь ни своих денег, ни своего тела, ни своей репутации и к тому же находится в ту пору в дурном настроении. Дело в том, что пока маленький пылкий генерал, собиравшийся взять ее с собой в скучную страну мамлюков⁸², пребывал на поле брани, она проводила ночи с красивым милым Шарлем, а быть может, и с двумя-тремя другими, вероятно, даже со своим прежним любовником Баррасом. Это, видите ли, не понравилось глупым интриганам-деверям Жозефу и Люсьену, и они поторопились

⁷⁸ *Гош Луи Лазар* (1768–1797) – французский генерал, командующий революционными армиями, подавлял контрреволюционные мятежи в Вандее и Бертаки. Бывший конюх, он к 25-ти годам приобрел славу непобедимого генерала Республики. Скоропостижная смерть вызвала подозрение, что он был отравлен.

⁷⁹ *Жубер Бартелеми Катерия* (1769–1799) – генерал, выдвинувшийся во время итальянского похода Бонапарта (1796–1797). Был убит в битве при Нови (Италия).

⁷⁹ *Бернадот Жан Батист Жюль* (1764–1844) – маршал Франции, участник революционных и наполеоновских войн. В 1810 г. Государственный совет Швеции избрал его наследником престола, который он занял в 1818 г., приняв имя Карла XIV. В 1813 г. командовал шведскими войсками в битве под Лейпцигом, сражаясь против Наполеона.

⁸⁰ *Арколе и Риволи* – места сражений, выигранных Наполеоном во время итальянского похода 1796–1797 гг. Дальнейшие планы Бонапарта и Директории были связаны с борьбой против Англии. Отказавшись от идеи вторжения в Англию. Наполеон решил нанести ей удар в зоне Средиземноморья. 19 мая 1798 г. эскадра французских кораблей вышла из Тулона и двинулась к Египту. Египетский поход 1798–1799 гг. закончился неудачей, и Наполеон, оставив армию, в октябре 1799 г. возвратился во Францию.

⁸¹ 1–2 августа 1798 г. в сражении при Абукире (остров и мыс в дельте Нила) английский флотоводец Горацио Нельсон (1758–1805) полностью разгромил французскую эскадру, отрезав тем самым армию Наполеона от Франции, что предопределило судьбу всего египетского похода Бонапарта.

⁸² *Мамлюки* (араб. «невольники») – воины-рабы, составлявшие гвардию египетских султанов. В XVIII в. фактически управляли Египтом.

донести обо всем ее вспыльчивому, ревнивому, как турок, супругу. Вот почему ей нужен человек, который помог бы ей, который следил бы за братьями-шпионами и контролировал их корреспонденцию. Это обстоятельство, а заодно и некоторое количество дукатов⁸³ – Фуше в своих мемуарах прямо называет цифру в тысячу луидоров⁸⁴ – заставляют будущую императрицу выдавать Фуше все секреты и в первую очередь самый важный и самый грозный секрет: о предстоящем возвращении Бонапарта.

Фуше довольствуется тем, что он осведомлен. Разумеется, гражданин министр полиции и не думает информировать свое начальство. Прежде всего он укрепляет свою дружбу с супругой президента, в тиши извлекает пользу из полученных им сведений и, по обыкновению хорошо подготовленный, идет навстречу решению, которое, как он отлично понимает, не заставит себя долго ждать.

11 октября 1799 года Директория поспешно призывает Фуше. Зеркальный телеграф передал невероятную весть: Бонапарт самовольно, без вызова Директории, вернулся из Египта и высадился во Фрежюсе. Что делать? Арестовать ли тотчас же генерала, который, не получив приказа, как дезертир, покинул свою армию, или принять его вежливо? Фуше, представляясь еще более удивленным, чем искренне удивленные известием члены Директории, советует им быть снисходительными. Выждать! Выждать! Ибо Фуше еще не решил, выступит ли он на стороне Бонапарта или против него, – он предпочитает дать развернуться событиям. Но пока потерявшие голову члены Директории спорят, помиловать ли Бонапарта, несмотря на его дезертирство, или арестовать его, народ уже сказал свое слово. Авиньон, Лион, Париж встречают его как триумфатора, во всех городах на его пути устраивают иллюминации, и публика в театрах, когда со сцены сообщают о его возвращении, встречает эту весть ликованием: возвращается не подчиненный, а повелитель, могучий и властный. Едва он прибыл в Париж, в свою квартиру на улице Шантерен (вскоре ее назовут в его честь улицей Победы), как его уже окружает толпа друзей и людей, полагающих, что полезно прослать его другом. Генералы, депутаты, министры, даже Талейран оказывают почтительное внимание генералу, и наконец, к нему отправляется и сам министр полиции собственной персоной. Он едет на улицу Шантерен и велит доложить о себе Бонапарту. Но Бонапарту этот господин Фуше представляется безразличным и незначительным посетителем. И он заставляет его, как надоедливого просителя, прождать добрый час в передней. Фуше – это имя ему мало что говорит: лично он с ним не знаком и, может быть, только вспоминает, что человек с таким именем сыграл в годы террора довольно печальную роль в Лионе; быть может, он встречал этого оборванного, опустившегося, мелкого полицейского шпика в приемной своего друга Барраса. Во всяком случае, это человек, не имеющий большого значения, какой-то мелкий делец, пронырливостью раздобывший себе теперь маленькое министерство. Такого можно заставить посидеть в передней. И в самом деле, Жозеф Фуше битый час терпеливо ждет в передней генерала, и ему, быть может, пришлось бы и два и три часа просидеть там в кресле, сердобольно предложенном ему лакеем, не случись Реалю, одному из участников затеваемого Бонапартом государственного переворота, увидеть всемогущего министра, у которого домогается аудиенции весь Париж, в столь жалком положении. Испуганный таким злополучным промахом, он вбегает в комнату генерала, взволнованно сообщая ему об ужасной ошибке: как можно так оскорбительно заставлять ждать именно того, кто одним движением пальца может, как бомбу, взорвать всю их затею. Бонапарт тотчас же поспешно выходит к

⁸³ *Дукат* – старинная серебряная, затем – золотая монета, впервые появилась в Италии в 1140 г., получила распространение во всей Западной Европе как высокопробная (3,4–3,5 г чистого золота) монета. Чеканилась иногда под названием цехина или флорина.

⁸⁴ *Луидор* (фр. «louis d'or» от Louis – Людовик) французская золотая монета (6–7 г чистого золота), чеканилась в 1640–1795 гг. Названа так в честь Людовика XIII.

Фуше, очень вежливо приглашает его зайти в кабинет, просит извинить его и два часа разговаривает с ним с глазу на глаз.

Впервые встретились Бонапарт и Фуше лицом к лицу: они тщательно рассматривают, оценивают друг друга, соображая, насколько один может быть полезен другому в достижении его личных целей. Выдающиеся люди мгновенно распознают друг друга. Фуше сразу же угадывает в неслыханной динамичности этого властного человека непреодолимый гений самовластия. Бонапарт своим острым стремительным взглядом хищника сразу узнает в Фуше полезного, на все пригодного, быстро соображающего и энергично действующего помощника. Никто, рассказывал он на острове св.Елены, не дал ему такого сжатого и в то же время всеобъемлющего обзора положения Франции и Директории, как Фуше в этой первой двухчасовой беседе. И то, что Фуше – среди добродетелей которого откровенность отнюдь не значится – немедленно открывает всю правду претенденту на трон, означает, что он решил отдать себя в его распоряжение. В первый же час распределяются роли – господин и слуга, завоеватель мира и политик эпохи; их совместная игра может начаться.

Фуше уже при первой встрече с необыкновенной готовностью доверяется Бонапарту. Однако он не отдает себя всецело в его распоряжение. Фуше не принимает открытого участия в заговоре, который должен вызвать падение Директории и сделать Бонапарта самодержцем, он слишком осторожен для такого шага. Слишком строго, слишком убежденно придерживается он своего жизненного принципа: никогда не принимать окончательного решения, пока не определится, на чьей стороне победа. Но происходит нечто странное: в последующие недели обладающего столь тонким слухом, столь острым зрением министра французской полиции поражает тягостный недуг: он внезапно становится слепым и глухим. Он не слышит наводняющих город слухов о предстоящем государственном перевороте, не видит бесчисленных писем, которые суют ему в руки. Все его обычно безукоризненные достоверные источники информации словно магически иссякли, и в то время, как из пяти членов Директории двое даже участвуют в заговоре, а третий наполовину к нему примкнул, министр полиции не подозревает о готовящемся военном перевороте, или, вернее, делает вид, что не подозревает. В его ежедневных донесениях нет ни строчки о генерале Бонапарте и о клике, нетерпеливо бряцающей оружием; правда, и другой стороне, стороне Бонапарта, не доставляет он никаких сведений, не сообщает ни строчки. Только молчанием предаст Фуше Директорию, только молчанием связан он с Бонапартом, и он выжидает, выжидает, выжидает. В такие мгновения крайнего напряжения, за две минуты до свершения эта амфибия чувствует себя превосходно. Держать в страхе обе партии, быть человеком, перед которым заискивают обе стороны, чувствовать в своей руке колебание весов – вот в чем величайшее наслаждение для этого страстного интригана. Самая чудесная из всех игр, несравнимая в своем напряжении с игрой за зеленым столом или любовными забавами, – эти мгновения, когда мировая игра приближается к развязке! Сознать в такие минуты, что властен ускорить или затормозить ход событий, но, исходя именно из этого сознания, владеть собой и ничего не предпринимать, как бы ни чесались руки от стремления вступить в бой, а только наблюдать с волнующим, возбуждающим, едва ли не порочным любопытством психолога – вот единственное наслаждение, воспламеняющее его холодный ум; только оно волнует эту мутную, жидкую, почти водянистую кровь. Лишь такое психологически извращенное, духовно сладострастное упоение может увлечь этого трезвого, лишенного нервов человека – Жозефа Фуше. И в эти мгновения острого напряжения перед решающим выстрелом его обычно угрюмую серьезность окрыляет своеобразная, жестокая, циничная веселость. Духовное сладострастие может разрядиться только в веселости, в добродушной или злой насмешке, и поэтому Фуше любит шутить именно тогда, когда другие находятся в величайшей опасности; как следовательно в «Преступлении и наказании», он выдумывает самые остроумные и поистине дьявольские шутки именно тогда, когда виновный трепещет от ужаса. В такие мгновения он любит мистифицировать. На этот раз он в самый зловещий момент ставит веселую комедию на подмостках, которые, можно сказать, воздвигнуты на бочке пороха. За несколько дней до

государственного переворота (он, конечно, заранее знает назначенный день) Фуше устраивает званый вечер. Приглашенные на этот интимный вечер Бонапарт, Реаль⁸⁵ и другие заговорщики, сидя за столом, вдруг замечают, что их компания здесь в полном составе: министр полиции Директории пригласил к себе всю камарилью, всех без исключения участников заговора против Директории. Что это значит? Тревожным взглядом обменивается Бонапарт со своими приверженцами. Неужели за дверью уже стоят жандармы, чтобы одним ударом разрушить гнездо государственного переворота? Некоторые из заговорщиков, может быть, припоминают, нечто подобное в истории – роковую трапезу, устроенную Петром Великим для стрельцов, когда палач подал к десерту их головы. Однако люди, подобные Фуше, не прибегают к такого рода жестокостям – напротив, когда, к общему удивлению заговорщиков, является еще один гость (это и в самом деле дьявольская затея), а именно – президент Гойэ⁸⁶, против которого и направлен их заговор, они становятся свидетелями изумительного диалога. Президент справляется у министра полиции о последних событиях. «О, все одно и то же, – отвечает Фуше, лениво подымая веки и устремив взор в пространство. – Все та же болтовня о заговорах. Но я знаю, как к этому относиться. Если бы заговор действительно существовал, мы бы уже имели тому доказательство на площади Революции».

Этот тонкий намек на гильотину действует на заговорщиков как прикосновение холодного лезвия. Они недоумевают: над кем он смеется – над Гойэ или над ними? Дурачит он их или президента Директории? Они не знают этого, не знает, вероятно, и сам Фуше, ибо для него существует лишь одно наслаждение на свете: сладострастие двойственности, жгучая прелесть и острая опасность двойной игры.

После этой веселой шутки министр полиции впадает опять в странную летаргию – вплоть до момента решительного удара; он слеп и глух, а половина сената уже подкуплена, и вся армия на стороне заговорщиков. И странное дело – Жозеф Фуше, который, как всем известно, всегда встает очень рано и первым появляется у себя в министерстве, именно 18 брюмера, в день наполеоновского переворота, охвачен изумительным, глубочайшим утренним сном. Он охотно проспал бы весь день, но два посланца из Директории подымают его с постели и сообщают беспредельно изумленному министру о странных происшествиях в сенате, о сборе отрядов и явном перевороте. Жозеф Фуше протирает глаза и прикидывается, как полагается, пораженным (несмотря на то, что он накануне вечером совещался с Бонапартом). Но, к сожалению, продолжать спать или притворяться спящим уже невозможно. Министру полиции приходится одеться и пойти в Директорию, где его грубо встречает президент Гойэ, который не дает ему дольше разыгрывать комедию изумления. «Ваш долг был, – набрасывается Гойэ на Фуше, – оповестить нас об этом заговоре, и, без сомнения, ваша полиция могла бы своевременно узнать о нем». Фуше спокойно проглатывает эту грубость и, словно самый преданный исполнитель, просит дальнейших указаний. Но Гойэ резко обрывает его: «Если Директория найдет нужным приказывать, она обратится к людям, достойным ее доверия». Фуше улыбается про себя: этот глупец еще не знает, что его Директория уже давно не имеет сил приказывать, что из пяти ее членов двое уже изменили, а третий подкуплен! Но зачем учить глупцов? Он холодно откланивается и отправляется на свое место.

Но где его место, Фуше, собственно говоря, еще не знает – он министр полиции старого или нового правительства, в зависимости от того, кто победит. Лишь на следующие сутки решается исход борьбы между Директорией и Бонапартом. Первый день начался для Бонапарта удачно: сенат, подогретый обещаниями и хорошо подмазанный взятками, исполняет все желания Бонапарта: назначает его командующим войсками и переносит заседание нижней

⁸⁵ *Реаль Пьер Франсуа* (1757–1834) – юрист, заместитель прокурора Парижской Коммуны. В 1807 г., когда во Франции были восстановлены прежние дворянские титулы, стал графом.

⁸⁶ *Гойэ Луи Жером* – президент Директории.

палаты, Совета пятисот, в Сен-Клу, где нет ни рабочих батальонов, ни общественного мнения, ни «народа», а имеется лишь прекрасный парк, который можно герметически закупорить двумя отрядами гренадеров. Но это еще не означает выигрыша всей партии, ибо среди «пятисот» есть десяток-другой несносных парней, которых не удастся ни подкупить, ни запугать; найдутся, пожалуй, и такие, которые будут с кинжалом или пистолетом в руках защищать республику от претендента на престол. При таком положении надо держать в порядке свои нервы, не давать себя увлечь ни симпатиям, ни тем более таким пустякам, как присяга, а сохранять спокойствие, выжидать, быть настороже, пока не настанет решительный час.

И Фуше сохраняет спокойствие. Едва Бонапарт выступил во главе конницы по направлению к Сен-Клу, едва последовали за ним в экипажах главные заговорщики, Талейран, Сийес и десятка два других, как вдруг, по приказанию министра полиции, на всех парижских заставах опускаются шлагбаумы, Никто не смеет покидать города, никто не смеет входить в него, кроме курьеров министра полиции. Никто из восьмисот тысяч жителей, кроме этого энергичного человека, не должен знать, удался или не удался переворот. Каждые полчаса доносит ему курьер о ходе событий, а он все еще не принимает решения. Если победит Бонапарт, то, разумеется, Фуше сегодня же вечером станет его министром и верным слугой; если он потерпит неудачу, Фуше останется верным слугой Директории, готовым спокойно арестовать «мятежника». Известия, которые он получает, довольно противоречивы, ибо в то время как Фуше прекрасно владеет собой, более великий, чем он, – Бонапарт – теряет всякое самообладание: это 18 брюмера, подарившее Бонапарту европейское самодержавие, остается, словно в насмешку, пожалуй, самым жалким днем в личной жизни этого великого человека. Решительный перед жерлами пушек, Бонапарт всегда теряется, когда ему приходится привлекать людей на свою сторону словами: много лет привыкший командовать, он разучился уговаривать. Он умеет, схватив знамя, скакать впереди своих гренадеров, он умеет разбивать армии. Но этому закаленному солдату не удастся запугать с трибуны нескольких республиканских адвокатов. Много раз описывали, как не знающий поражений полководец, выведенный из равновесия непрерывными репликами депутатов, бормотал наивные и пустые фразы, вроде: «Бог войны за меня», и так позорно сбивался, что друзья поторопились убрать его с трибуны. Только штыки его солдат спасают героя Арколе и Риволи от жалкого поражения, которое едва не нанесли ему несколько крикливых адвокатов. И лишь снова сев на коня и отдав солдатам приказ разогнать собрание, он опять становится повелителем и диктатором, и сознание, что он снова сжимает рукоять своей сабли, вносит уверенность в его смятенную душу.

В семь часов вечера все решено, Бонапарт – консул и самодержец Франции. Будь он побежден или отвергнут, Фуше тотчас бы велел расклеить на всех стенах Парижа патетическую прокламацию: «Подлый заговор раскрыт» и так далее. Но так как победил Бонапарт, то он считает эту победу своим достоянием. Не от Бонапарта, а от господина министра полиции Фуше узнает на следующий день Париж об окончательном падении республики, о начале наполеоновской диктатуры. «Министр полиции извещает своих сограждан, – говорится в этом лживом сообщении, – что, когда Совет собрался в Сен-Клу для обсуждения дел республики и генерал Бонапарт явился в Совет пятисот, чтобы разоблачить революционные козни, он едва не стал жертвой убийцы. Но гений республики спас генерала. Пусть республиканцы сохраняют спокойствие... ибо их желания теперь сбудутся... пусть успокоятся слабые – они находятся под защитой сильных... и только те должны бояться, кто сеет беспокойство, смущает общественное мнение и подготавливает беспорядки. Приняты все меры, чтобы подавить смутьянов».

Снова Фуше чрезвычайно удачно применяется к обстоятельствам. И так нагло, так открыто среди бела дня совершается его переход к победителю, что постепенно самые широкие круги начинают разгадывать Фуше. Спустя несколько недель в предместьях Парижа ставится веселая комедия «Флюгер из Сен-Клу»; в этой всеми понятой и восторженно принятой комедии, где лишь слегка были изменены имена, самым забавным образом высмеивались его беспринципность и осторожность. Фуше в качестве цензора мог бы, конечно, запретить подобное высмеивание своей особы, но, к счастью, он был достаточно умен, чтобы не прибегать к этому. Он совсем не скрывает свой характер или, вернее, его отсутствие; напротив,

он даже афиширует свое непостоянство и свою загадочность, потому что это окружает его своеобразным ореолом. Пусть над ним смеются, лишь бы ему подчинялись и боялись его.

Бонапарт – победитель, Фуше – тайный помощник и перебежчик, а Баррас, повелитель Директории, – главная жертва. Ему этот день дает, пожалуй, самый замечательный в мировой истории урок неблагодарности. Ведь оба они, соединенными силами свалившие его, и, как назойливому попрошайке, швырнувшие ему миллионную подачку, два года тому назад были его креатурами, обязанными ему благодарностью, людьми, которых он вывел из ничтожества. Этот добродушный, легкомысленный, никому не мешающий жить, любящий наслаждения *bon homme*⁸⁷, в прямом смысле этого слова подобрал на улице маленького, смуглого опального и почти уже сосланного артиллерийского офицера Наполеона Бонапарта; он украсил заплатанную шинель Бонапарта генеральскими позументами; в один день сделал его, обойдя всех других, комендантом Парижа, подсунил ему свою любовницу, наполнил карманы деньгами, сделал главнокомандующим итальянской армией и тем самым построил для него мост в бессмертие. Таким же образом он извлек Фуше из грязной мансарды на пятом этаже, спас его от гильотины и был единственным, кто избавил Фуше от голода в дни, когда все от него отвернулось, а потом создал ему положение и набил карманы золотом. И оба эти человека, обязанные ему всем, спустя два года объединяются, чтобы столкнуть его в ту грязь, из которой он их вытащил. Действительно, мировая история, как ни далека она от кодекса нравственности, не знает более яркого примера неблагодарности, чем поведение Наполеона и Фуше по отношению к Баррасу 18 брюмера.

Однако неблагодарность Наполеона к своему покровителю находит, по крайней мере, оправдание в его гении. Великая мощь дает ему особые права, ибо гений, стремящийся к звездам, может в случае необходимости и шагать по людям, может пренебрегать мелкими, преходящими явлениями, чтобы следовать более глубокому смыслу, тайному велению истории. Но зато поведение Фуше – это самая обычная неблагодарность абсолютно безнравственного человека, который совершенно откровенно думает только о себе и своей выгоде. Фуше, если это ему нужно, может с ошеломляющей, прямо зловещей быстротой забыть все свое прошлое; дальнейшая его карьера даст еще более удивительные образцы этого своеобразного мастерства. Две недели спустя он посылает Баррасу, человеку, спасшему его от «сухой гильотины» и от ссылки, формальный приказ об изгнании, предварительно отобрав у него все бумаги: вероятно, среди них были и его собственные прошения о помощи и доносы.

Баррас, смертельно обиженный, стискивает зубы; их скрежет еще и теперь слышен в его мемуарах, когда он называет имена Бонапарта и Фуше. Одно только его утешает, – то, что Бонапарт оставляет Фуше при себе. Баррас предчувствует: один отомстит за него другому. Они недолго останутся друзьями.

Впрочем, вначале, в первые месяцы их совместной деятельности, гражданин министр полиции преданнейшим образом предоставляет себя в распоряжение гражданина консула. В официальных документах продолжают еще тогда писать «гражданин». Честолюбие Бонапарта пока удовлетворено званием первого гражданина республики. В те годы, взявшись за решение грандиозной задачи, с которой не смог бы справиться никто другой, он обнаруживает во всей полноте и многогранности свой юношеский гений; никогда образ Наполеона не является более величавым, творческим и гуманным, чем в ту эпоху обновления. Вести революцию в рамки закона, сохранить ее достижения и вместе с тем смягчить ее крайности, закончить войну победой и придать этой победе подлинный смысл заключением прочного, честного мира – вот те возвышенные идеи, которыми вдохновляется новый герой, действуя с дальновзоркостью пронизательного ума и упорным, энергичным трудолюбием страстного, неутомимого

⁸⁷ простак (*фр.*)

работника. Не те годы, о которых повествуют легенды, считающие подвигами лишь кавалерийские атаки, а достижениями – завоевания стран, не Аустерлиц, Эйлау и Вальядолид⁸⁸ являются геркулесовыми подвигами Наполеона Бонапарта, а именно те годы, когда потрясенная, истерзанная партийными распрями Франция снова превращается в жизнеспособную страну, когда обесцененные ассигнации приобретают действительную ценность и созданный Наполеоном кодекс⁸⁹ придает закону и обычаю железные, но все же человеческие формы, когда этот государственный гений с одинаковым совершенством оздоравливает все отрасли и органы государственного управления и умиротворяет Европу. Именно эти, а не военные годы являются истинно творческими, и никогда его министры не работали бок о бок с ним честнее, энергичнее и преданнее, чем в ту эпоху. И в Фуше он находит безукоризненного слугу, вполне разделяющего его убеждения, что лучше положить конец гражданской войне, прибегнув к переговорам и уступкам, чем к насилию и казням. За несколько месяцев Фуше восстанавливает в стране полное спокойствие; он уничтожает последние гнезда как террористов, так и роялистов, очищает дороги от грабителей, и его точно действующая и в большом и в малом бюрократическая энергия с готовностью подчиняется обширным государственным планам Бонапарта. Большие и благотворные дела всегда объединяют людей; слуга нашел своего господина, а господин – подходящего слугу.

Можно с точностью до одного дня, до одного часа установить, когда у Бонапарта впервые зарождается недоверие к Фуше, хотя в изобилии событий, насыщающих те годы, этот эпизод и оставался обычно незамеченным; его открыл только орлиный взор Бальзака-психолога, умевшего в неприметном распознавать существенное и в *petit detail*⁹⁰ – первичный толчок, возбуждающий значительные события; впрочем, он несколько поэтически приукрасил этот случай. Маленькая сценка разыгрывается во время итальянского похода, который должен решить исход борьбы между Австрией и Францией. 20 января 1800 года в Париже собрались взволнованные министры и советники. Курьер привез неблагоприятные известия с фронта при Маренго⁹¹; он доносит, что Бонапарт разбит наголову, французская армия отступает по всему фронту. Каждый из собравшихся уже подумывает о том, что невозможно оставлять побежденного генерала в должности первого консула, все уже заняты мыслями о его преемнике. Насколько ясно были выражены эти мысли, осталось неизвестным, но меры к подготовке переворота, несомненно, втихомолку обсуждались, и это заметили братья Наполеона. Дальше всех зашел, вероятно, Карно, который хотел было сразу же восстановить старый Комитет общественного спасения; что касается Фуше, то он, по меньшей мере, верный своей манере, вероятно, вместо того чтобы поддержать мнимо побежденного консула, хранил осторожное молчание, чтобы иметь возможность, если будет нужно, остаться у старого хозяина или же перейти к новому. Однако на следующий день прибывает другой курьер, с прямо противоположными известиями – о блестящей победе при Маренго: в последний час на помощь Бонапарту подоспел благодаря своей гениальной военной интуиции генерал Дезе⁹² и

⁸⁸ Места сражений, выигранных Наполеоном: Аустерлиц (Австрия) – 1805 г., Прейсиш-Эйлау (Пруссия) – 1807 г., Вальядолид (Испания) – 1808 г.

⁸⁹ *Кодекс Наполеона* – гражданский кодекс Франции, выработанный при участии Наполеона. Утвержден 21 марта 1804 г. По оценке Ф.Энгельса, «классический свод законов буржуазного общества». Оказал влияние на законодательство ряда буржуазных стран.

⁹⁰ мелкой детали (*фр.*)

⁹¹ *Маренго* – селение в Северной Италии, где 14 июня 1800 г. Наполеон разгромил австрийскую армию.

⁹² *Дезе де Вегу Луи Шарль Антуан* (1768–1800) – генерал, участник войн эпохи Революции, участник египетского похода Бонапарта, решил исход битвы при Маренго, где был, однако, убит.

превратил поражение в победу. Во сто раз более сильный, чем перед походом, совершенно уверенный в своем могуществе, возвращается через несколько дней в Париж первый консул – Бонапарт. Без сомнения, он тотчас же узнает, что все министры и лица, пользующиеся его доверием, при первом же известии о поражении были готовы немедленно выкинуть его за борт; первой жертвой падает слишком далеко зашедший Карно – его лишают министерства. Остальные остаются на своих постах, Фуше в том числе; этот чересчур осторожный человек не обнаружил неверности, хотя еще меньше проявил верности. Он не скомпрометировал себя, но и не отличился, оказавшись таким же, каким был всегда: надежным в счастье и ненадежным в несчастье. Бонапарт не увольняет его, не упрекает, не наказывает. Но с этого дня он ему больше не доверяет.

Этот маленький, почти забытый историей эпизод имел и другие, чисто психологические последствия. Он очень отчетливо напоминает, что правитель, основавший свою власть только на силе оружия и военных победах, неминуемо падет после первого же поражения и что каждый властелин, лишенный наследственных прав на престол, должен непременно и своевременно позаботиться о создании иного, законного основания для сохранения и упрочения своей власти. Сам Бонапарт, сознающий свою силу, наделенный тем непоколебимым оптимизмом, который присущ гениальным натурам в дни их расцвета, мог, пожалуй, и забыть об этом тихом предостережении, но не забыли его братья. Наполеон – и этим слишком часто пренебрегают все его историографы – пришел во Францию не один: его окружает голодный, жаждущий власти семейный клан. Прежде его матери и четверем не пристроенным к делу братьям⁹³ казалось достаточным, чтобы их опора, их Наполеон женился на дочери богатого фабриканта и дал возможность своим сестрам купить несколько лишних платьев. Но когда он столь неожиданно достиг власти, они все жадно вцепились в него: он должен тащить за собой всю семью; они тоже жаждут величия, они хотят превратить всю Францию, а впоследствии и весь мир в Семейную вотчину Бонапартов; их нечистоплотное, ненасытное, не оправданное ни малейшим проблеском гениальности стяжательство назойливо требует от брата, чтобы он принял меры к превращению своей власти, зависящей от благоволения народа, во власть независимую и постоянную, в наследственную королевскую власть. Они требуют, чтобы он основал монархию, чтобы он стал королем или императором; они хотят, чтобы он развелся с Жозефиной и женился на баденской принцессе, не осмеливаясь еще допустить мысли о браке Наполеона с сестрой царя или одной из дочерей Габсбургов! Своими непрерывными интригами они все больше оттесняют его от старых товарищей, от старых идей, от республики в сторону реакции, от свободы к деспотизму.

Этому вечно интригующему, ненасытному, неприятному клану одиноко и довольно беспомощно противостоит Жозефина, супруга консула. Она знает, что каждый шаг к величию, к самодержавию удаляет от нее Бонапарта, ибо она не может дать королю или императору то, что совершенно необходимо для поддержания династической идеи: наследника, а с ним и прочную власть. Только немногие из советников Бонапарта стоят на ее стороне (у нее нет денег, чтобы давать взятки, она сама кругом в долгах), и тут-то ее самым верным другом оказывается Фуше. Уже давно с недоверием наблюдает он, до каких неожиданных размеров благодаря неожиданным успехам вырастает честолюбие Бонапарта, с каким упорством освобождается он от каждого искреннего республиканца и заставляет преследовать его как анархиста и террориста. Своим острым, недоверчивым взглядом он видит, что, говоря словами Виктора Гюго: «*Deja Napoleon percait sous Bonaparte*»⁹⁴, что из-за облика генерала уже

⁹³ *Старший брат Наполеона* – Жозеф (1768–1844) в 1806–1808 гг. был королем Неаполитанским, в 1808–1813 гг. – королем Испании; Люсьен (1775–1840) – участник переворота 18 брюмера, затем короткое время – министр внутренних дел; Луи (1778–1846) – в 1806–1810 гг. – король Голландии, отец Наполеона III, младший брат – Жером (1784–1860) был королем Вестфалии, при Наполеоне III стал маршалом и президентом сената.

⁹⁴ из-за Бонапарта уже выглядывал Наполеон (*фр.*)

выглядывает император, за гражданином угрожающе возникает самодержавный властелин. Для него, навсегда связанного с республикой голосованием против короля, сохранение республики, республиканской формы правления – вопрос жизни и смерти. Поэтому он боится всего, что напоминает монархию, поэтому тайно и явно борется на стороне Жозефины.

Этого клан не может ему простить. И с корсиканской ненавистью они следят за каждым шагом Фуше, чтобы, едва он споткнется, столкнуть в пропасть неудобного человека, мешающего им устраивать свои дела.

Они ждут долго и нетерпеливо. Внезапно появляется возможность подставить ножку Фуше. 24 декабря 1800 года Бонапарт отправляется в оперу, чтобы присутствовать на премьере оратории Гайдна «Сотворение мира»; вдруг на узкой улице Никез, позади его кареты, взлетает такой сильный фонтан осколков, пороха и мелких пуль, что обломки перелетают через крыши домов: это покушение, пресловутая адская машина. Только бешеная скорость, с какой гнал лошадей его, – как говорят, – пьяный кучер, спасла первого консула, но сорок истерзанных, истекающих кровью прохожих лежат на земле, а карета, как раненый зверь, вздымается на дыбы, подброшенная напором взрывной волны. Бледный, с окаменевшим лицом продолжает Бонапарт свой путь в оперу, чтобы продемонстрировать свое хладнокровие восторженной публике. С равнодушным, непроницаемым видом внемлет он нежным мелодиям старика Гайдна и с притворным спокойствием благодарит за шумные приветствия, в то время как сидящая рядом с ним Жозефина дрожит от нервного потрясения и не может скрыть слез.

Но то, что это хладнокровие было лишь искусно разыгранной комедией, почувствовали все министры и государственные советники, как только он вернулся из оперы в Тюильри. Его гнев обрушивается главным образом на Фуше; Наполеон неистово набрасывается на бледного, неподвижного министра: он, как министр полиции, давно должен был выследить подобный заговор, но он с преступной снисходительностью щадит своих друзей, своих бывших соучастников – якобинцев. Фуше спокойно возражает, что еще не выяснено, подготовлено ли это покушение якобинцами; он лично убежден, что в этом деле играют главную роль роялистские заговорщики и английские деньги. Но спокойный тон возражений Фуше еще сильнее озлобляет первого консула: «Это якобинцы, террористы, эти вечно мятежные негодяи, сплоченной массой действующие против любого правительства. Эти злодеи готовы принести в жертву тысячи жизней, чтобы убить меня. Но я расправлюсь с ними так, что это послужит уроком для всех им подобных». Фуше осмеливается еще раз высказать свои сомнения. Тут вспыльчивый корсиканец готов уже прямо наброситься на министра, так что Жозефине приходится вмешаться и взять супруга за руку. Но Бонапарт вырывается и в потоке прорвавшихся слов перечисляет Фуше все убийства и преступления якобинцев – сентябрьские дни в Париже, республиканские кровавые ночи в Нанте, резню заключенных в Версале, – явный намек на *Mitrailleur de Lyon*, на его собственное прошлое. Но чем больше горячится Бонапарт, тем упорнее молчит Фуше. Ни один мускул не дрогнул на его непроницаемом лице, пока сыпались обвинения, пока братья Наполеона и придворные насмешливо перемигивались, глядя на министра полиции, который наконец попался. С ледяным спокойствием отвергает он все подозрения и невозмутимо покидает Тюильри.

Его падение кажется неизбежным. Наполеон остается глухим ко всем уговорам Жозефины, защищающей Фуше. «Разве он сам не был один из их вождей? Разве мне неизвестны его проделки в Лионе и на Луаре? Только Лион и Луара могут объяснить мне поведение Фуше!» – гневно восклицает он. Уже стараются угадать имя нового министра полиции, придворные уже начинают презрительно третировать опального Фуше, уже кажется, как часто случалось и раньше, что он окончательно устранен.

В последующие дни положение не улучшается. Бонапарт продолжает утверждать, что это покушение – дело рук якобинцев, он требует принятия решительных мер, строгого наказания виновных. И когда Фуше намекает Наполеону и остальным, что он подозревает кое-кого другого, его встречают насмешками и презрением; все глупцы смеются и издеваются над простоватым министром полиции, не желающим расследовать это ясное дело; все его враги

торжествуют, видя, как он упорно настаивает на своей ошибке. Фуше никому не отвечает. Он не спорит, он молчит. Он молчит две недели, молчит и беспрекословно повинуетя даже тогда, когда ему приказывают составить список ста тридцати радикалов и бывших якобинцев, подлежащих изгнанию, отправке в Гвиану, на «сухую гильотину». Не моргнув глазом, он составляет декрет, которым предает суду последних монтаньяров, последних деятелей «горы», последователей его друга Бабефа – Томино и Арена⁹⁵, единственное преступление которых заключается в том, что они публично заявили, что Наполеон наградил в Италии несколько миллионов, с помощью которых хочет купить власть. Не вмешиваясь, скрывая свои мнения, он наблюдает, как изгоняют одних и казнят других, он молчит, как священник, связанный тайной исповеди, с замкнутыми устами присутствующий при осуждении невинного. Ибо Фуше давно уже напал на след, и пока другие насмеваются над ним, а сам Бонапарт ежедневно иронически упрекает его за глупое упорство, он собирает в своем, доступном лишь для немногих, кабинете, неоспоримые доказательства того, что покушение в действительности подготовлено шуанами⁹⁶ – королевской партией. Встречая с холодным, вялым и равнодушным видом многочисленные нападки в Государственном совете и приемных Тюильри, Фуше лихорадочно работает с самыми лучшими агентами в своей секретной комнате. Обещаны громадные награды, все шпионы и сыщики Франции подняты на ноги, весь город привлекается в качестве свидетеля. Уже опознана разорванная на куски кобыла, привезшая адскую машину, и найден ее бывший хозяин, уже подробно описаны люди, купившие ее, уже установлены благодаря мастерски составленной *biographic chouannique*⁹⁷ (созданный по замыслу Фуше регистр всех эмигрантов и роялистов, всех шуанов, содержащий подробные сведения о каждом из них) имена преступников, а Фуше все еще продолжает хранить молчание. Он все еще стоически разрешает издеваться над собой, и враги его торжествуют. Все быстрее ткуются последние нити, образующие неразрывную сеть; еще несколько дней – и ядовитый паук будет пойман. Еще несколько дней! Ибо Фуше, задетый в своем честолюбии, униженный в своей гордости, стремится не к маленькой, посредственной победе над Бонапартом и всеми, кто упрекает его в неосведомленности, – он хочет полного, сокрушительного триумфа, он хочет иметь свое Маренго.

И вот спустя две недели он внезапно наносит удар. Заговор окончательно раскрыт, все следы преступления выяснены. Зачинщиком был, как и предполагал Фуше, самый грозный из всех шуанов – Кадудаль⁹⁸, а его подручными – заклятые роялисты, купленные на английские деньги. Как удар молнии, поражает это сообщение его врагов. Они видят, что напрасно и несправедливо были осуждены сто тридцать человек, что слишком рано, слишком нагло издевались они над этим непроницаемым человеком. Еще более сильным, еще более уважаемым и более грозным, чем когда-либо, становится для общества, непогрешимый министр полиции. С гневом и удивлением глядит Бонапарт на железного калькулятора, снова доказавшего правильность своих хладнокровных расчетов. Он должен нехотя согласиться: «Фуше рассудил лучше многих других. Он прав. Нужно зорко следить за вернувшимися эмигрантами, за шуанами и всеми принадлежащими к этой партии». Фуше благодаря этому

⁹⁵ *Арена, Томино-Лебрен* – бывшие якобинцы, участники несостоявшегося покушения на Наполеона в театре Оперы (10 октября 1800 г.).

⁹⁶ *Шуаны* – контрреволюционные мятежники, роялисты, действовавшие в Бретани и Нормандии в 1792–1803 гг.

⁹⁷ биография шуанов (*фр.*)

⁹⁸ *Кадудаль Жорж* – бретонский крестьянин, роялист, один из руководителей шуанского подполья, организатор покушения на Наполеона в 1804 г. Был схвачен и казнен.

делу приобрел в глазах Наполеона большой вес, но не любовь. Никогда самодержцы не бывают благодарны человеку, обнаружившему их ошибку или несправедливость, и бессмертным остается рассказ Плутарха о солдате, который спас жизнь королю во время сражения и, вместо того чтобы бежать, как правильно советовал ему мудрец, остался, рассчитывая на благодарность короля: он поплатился за это головой. Короли не любят тех, кто был свидетелем их бесчестия, и деспотические натуры не терпят советников, которые хоть раз оказались умнее их.

В такой узкой области, как полицейская деятельность, Фуше достиг наивысшего триумфа. Но как ничтожен этот триумф по сравнению с триумфом Бонапарта в последние два года консульства! Ряд своих побед этот диктатор увенчал прекраснейшей победой – заключением мира с Англией, конкордатом с церковью⁹⁹; эти самые могущественные властители мира благодаря его энергии, его творческому расчету ныне уже не враги Франции. Страна умиротворена, финансы приведены в порядок, положен конец партийным распрям, все противоречия смягчены. В стране растет изобилие, промышленность развивается вновь, оживают искусства, настал век Августа, и уже недалек час, когда Август сможет именоваться Цезарем¹⁰⁰. Фуше, который знает каждое побуждение и каждую мысль Бонапарта, ясно видит, куда метит честолюбивый корсиканец: его уже не удовлетворяет роль главы республики, и он стремится навсегда превратить спасенную им страну в свою личную собственность и собственность своей семьи. Консул республики, конечно, никогда не выказывает публично свои отнюдь не республиканские честолюбивые намерения, но при случае дает понять своим наперсникам, что хотел бы получить от сената выражение благодарности в форме особого акта доверия, *temoignage eclatant*.¹⁰¹ В глубине души он жаждет иметь своего Марка Антония¹⁰² – надежного, верного слугу, который потребовал бы для него императорскую корону, и Фуше, хитроумный и гибкий, мог бы теперь заслужить вечную благодарность Наполеона.

Но Фуше отказывается от этой роли, или, вернее, он не отказывается от нее открыто, но с притворной услужливостью старается исподтишка пресечь эти намерения. Он противник братьев Наполеона, противник клана Бонапартов, он на стороне Жозефины, обьятой страхом и беспокойством перед этим последним шагом ее мужа на пути к престолу; она знает, что тогда ей недолго придется оставаться его супругой. Фуше предостерегает ее от открытого сопротивления. «Сохраняйте спокойствие, – советует он ей, – вы напрасно становитесь поперек дороги вашему супругу. Ваши опасения ему надоедают, а мои советы он принял бы за оскорбление». Фуше, верный своей природе, пытается тайно помешать исполнению этих честолюбивых желаний. Он пользуется тем, что Бонапарт, побуждаемый притворной скромностью, не высказывается открыто, и когда сенат собирается предложить Бонапарту *temoignage eclatant*, Фуше, как и некоторые другие, нашептывает сенаторам, что великий человек, будучи верным республиканцем, желает лишь продления срока консульства на десять лет. Сенаторы, убежденные, что почтят и обрадуют этим Бонапарта, торжественно принимают соответствующее решение. Но Бонапарт, который понимает коварную игру и прекрасно знает,

⁹⁹ *Конкордат с церковью* – соглашение Наполеона с папой Пием VII, предоставившее католической церкви во Франции широкие возможности для ее деятельности (1801).

¹⁰⁰ При рождении Август получил имя Гай Октавий. После усыновления его Юлием Цезарем именовался Гай Юлий Цезарь Октавиан, с 27 г. до н.э., после того как он одержал победу над всеми политическими противниками, его стали называть императором Цезарем Августом.

¹⁰¹ неопровержимого доказательства (*фр.*)

¹⁰² *Марк Антоний* (83–30 гг. до н.э.) – римский полководец и политический деятель, сподвижник Юлия Цезаря.

кто ею руководит, приходит в ярость, когда ему преподносят этот ненужный ему, нищенский дар. Депутация встречена полным равнодушием. Когда мысленно уже ощущаешь на челе холодок золотой короны, тогда эти десять ничтожных лет представляются пустым орехом, который с презрением топчешь ногой.

Наконец Бонапарт сбрасывает личину скромности и ясно выражает свою волю: пожизненное консульство! И под тонким покровом этого понятия уже просвечивает видимая каждому зрячему грядущая императорская корона. И так велика в эту эпоху сила Бонапарта, что народ миллионным большинством голосов претворяет его желание в закон и избирает его (как полагают они и он) пожизненным властелином. С республикой покончено – нарождается монархия.

Клика братьев и сестер, корсиканский семейный клан, не забывает, что Жозеф Фуше препятствовал исполнению желания нетерпеливого претендента на престол. И, теряя терпение, они торопят Бонапарта избавиться от неприятного стремянного, – ведь он теперь достаточно крепко сидит в седле. К чему, говорят они, когда страна единодушно согласилась признать его пожизненным консулом, когда все противоречия благополучно разрешены и раздоры устранены, – к чему нужен этот слишком ревностный надзиратель, который следит не только за страной, но и за их собственными темными проделками? Долой его! Покончить с ним, отстранить этого вечного интригана, постоянно чинящего препятствия! Беспрестанно, нетерпеливо, упорно и настойчиво уговаривают они все еще колеблющегося брата.

Бонапарт в глубине души согласен с ними. И ему мешает этот слишком осведомленный и постоянно пополняющий свою осведомленность человек, эта серая тень, ползущая за его сиянием. Но нужен серьезный предлог, чтобы отстранить министра, который так отличился, который пользуется в стране неограниченным уважением. Кроме того, этот человек одновременно с ним вошел в силу, и потому лучше не делать из него открытого противника. Он посвящен во все секреты, ему угрожающе хорошо известны все, подчас нечистоплотные, интимные дела корсиканского клана, поэтому не следует его грубо оскорблять. И вот придумывают ловкий, тонкий предлог, который дает возможность не придавать отстранению Фуше характера немилости: министра Жозефа Фуше вовсе не увольняют, но он так мастерски исполнял свои обязанности, что ныне учреждение по надзору за гражданами является излишним и министерство полиции можно упразднить. Итак, упраздняют не министра, а министерство, то есть место, которое занимал Фуше, а тем самым, естественно, и его самого.

Чтоб смягчить чувствительность жестокого удара, которым его выставляют за дверь, отставку облачают в осторожную форму. Утрату поста ему возмещают назначением в сенаторы, и письмо, в котором Бонапарт сообщает об этом повышении в должности отставленному министру, звучит таким образом: «...исполняющего должность министра полиции в самые тяжелые годы талант, энергия и преданность государству гражданина Фуше всегда соответствовали требованиям, выдвигаемым событиями. И, предоставляя ему место в сенате, правительство помнит, что, если настанет время, когда снова понадобится министр полиции, оно не найдет человека, более достойного его доверия». Кроме того, зная, как прочно примирился бывший коммунист со своим прежним врагом – деньгами, Бонапарт строит для него великолепный золотой мост к отставке. И когда при ликвидации дел министр представляет два миллиона четыреста тысяч франков, как остаток упраздненного фонда полиции, Бонапарт попросту дарит ему половину суммы – другими словами, миллион двести тысяч франков. Кроме того, обращенный враг денег, десять лет тому назад иступленно громивший «грязный и развращающий металл», получает в качестве прибавки к титулу сенатора майорат Экс – маленькое княжество, простирающееся от Марселя до Тулона и оцененное в десять миллионов франков. Бонапарт изучил Фуше; он знает эти беспокойные руки азартного интригана, и так как их трудно связать, он предпочитает нагрузить их золотом. История знает немного случаев, когда министра увольняли с большими почестями, а главное, с большими предосторожностями, чем Жозефа Фуше.

5. Министр императора (1804–1811)

В 1802 году Жозеф Фуше, или, вернее, его превосходительство господин сенатор Жозеф Фуше, по настойчивому, хотя и мягко выраженному желанию первого консула снова входит в частную жизнь, из которой он вышел десять лет тому назад. Это было невероятное десятилетие, человекоубийственное и роковое, преобразившее мир и смертельно опасное, но Жозеф Фуше сумел его отлично использовать. Теперь он не скрывается, как в 1794 году, в нетопленной, жалкой мансарде под самой крышей, а покупает красивый, хорошо обставленный дом на улице Черутти, принадлежавший, вероятно, некогда одному из «подлых аристократов» или «гнусных богачей». В Ферьере, будущей резиденции Ротшильдов¹⁰³, он устраивает себе великолепное местечко для летнего отдыха, получая аккуратно высылаемые доходы майората Экс, своего княжества в Провансе. Да и вообще он образцово владеет благородным искусством алхимиков делать из всего золото. Его подопечные на бирже принимают его в долю, он выгодно расширяет свое имение, – проходит еще несколько лет, и человек, подписавший первый коммунистический манифест, становится вторым по богатству гражданином Франции, самым крупным землевладельцем в стране! Лионский тигр превратился в настоящего запасливого хомяка, умного, бережливого капиталиста, искусного процентщика. Это фантастическое богатство политического выскочки не изменяет его врожденной нетребовательности, закаленной суровой монастырской дисциплиной. Владея пятнадцатью миллионами, Жозеф Фуше живет едва ли иначе, чем в то время, когда он с трудом мог наскрести, обитая в своей мансарде, необходимые ему ежедневно пятнадцать су; он не курит, не пьет, не играет в карты, не тратит денег на женщин и на удовлетворение тщеславия. Словно добропорядочный сельский дворянин, он мирно прогуливается по лугам со своими детьми, – после двух первых, погибших от лишений, у него родилось еще трое, – устраивает время от времени маленькие приемы, слушает музыку, которой друзья развлекают его жену, читает книжки и наслаждается умными разговорами; где-то внутри, на недостижимой глубине, таится в этом рассудительном, ширококостном буржуа дьявольская страсть к азартной политической игре, страсть к напряжению и опасностям большой, всемирной игры. Его соседи ничего не замечают, они видят только честного помещика, прекрасного отца семейства, нежного супруга. И никто из людей, не знавших Фуше по службе, не подозревает, что под этой приветливой молчаливостью скрывается с трудом подавляемая страсть, влекущая его снова вырваться вперед, снова во все вмешаться.

О власть с ее взглядом Медузы! Кто однажды, заглянул ей в лицо, тот не может более отвести глаз: он остается зачарованным и плененным. Кто хоть раз испытал хмельное наслаждение власти и повелевания, уже не в состоянии от нее отказаться. Перелистайте мировую историю, отыскивая примеры добровольного отречения: кроме Суллы и Карла V¹⁰⁴, из тысяч и десятков тысяч едва ли найдется десяток людей, которые, пресытившись, в ясном уме отказались бы от почти кощунственной страсти играть роль судьбы для миллионов себе подобных. Так же точно, как игрок не может отказаться от игры, пьяница от питья, браконьер от охоты, так и Жозеф Фуше не может отойти от политики. Покой тяготит его, и в то время как он весело, с хорошо разыгранным равнодушием подражает Цинциннату¹⁰⁵, идущему за

¹⁰³ *Ротшильды* – династия финансовых магнатов, имевших банкирские дома в Вене, Париже, Франкфурте-на-Майне, Лондоне. Обогатились во время наполеоновских войн за счет финансирования правительств европейских стран.

¹⁰⁴ *Сулла Луций Корнелий* (138–78 гг. до н.э.) – римский полководец и политический деятель, с 82 г. до н.э. – диктатор. В 79 г. до н.э. добровольно сложил с себя полномочия.

Карл V (1500–1558) – император Священной Римской империи в 1519–1556 гг. добровольно отрекся от престола.

¹⁰⁵ *Цинциннат* – римский консул, дважды диктатор (в 458 и 438 гг. до н.э.), считался образцом доблести и скромности. Выполнив возложенные на него государственные обязанности, вернулся в свое поместье и взялся за

плугом, у него уже горят пальцы и трепещут нервы от желанья вновь схватить политические карты. Хотя и отставленный, он добровольно продолжает нести полицейскую службу и для упражнения в письме, для того чтобы не быть окончательно забытым, еженедельно посылает первому консулу тайную информацию. Это забавляет его, занимает его ум интригана, ни к чему не обязывая, но не дает ему подлинного удовлетворения. Его мнимое отстранение от всего – это не что иное, как лихорадочное ожидание минуты, когда можно будет наконец вновь схватить узду в свои руки, почувствовать власть над людьми, власть над судьбой мира!

Бонапарт видит по многим признакам, как нетерпеливо рвется вперед Фуше, но предпочитает не замечать этого. Пока он может держать вдали от себя зловеще умного, зловеще работоспособного человека, он оставит его в тени; с тех пор как обнаружилось, какая самовластная сила таится в этом скрытном человеке, Фуше принимает на службу лишь тот, кому он крайне необходим и к тому же для самого опасного дела. Консул оказывает ему всевозможное благоволение, пользуется им для различных дел, благодарит его за хорошую информацию, приглашает его время от времени в Государственный совет, а главное, предоставляет ему возможность зарабатывать и обогащаться, чтобы он вел себя спокойно; и только одному он упорно противится, пока это возможно: дать ему снова, назначение и возродить министерство полиции. Пока Бонапарт силен, пока он не делает ошибок, он не нуждается в таком сомнительном и слишком умном слуге.

К счастью для Фуше, Бонапарт, однако, совершает ошибки. И прежде всего ту всемирно-историческую, непростительную ошибку, что больше не удовлетворяется тем что он Бонапарт, и, кроме уверенности в себе самом, кроме торжества своей исключительности, жаждет еще тусклого блеска наследственной власти и пышности титула. Тот, кому некого было бояться благодаря своей силе, своей неповторимо могучей личности, пугается теней прошлого – жалкого ореола изгнанных Бурбонов. И, побуждаемый Талейраном, нарушая Международное право, он отдает жандармам приказ доставить из нейтральной области герцога Энгиенского и велит расстрелять его – поступок, для которого Фуше подыскал знаменитые слова: «Это – более чем преступление, это – ошибка». Эта казнь создает вокруг Бонапарта безвоздушное пространство, наполненное страхом и ужасом, негодованием и ненавистью. И вскоре он сочтет нужным снова укрыться под покров тысячеглазого Аргуса¹⁰⁶ – под защиту полиции.

И затем – это самое важное – в 1804 году консул Бонапарт снова нуждается в ловком и беззастенчивом помощнике для своего наивысшего взлета. Ему опять нужен стремянный. То, что два года тому назад казалось крайним пределом честолюбивых мечтаний – пожизненное консульство, – представляется теперь ему, высоко вознесшемуся на крыльях успеха, уже недостаточным. Он уже не хочет быть только первым гражданином среди других граждан, а хочет быть господином и владыкой над подданными; он страстно желает охладить горячий лоб золотым обручем императорской короны. Но, кто хочет стать Цезарем, нуждается в Антонии, и хотя Фуше долго играл роль Брута (а раньше даже роль Катилины)¹⁰⁷, однако, изголодавшись за два года политического поста, он теперь охотно готов выудить императорскую корону из того болота, в которое превратился сенат. Приманкой служат деньги и добрые обещания. И вот мир наблюдает редкостное зрелище: бывший председатель Якобинского клуба, ныне ставший его превосходительством, обменивается в коридорах сената подозрительными рукопожатиями и до тех пор настаивает и нашептывает, пока несколько услужливых византийцев не вносят предложения «создать такое учреждение, которое навсегда бы разрушило надежды заговорщиков, гарантируя непрерывность правления за пределами жизни носителя власти».

плуг.

¹⁰⁶ *Аргус* – в греческой мифологии: многоглазый, вечно бодрствующий великан.

¹⁰⁷ *Брут Марк Юний* (I в. до н.э.) – римский политический деятель, республиканец, участник заговора против Юлия Цезаря. *Катилина Луций Сергий* (108–62 гг. до н.э.) – римский политический деятель, организовавший заговор с целью захвата власти, который раскрыл Цицерон.

Если вскрыть напыщенную оболочку этой фразы, то обнаруживается ее ядро – намерение превратить пожизненного консула Бонапарта в наследственного императора Наполеона. Вероятно, перу Фуше (которое одинаково хорошо пишет и елеем и кровью) принадлежит та холопски раболепная петиция сената, которая приглашает Бонапарта, «завершить дело его жизни, придав ему бессмертие». Немногие более усердно содействовали окончательной гибели республики, чем Жозеф Фуше из Нанта, бывший депутат Конвента, бывший председатель Якобинского клуба, *Mitrailleur de Lyon*, боровшийся с тиранами и некогда самый республиканский из республиканцев. И так же, как раньше гражданин Фуше получил назначение от гражданина консула Бонапарта, в 1804 году его превосходительство господин сенатор Фуше после двух лет золотого изгнания назначается его величеством императором Наполеоном снова на пост министра. В пятый раз Жозеф Фуше приносит присягу на верность; впервые он присягал еще королевскому правительству, второй раз республике, третий – Директории, четвертый – консульству. Но Фуше только сорок пять лет: как много времени остается еще для новых присяг, новой верности и новых измен! И со свежими силами бросается он снова в бурные волны излюбленной стихии, присягнувший новому императору, но верный только своей собственной беспокойной страсти.

В течение десяти лет на сцене мировой истории, или, вернее, на заднем ее плане, противостоят они друг другу – Наполеон и Фуше, связанные судьбой, вопреки их обоюдному инстинктивному противодействию. Наполеон не любит Фуше, Фуше не любит Наполеона, Несмотря на взаимную тайную неприязнь, они пользуются Друг другом, связанные только притяжением противоположных полюсов. Фуше хорошо знает великий и опасный демонический дух Наполеона; он знает, что еще в течение десятков лет мир не создаст подобного гения, столь достойного того, чтобы ему служить. Наполеон, со своей стороны, знает, что никто так стремительно быстро не понимает его, как этот трезвый, ясный, все зеркально отражающий взгляд шпиона, как этот работающий, равно пригодный и для самого лучшего и для самого худшего политический талант, которому недостает только одного, чтобы быть вполне совершенным слугой; безусловной преданности, верности.

Ибо Фуше никогда не будет ничьим, слугой и всего менее лакеем. Никогда не поступится он целиком своей духовной независимостью, своей собственной волей ради чужого дела. Напротив: чем больше бывшие республиканцы, перерядившиеся ныне в дворян, покоряются сиянию, исходящему от императора, чем быстрее они превращаются из советников в льстецов и прихлебателей, тем все больше выпрямляется спина Фуше. Разумеется, теперь уже невозможно открыто возражать, прямо противопоставлять свое мнение неуступчивому императору, все более усваивающему повадки самодержца: ведь в Тюильрийском дворце уже давно устранены товарищеская откровенность, свободный обмен мнениями между гражданами; император Наполеон, который своим старым боевым товарищам и даже собственным братьям (как, должно быть, это их веселит!) разрешает обращаться к себе не иначе как *Sire*¹⁰⁸ и ни одному смертному, за исключением жены, не позволяет говорить себе «ты», не желает больше выслушивать советов своих министров. Бывало, гражданин министр Фуше входил к гражданину консулу Бонапарту в помятом жабо, с открытым воротом; теперь не то – теперь министр Жозеф Фуше отправляется на аудиенцию к императору Наполеону затянутый в пышный придворный мундир, с вышитым золотом высоким воротом, туго облегающим шею, в черных шелковых чулках и блестящих башмаках, увешанный орденами, со шляпой в руке. «Господин» Фуше должен сперва почтительно склониться перед бывлым товарищем, соучастником в заговоре, прежде чем обратиться к нему со словами: «Ваше величество». С поклоном он должен войти, с поклоном – выйти и, вместо того, чтобы вести интимную беседу, должен без возражений выслушивать отрывисто даваемые приказания. Не может быть никаких возражений против суждений этого самого энергичного из всех волевых людей.

¹⁰⁸ Государь (*фр.*)

По крайней мере, никаких открытых возражений. Фуше слишком хорошо знает Наполеона, чтобы в случае расхождения во мнениях и желаниях навязывать ему свои. Он позволяет, чтобы ему приказывали, командовали им, как и всеми другими льстивыми и раболепными министрами императорской эпохи, но с той маленькой разницей, что он не всегда повинуется этим приказаниям. Если он получает приказание произвести аресты, которых сам не одобряет, то он либо потихоньку предупреждает опальных, либо, если уж необходимо их наказать, повсюду подчеркивает, что это происходит не по его собственному желанию, а исключительно по приказу императора. Наоборот, поощрения и любезности он расточает всегда как исходящие от его милости. Чем более властно ведет себя Наполеон – и действительно достойно изумления, как этот от природы властолюбивый темперамент – по мере расширения своего могущества становится все неудержимее и самодержавное, – тем любезней и смиренней держит себя Фуше. И, таким образом, не произнося ни слова против императора, прибегая лишь к легким намекам, улыбкам, умалчиваниям, он один образует явную и вместе с тем совершенно неуловимую оппозицию новому правителю божьей милостью. Он сам уже давно не берет на себя опасный труд высказывать истины; он знает, что императорам и королям, даже если они раньше назывались Бонапартами, подобные вещи не по душе. Только контрабандой, исподтишка он иногда злобно подсовывает в своих ежедневных донесениях откровенные высказывания. Вместо того, чтобы сказать «я думаю», «я полагаю» и получить нагоняй за эту самостоятельность мнений и суждений, он пишет в рапортах «говорят» или «один посланник сказал»; таким способом в ежедневный трюфельный паштет пикантных новостей ему удастся подсыпать несколько зернышек перца по поводу императорской семьи. С побелевшими губами должен, читать Наполеон сообщения о позорных и грязных похождениях своих сестер, записанные в качестве «зловредных слухов», и едкие, злые отзывы о себе самом, меткие, острые замечания, которыми ловкое перо Фуше намеренно приправляет бюллетень. Не произнося ни слова, дерзкий слуга преподносит время от времени своему неприветливому господину горькие истины и следит, вежливо и бесстрастно присутствуя при чтении, как суровый господин силится проглотить их. Это маленькая месть Фуше лейтенанту Бонапарту, который, надев императорский мундир, желает, чтобы его прежние советники стояли перед ним трепеща и согнув спину.

Совершенно очевидно: эти два человека отнюдь не симпатизируют друг другу. Как Фуше для Наполеона не слишком приятный слуга, так и Наполеон не слишком приятный господин для Фуше. Не было случая, чтобы к полицейским донесениям, которые кладут ему на стол, Наполеон отнесся спокойно и доверчиво. Он исследует своим орлиным взором каждую строчку, подмечая малейшую неувязку, пустейшую ошибку; тут он обрушивается на своего министра и, в порыве неудержимо вспльчивого корсиканского темперамента, бранит его, как школьника. Коллеги из совета министров и все подслушивавшие у дверей и заглядывавшие в замочную скважину единодушно утверждают, что именно хладнокровие, с которым возражал Фуше, раздражало императора. Но это совершенно ясно даже помимо их свидетельств (все мемуары того времени следует читать с лупой в руках), потому что даже в письмах слышно, как гремит его суровый, резкий начальственный голос. «Я нахожу, что полиция недостаточно строго следит за прессой, – поучает он старого, испытанного мастера своего дела либо дает ему нагоняй: – Можно подумать, что в министерстве полиции не умеют читать, – там ни о чем не заботятся». Или: «Я ставлю вам на вид, чтобы вы держались в рамках вашей деятельности и не вмешивались во внешние дела». Наполеон беспощадно пробирает Фуше – об этом свидетельствуют сотни показаний – даже в присутствии посторонних, перед адъютантами и Государственным советом и в припадке гнева не останавливается даже перед тем, чтобы напомнить ему о Лионе, о его террористической деятельности, называет его цареубийцей и изменником. Но Фуше, холодный, как лед наблюдатель, за десять лет в совершенстве изучивший весь механизм этих гневных вспышек, отлично знает, что иногда они действительно закипают произвольно в крови этого горячего человека, но что порой Наполеон разыгрывает их, как актер, вполне сознательно, и Фуше не дает себя запугать ни истинными, ни театральными бурями, не так, как австрийский министр Кобенцль, который задрожал от страха, когда император швырнул ему под ноги драгоценную фарфоровую вазу. Фуше не позволяет

себя смутить ни искусственно разыгранными вспышками гнева, ни действительными приступами бешенства, и в то время как на него обрушивается целый поток резких слов, его белое как мел, похожее на маску лицо непроницаемо: ни единое движение, ни единый нерв не выдают его волнения. И только когда Фуше выходит из комнаты, на его тонких губах змеится ироническая или злая улыбка. Он не дрожит даже, когда император кричит ему: «Вы изменник, я бы должен был приказать расстрелять вас», – и отвечает обычным деловым тоном, не повышая голоса: «Я не разделяю вашего мнения, Sire». Сотни раз слышит он, что его увольняют, грозят изгнанием, отстранением от должности, и тем не менее удаляется совершенно спокойно, вполне уверенный, что на следующий день император снова призовет его. И он всегда оказывается прав. Потому что, несмотря на все свое недоверие, свой гнев и тайную ненависть, Наполеон в течение целого десятилетия, до самого последнего часа не может окончательно избавиться от Фуше.

Эта власть Фуше над императором, составлявшая загадку для всех его современников, не включает в себе, однако, ничего магического и гипнотического. Эту власть Фуше приобрел благодаря своему упорству, ловкости и систематическому наблюдению. Фуше многое знает, даже слишком многое. Он знает все тайны императора не только вследствие общительности последнего, но и против его желания и держит в руках как все государство, так и своего господина благодаря своей безграничной, почти магической осведомленности. От супруги императора Жозефины ему известны наиболее интимные детали его супружеского ложа; от Барраса – каждый шаг, сделанный им по винтовой лестнице успеха; благодаря своим личным связям с денежными людьми Фуше контролирует все частные денежные дела императора, от него не укрываются ни грязные подробности из жизни членов семьи Бонапартов, ни образом для него не составляют тайны и супружеские измены его господина. Если в одиннадцать часов вечера закутанный в чужой плащ Наполеон, которого трудно узнать, пробирается через потайной выход Тюильрийского дворца к своей возлюбленной, наутро Фуше уже знает, куда поехал экипаж императора, сколько времени пробыл он в названном доме, когда вернулся; он даже имел однажды возможность пристыдить властелина мира, сообщив ему, что его избранница обманывает его, самого Наполеона, с каким-то незадачливым актеришкой. С каждого значительного документа, имеющегося в кабинете императора, благодаря подкупленному секретарю снимается копия, попадающая затем к Фуше, и некоторые лакеи, как высокопоставленные, так и просто лакеи, ежемесячно получают добавку к жалованью из тайной кассы министра полиции в награду за надежные сообщения обо всех дворцовых разговорах. Днем и ночью за столом и в постели находится Наполеон под наблюдением своего слишком ревностного слуги; от него нельзя скрыть ни одной тайны, и, таким образом, император вынужден волей-неволей доверяться ему. И эта осведомленность обо всем и вся дает Фуше ту власть над людьми, которая так поражала Бальзака.

Но столь же старательно, как следит Фуше за всеми делами, намерениями и высказываниями императора, стремится он скрыть от Наполеона свои собственные планы. Фуше никогда не поверяет ни императору, ни кому-либо другому своих подлинных намерений и занятий; из колоссальных запасов сведений, которыми он располагает, ей показывает лишь те, которые хочет показать, все остальное находится под замком, в ящике письменного стола министра полиции. В эту последнюю цитадель Фуше не разрешает никому заглядывать: его единственная страсть, его высокое наслаждение – оставаться неразгаданным, непроницаемым, непонятым – качество, которым никто не обладал в такой мере, как он. Поэтому совершенно напрасно приставляет к нему Наполеон нескольких шпионов, – Фуше дурачит их или даже использует, чтобы передать через них обманутому патрону совершенно лживые, дезориентирующие сведения. С годами эта игра в шпионаж и контршпионаж становится все более коварной, накаляемой ненавистью, а их отношения откровенно натянутыми. Да, атмосфера действительно чрезвычайно сгустилась вокруг этих двух людей, из которых один слишком сильно желает быть господином, а другой совсем не желает быть слугой. Чем сильнее становится Наполеон, тем все более тяготит его Фуше. Чем сильнее становится Фуше, тем все более ненавистным делается для него Наполеон.

Фоном для этого личного соперничества двух разнородных индивидуальностей служит непрерывно, невероятно нарастающее общее напряжение тех лет. С каждым годом все отчетливее обнаруживаются во Франции два противоположных стремления: страна желает, наконец, мира, а Наполеон жаждет все новых и новых войн. В 1800 году Бонапарт, наследник революции, облекший ее в форму законности, был в полном согласии со своей страной, народом и министрами; Наполеон 1804 года, император нового десятилетия, давно уже перестал думать о своей стране, о своем народе и помышляет лишь о Европе, о целом мире, о бессмертии. После того как он мастерски разрешил одну поставленную перед ним задачу, он ставит себе благодаря избытку сил все новые, все более трудные задачи, и тот, кто превратил хаос в порядок, разрушает дело рук своих, снова ввергая порядок в хаос. Это вовсе не означает, что его ясный и острый, как алмаз, разум потускнел, совсем нет: интеллект Наполеона при всем своем демонизме математически точен и сохраняет величавую ясность до последней, секунды, когда, умирающий, дрожащей рукой пишет завещание, это лучшее из своих произведений. Но разум его давно уже утратил чувство меры, да иначе и не могло быть после столь невероятного осуществления невозможного! После таких неслыханных, вопреки всем правилам всемирной игры выигрышей, как было не возникнуть в душе, привыкшей к столь непомерным ставкам, желанию превзойти невероятнее еще более невероятным! Наполеон даже во время своих самых безумных походов столь же далек от душевного смятения, как Александр, Карл Двенадцатый или Кортес¹⁰⁹. Так же как и они, он благодаря своим неслыханным победам утратил реальную меру возможного, и именно эти безумные порывы при совершенной ясности рассудка – величественные явления природы в царстве разума, столь же прекрасные, как мистральная буря при ясном небе – приводили к тем деяниям, которые, будучи преступлениями одного человека против сотен тысяч, являются в то же время и легендарным обогащением человечества. Поход Александра из Греции в Индию, еще и сейчас представляющийся сказочным, когда воссоздаешь его, проводя пальцем по карте, плавание Кортеса, марш Карла Двенадцатого от Стокгольма до Полтавы, караван в шестьсот тысяч человек, который Наполеон тащит от Испании до Москвы, – все эти великие проявления мужества и в то же время высокомерия представляют в новой истории то же, что битвы Прометея и титанов с богами в греческой мифологии; это преступление и геройство, но, во всяком случае, это почти кощунственный максимум всего, что достижимо на земле. И Наполеон неудержимо стремится к этому крайнему пределу, едва только он почувствовал на челе императорскую корону. Вместе с успехами возрастают его стремления, с победами – его дерзость, с торжеством над судьбой – желание бросить ей еще более дерзкий вызов. Поэтому вполне естественно, что те из окружающих его людей, кто не оглушен фанфарами победных сводок и не ослеплен успехами, такие умные и рассудительные люди, как Талейран и Фуше, приходят в ужас. Они думают о своем времени, о современности, о Франции, а Наполеон думает только о потомках, о легенде, об истории.

Это противоречие между разумом и страстью, между логическим и демоническим характерами, вечно повторяющееся в истории, при наступлении нового столетия явственно проступает во Франции и служит как бы фоном для исторических фигур. Война сделала Наполеона великим, вознесла его из ничтожества на императорский трон. Естественно, что он постоянно стремится к войне и ищет все более крупных и сильных противников. Даже в числовом выражении его ставки растут совершенно фантастически. В 1800 году при Маренго он победил, командуя тридцатью тысячами человек, пять лет спустя он уже выставляет триста тысяч человек, а еще через пять лет вырывает у обескровленной, уславшей от войны страны почти миллион бойцов. Последнему обзному из его войска, самому глупому крестьянину можно было доказать как дважды два четыре, что подобная *guetromanie* и *cougromanie*¹¹⁰ (это

¹⁰⁹ *Кортес* (1485–1547) – испанский конкистадор, завоеватель Мексики (1519–1521). В 1524 г. в поисках морского прохода из Атлантического океана в Тихий пересек Центральную Америку.

¹¹⁰ *guette* (фр.) – война, *cougir* (фр.) – бежать; то есть мания войны и походов

слово изобрел Стендаль) должна в конце концов привести к катастрофе, и однажды в разговоре с Меттернихом, за пять лет до московского похода, Фуше произнес пророческие слова: «Когда он вас разобьет, останутся еще только Россия и Китай». Только один человек не понимает этого или умышленно закрывает на это глаза – Наполеон. Для того, кто пережил мгновения Аустерлица, затем Маренго и Эйлау, – мировую историю, втиснутую в два часа, – для того уже более не представляет интереса, не дает удовлетворения принимать на придворных балах лизоблюдов в мундирах, сидеть в празднично разукрашенном оперном театре, выслушивать скучные речи депутатов, нет, уже давно он лишь тогда испытывает нервный подъем, когда, во главе своих войск, продвигаясь форсированным маршем, захватывает целые страны, разбивает армии, небрежным движением пальца перемещает, как шахматные фигуры, королей и ставит на их места других, когда Дом Инвалидов¹¹¹ превращается в шумящий лес знамен, а вновь учрежденное казначейство наполняется сокровищами, награбленными по всей Европе. Он мыслит только полками, корпусами, армиями; он уже давно рассматривает Францию, всю страну, весь мир только как свою ставку, как безраздельно принадлежащую ему собственность: «La France c'est moi»¹¹². Но некоторые из его близких придерживаются в глубине души того мнения, что Франция принадлежит прежде всего себе самой, что ее люди, ее граждане не обязаны делать королями корсиканскую родню, а всю Европу обращать в Бонапартову вотчину. Со все возрастающим неудовольствием видят они, как из года в год к воротам городов прибывают списки рекрутов, как вырывают из семей восемнадцатилетних, девятнадцатилетних юношей, чтобы они бессмысленно погибали на границах Португалии или в снежных пустынях Польши и России, погибали бессмысленно либо за дело, смысл которого нельзя уже понять. Таким образом, возникает все более ожесточенное противоречие между ним, который следит только за своими путеводными звездами, и людьми с ясным взглядом, видящими усталость и нетерпение своей страны. А так как его властный, самодержавный разум не желает выслушивать советов даже от близких, то последние начинают втайне раздумывать над тем, как бы остановить это безумно катящееся колесо и спасти его от неизбежного падения в пропасть. Ибо должна наступить минута, когда разум и страсть окончательно разойдутся и сделаются открытыми врагами, когда вспыхнет борьба между Наполеоном и умнейшими из его слуг.

Это тайное противодействие безграничной страсти Наполеона к войнам объединяет наконец двух его советников, наиболее ожесточенно враждовавших между собой: Фуше и Талейрана. Эти два самых способных министра Наполеона – психологически самые интересные люди его эпохи – не любят друг друга, вероятно, оттого, что они во многом слишком похожи друг на друга. Это трезвые, реалистические умы, циничные, ни с чем не считающиеся ученики Макиавелли. Оба выученики церкви, и оба прошли сквозь пламя революции – этой высшей школы, оба одинаково бессовестно хладнокровны в денежных вопросах и в вопросах чести, оба служили-одинаково неверно и с одинаковой неразборчивостью в средствах республике, Директории, консульству, империи и королю. Беспреданно встречаются на одной и той же сцене всемирной истории эти два актера в характерных ролях перебежчиков, одетые то революционерами, то сенаторами, то министрами, то слугами короля, и именно потому, что это люди одной и той же духовной породы, исполняющие одинаковые дипломатические роли, они ненавидят друг друга с холодностью знатоков и затаенной злобой соперников.

Они принадлежат к одному и тому же типу безнравственных людей, но если их сходство

¹¹¹ Дом Инвалидов – ансамбль, сооруженный по приказу Людовика XIV для инвалидов и ветеранов войн. В центре его – Собор Инвалидов, построенный в 1693–1706 гг. Ж.Ардюэн-Мансаром (сюда в 1840 г. был перенесен прах Наполеона со Святой Елены).

¹¹² Франция – это я (фр.)

проистекает из их характеров, то их различие обуславливается их происхождением. В то время как Талейран, герцог Перигорский, архиепископ Отенский, природный, кровный аристократ и князь, уже носит в качестве духовного владыки целой французской, провинции фиолетовую мантию, маленький, невзрачный купеческий сын Жозеф Фуше – еще только презренный, ничтожный священник, за несколько су в месяц вдалбливающий в голову дюжины монастырских учеников математику и латынь. Талейран уже был уполномоченным Французской республики в Лондоне и знаменитым оратором Генеральных штатов, Фуше еще только старался раздобыть себе в клубах с помощью лесты депутатский мандат. Талейран приходит к революции сверху, как господин из своей кареты, спускаясь на несколько ступенек к третьему сословию, приветствуемый выражениями почтительного восторга, в то время как Фуше с трудом, при помощи всяческих интриг карабкается в ряды этого сословия снизу. К силу этого различия в происхождении общие им обоим главные качества приобретают различную окраску. Талейран, человек с тонкими манерами, исполняет службу с холодной и равнодушной снисходительностью большого барина, Фуше – с ревностным старанием хитрого и честолюбивого чиновника. И в том, в чем оба друг с другом сходны, они в то же время и различны, и если оба любят деньги, то Талейран любит их как аристократ – он любит швырять деньгами за игорным столом и сорить золотом при женщинах, меж тем как Фуше, купеческий сын, любит превращать деньги в капитал, получать барыши и бережливо накапливать. Для Талейрана власть – только средство к наслаждению, она-представляет ему лучшую и пристойнейшую возможность пользоваться земными наслаждениями – роскошью, женщинами, искусством, тонким столом, – между тем как Фуше, уже владея миллионами, остается спартанцем и скрягой. Оба не в состоянии окончательно избавиться от следов своего социального происхождения: никогда, даже в дни самого разнузданного террора, Талейран, герцог Перигорский, не может стать истинным сыном народа и республиканцем; никогда Жозеф Фуше, новоиспеченный герцог Отрантский, несмотря на сверкающий золотом мундир, не может стать настоящим аристократом.

Более ослепительным, более очаровательным, может быть, и более значительным из них является Талейран. Воспитанный на изысканной древней культуре, гибкий ум, пропитанный духом восемнадцатого века, он любит дипломатическую игру как одну из многих увлекательных игр бытия, но ненавидит работу. Ему лень собственноручно писать письма: как истый сластолюбец и утонченный сибарит, он поручает всю черновую работу другому, чтобы потом небрежно собрать все плоды своей узкой, в перстнях рукой. Ему достаточно его интуиции, которая молниеносно проникает в сущность самой запутанной ситуации. Прирожденный и вышколенный психолог, он по словам Наполеона, легко проникает в мысли другого и проясняет каждому человеку то, к чему тот внутренне стремится. Смелые отклонения, быстрое понимание, ловкие повороты в моменты опасности – вот его призвание; презрительно отворачивается он от деталей, от кропотливой, пахнущей потом работы. Из этого пристрастия к минимуму, к самой концентрированной форме игры ума вытекает его способность к сочинению ослепительных каламбуров и афоризмов. Он никогда не пишет длинных донесений, одним-единственным, остро отточенным словом характеризует он ситуацию или человека. У Фуше, наоборот, совершенно отсутствует эта способность быстро все постигать; как пчела, прилежно, ревностно собирает он в бесчисленные мелкие ячейки сотни тысяч наблюдений, затем складывает, комбинирует их и приходит к надежным, неопровержимым выводам. Его метод – это анализ, метод Талейрана – ясновидение; его сила – трудолюбие, сила Талейрана – быстрота ума. Ни одному художнику не придумать более разительных противоположностей, чем это сделала история, поставив эти две фигуры – ленивого и гениального импровизатора Талейрана и тысячеглазого, бдительного калькулятора Фуше – рядом с Наполеоном, совершенный гений которого соединил в себе дарования обоих: широкий кругозор и кропотливый анализ, страсть и трудолюбие, знание и проницательность.

Но нигде не бывает ненависти более жестокой, чем между различными видами одной и той же породы, поэтому и взаимное отвращение Талейрана и Фуше проистекает из глубокого, инстинктивного понимания ими друг друга. С первого же дня большому барину противен этот прилежный, мелочный работяга, кропатель доносов, собиратель сплетен и холодный соглядатай

Фуше, а того в свою очередь раздражает легкомыслие, мотовство, презрительно аристократическая и женственно-ленивая небрежность Талейрана. Их отзывы друг о друге полны яда. Талейран говорит с улыбкой: «Фуше потому так сильно презирает людей, что слишком хорошо знает самого себя». Фуше, со своей стороны, шутит, когда Талейрана назначают вице-канцлером: Il ne lui manquait que se vice-la¹¹³. Они очень охотно, где только возможно, причиняют друг другу неприятности, а если представляется возможность навредить, каждый хватается за малейший к тому повод. То, что эти двое, один проворный, другой работающий, так хорошо дополняют друг друга, делает их подходящими министрами для Наполеона, а их бешеная взаимная ненависть для него также очень удобна, потому что они лучше, чем сотня бдительных шпионов, следят друг за другом. Фуше ревностно доносит Наполеону о каждом проявлении подкупности, распушенности и небрежности Талейрана, который в свою очередь спешит донести о всех проделках и интригах Фуше. Эта странная пара одновременно обслуживает и охраняет Наполеона и следит за ним. Превосходный психолог, Наполеон отлично использует соперничество своих министров, поощряя и в то же время сдерживая их.

Весь Париж долгие годы забавляется упорной враждой двух соперников – Фуше и Талейрана. Парижане следят за бесконечными вариантами этой комедии у ступеней трона, словно за сценами из пьесы Мольера, и наслаждаются тем, как эти два прислужника насмеются друг над другом, преследуя один другого колкими словечками, между тем как их господин с олимпийским величием прислушивается к этим выгодным ему спорам. Но в то время как все ожидают от них веселой игры в кошку и собаку, оба изощренных артиста внезапно меняют свои роли и начинают совместно серьезную игру. Впервые общее для них обоих раздражение против господина берет верх над их соперничеством. Наступает 1808 год, и Наполеон опять начинает войну, самую бесполезную и бессмысленную из всех своих войн, – поход против Испании. В 1805 году он победил Австрию и Россию, в 1807 году разгромил Пруссию; он подчинил себе немецкие и итальянские государства, но для вражды с Испанией нет ни малейшего повода. Однако его недалекий брат Жозеф (через несколько лет Наполеон сам признает, что «принес себя в жертву дуракам») тоже желает получить корону, и ввиду того что свободной не имеется, решают, в нарушение международного права, просто отнять ее у испанской династии. Снова бьют барабаны, маршируют батальоны, снова плывут из касс с трудом собранные деньги, и снова опьяняется Наполеон опасной страстью к победам. Эта необузданная военная ярость мало-помалу представляется слишком безумной даже самым толстокожим; и Фуше и Талейран не одобряют эту ни с того ни с сего затеянную войну, от которой Франция будет еще семь лет истекать кровью, а так как император не слушает ни того, ни другого, то оба незаметно сближаются. Они знают, что император комкает и с раздражением швыряет в угол их письма, их донесения; уже давно не могут противостоять они генералам, маршалам, военщине и в особенности корсиканской родне, каждый член которой желал бы скрыть свое жалкое прошлое под мантией из горноста. Они пытаются выразить свой протест публично, но, не имея возможности говорить открыто, затевают политическую пантомиму, настоящий театральный трюк: демонстративно делают союзниками.

Кто был постановщиком этой превосходной театральной инсценировки, Талейран или Фуше, неизвестно. Дело происходило таким образом: пока Наполеон воюет в Испании, в Париже идут непрерывные празднества и царит веселье, – к ежегодным войнам так привыкли, как к снегу зимой или к грозам летом. На улице Сен-Флорентен, в доме канцлера, в один декабрьский вечер 1808 года (в то время когда Наполеон в какой-нибудь грязной квартире, в Вальядолиде, пишет приказы по армии) горят сотни свечей и гремит музыка. Здесь собралось блестящее общество, красивые женщины, которых так любит Талейран, высшие государственные чины и иностранные послы. Все весело болтают, танцуют и забавляются.

¹¹³ ему доставало только этого порока (*фр.*) ; игра слов; vice – вице и порок.

Внезапно во всех углах раздаётся легкий ропот и перешептывание, танец прерывается, изумленные гости собираются кучками: вошел человек, которого здесь никак не ожидали, – Фуше, тощий Кассио, как всем известно, жестоко презираемый и ненавистный Талейрану, чья нога еще никогда не ступала в этом доме. Но, о чудо! – министр иностранных дел с изысканной вежливостью идет, прихрамывая, навстречу министру полиции, приветствует его, как дорогого гостя и друга, дружески берет его под руку. На виду у всех, совершенно открыто обласкав Фуше, Талейран ведет его через весь зал в соседнюю комнату; там они усаживаются в кресла и тихо беседуют, вызывая безграничное любопытство у всех присутствующих на балу. На следующее утро уже всему Парижу известна эта великая сенсация. Повсюду только и говорят об этом внезапном и столь подчеркнуто афишированном примирении, и каждый понимает его смысл. Когда между кошкой и собакой вспыхивает такая внезапная дружба, значит, она направлена против повара; дружба между Фуше и Талейраном означает, что министры открыто не одобряют политику своего господина, Наполеона. Тотчас же лихорадочно забегали все шпионы: нужно узнать, что означает этот заговор. Во всех посольствах скрипят перья, составляются срочные донесения; Меттерних сообщает спешной почтой в Вену: «Этот союз соответствует желаниям крайне утомленной нации», но и братья и сестры императора тоже бьют тревогу и посылают к императору курьера с этой невероятной новостью.

Вихрем мчится нарочный со своей вестью в Испанию, но еще быстрее, насколько возможно быстро бросается в Париж Наполеон, словно подгоняемый ударами бича. Получив письмо, император удаляется в свою комнату, не пригласив никого из приближенных. Кусая в кровь губы, он немедленно отдает распоряжение о возвращении: сближение Талейрана и Фуше действует на него сильнее, чем проигрыш в сражении. Обратная поездка совершается с безумной быстротой: 17-го он выезжает из Вальядолида, 18-го он в Бургосе, 19-го в Байоне; нигде ни одной остановки, везде поспешно меняют загнанных лошадей. 22-го врывается он как вихрь в Тюильри, а 23-го отвечает на остроумную комедию Талейрана драматической сценой. Вся расшита золотом толпа придворных, все министры и генералы старательно расставлены в качестве статистов: следует наглядно показать, что император сокрушительно подавляет малейшее сопротивление его воле. Еще накануне он вызвал Фуше и с глазу на глаз задал ему головомойку, которую тот, привыкший к подобным душам, спокойно выдержал, приводя искусные и льстивые оправдания и вовремя расшаркиваясь. Этому раболепному человеку, думает император, достаточно дать мимоходом пинка, но Талейран, именно потому, что он считается более сильным и могущественным, должен быть наказан публично. Эту сцену часто описывали, и действительно, это одна из наиболее драматических сцен в истории. Сперва император в общих чертах неодобрительно высказывается о коварстве некоторых лиц, проявившемся во время его отсутствия, но затем, раздраженный равнодушием Талейрана, обращается прямо к нему, в небрежной позе стоящему неподвижно у мраморного камина, опершись рукой о косяк. И вот, вместо того чтобы преподать в присутствии целого двора задуманный заранее комический урок, император внезапно приходит в настоящее бешенство, кричит на старшего годами, более опытного человека, осыпая его самыми грубыми ругательствами; Наполеон называет его вором, клятвопреступником, изменником, продажным человеком, способным за деньги продать собственного отца, обвиняет его в убийстве герцога Энгиенского и в том, что он затеял испанскую войну. Ни одна прачка не могла бы более беззастенчиво срамить на весь двор свою соседку, чем срамит Наполеон герцога Перигорского, ветерана революции, первого дипломата Франции.

Слушатели окаменели. Всем не по себе. Каждый чувствует, что император ведет себя недостойно. Только Талейран, равнодушный и нечувствительный к оскорблениям (рассказывают, будто он однажды заснул во время чтения направленного против него памфлета), продолжает стоять с высокомерным видом, не меняясь в лице, не считая подобную брань оскорблением. По окончании бури он, прихрамывая, молча проходит по гладкому паркету в переднюю и там бросает одно из своих ядовитых словечек, которые поражают сильнее, чем грубые удары кулаком. «Как жаль, что такой великий человек так дурно

воспитан», – говорит он спокойно, в то время как лакей набрасывает на него плащ.

В тот же вечер Талейран лишается звания камергера. Все недоброжелатели с любопытством просматривают в последующие дни «Moniteur», чтобы найти среди правительственных сообщений известие об отставке Фуше, но они ошибаются: Фуше остается. Как всегда, он спрятался при наступлении за спину более сильного, который служит ему громоотводом. Вспоминают, что Колло, его соучастник по лионским расстрелам, отправлен в ссылку на малярийный остров, а Фуше остался; Бабеф, его сообщник по борьбе против Директории, расстрелян, а Фуше остался; его покровитель Баррас вынужден был покинуть страну, а Фуше остался. И на этот раз падает только впереди стоящий, Талейран, а Фуше остается. Правительства, государственный строй, мнения, люди – все меняется, все рушится, все исчезает в бешеном водовороте смены столетий, только один остается на своем месте при всех режимах и сменах политических настроений – Жозеф Фуше.

Фуше остается у власти, и даже более того, именно то, что самый умный, ловкий и независимый советник Наполеона получил шелковый шнурок и был замечен просто поддакивающим чиновником, именно это усиливает влияние Фуше. Но, что еще важнее, кроме соперника – Талейрана, – удаляется на некоторое время и сам опостылевший властелин. Наступает 1809 год, и Наполеон опять начинает, как ежегодно, новую войну, на этот раз против Австрии.

Лучше всего чувствует себя Фуше именно в те периоды, когда Наполеон уезжает из Парижа и удаляется от дел. И чем дальше, тем лучше для Фуше, чем на более длительный срок, тем приятнее, – в Австрию, Испанию, Польшу; всего лучше было бы, если бы он опять отправился в Египет. Излучаемый им слишком сильный свет бросает тень на всех окружающих; его творчески-деятельная личность возвышается над всеми и парализует своим властным превосходством волю каждого. Когда же он находится за сотни миль, командует битвами, составляет планы походов, Фуше может время от времени сам разыгрывать роль вершителя судеб, а не быть только марионеткой в этой жестокой, энергичной руке.

Наконец-то, наконец-то Фуше впервые представляется такая возможность. 1809 год – роковой год для Наполеона; никогда еще, невзирая на очевидные внешние успехи, его военное положение не было столь угрожающе непрочным. В сокрушенной Пруссии, в недостаточно укрощенной Германии одиночные французские гарнизоны оказываются почти беззащитными, это десятки тысяч французов, которые стерегут сотни тысяч немцев, ждущих только сигнала, чтобы взяться за оружие. В случае новой победы австрийцев, подобной победе при Асперне¹¹⁴, от Эльбы до Роны вспыхнет возмущение, восстанет целый народ. И в Италии дела обстоят не лучше; грубое оскорбление папы задело всю Италию так же, как унижение Пруссии – всю Германию, к тому же сама Франция утомлена. Еще один удар по императорской армии, растянувшейся по всей Европе, от Эбро до Вислы, и – кто знает? – может быть, он сокрушит основательно потрясенный железный колосс. Англичане, заклятые враги Наполеона, уже обдумывают этот удар. Пока войска императора разделены – часть находится у Асперна, часть около Рима и часть близ Лиссабона, – англичане намерены вторгнуться прямо в сердце Франции и, овладев прежде всего гаванью Дюнкерк, завоевать Антверпен, подняв восстание в Бельгии. Они рассчитывают на то, что Наполеон со своими боеспособными, закаленными армиями, маршалами и пушками далеко и перед ними лежит беззащитная страна.

Но Фуше на месте; тот самый Фуше, который в 1793 году при Конвенте научился, как можно рекрутировать в течение двух недель десять тысяч солдат. С тех пор его энергия не ослабла, она только, вынуждена действовать во мраке, истощаясь в мелких происках и кознях. Страстно берется Фуше за дело, чтобы показать нации и целому миру, что он не только

¹¹⁴ *Асперн* – селение к востоку от Вены. Во время австро-французской войны 1809 г. здесь 21–22 мая австрийцы разбили французов, и лишь нерешительность австрийского командования и запоздалый подход резервов спасли французскую армию.

марионетка в руках Наполеона и, в случае необходимости, может действовать так же решительно и целеустремленно, как сам император. Наконец-то представился чудесный – прямо как с неба свалившийся случай – доказать раз и навсегда, что не вся моральная и военная мощь сосредоточена в руках одного человека. С вызывающей смелостью подчеркивает он в своих прокламациях, что Наполеон не так уж необходим. «Докажем Европе, что, хотя гений Наполеона придает Франции блеск, нет никакой необходимости в его присутствии, чтобы отогнать врага», – пишет он бургомистрам и подтверждает эти смелые, властные слова делом. Как только 31 августа получено известие о высадке англичан на острове Валхерен, он требует в качестве министра полиции и министра внутренних дел (пост которого он временно занимает) созыва национальных гвардейцев, которые со времен революции мирно проживают в своих деревнях, став портными, слесарями, сапожниками и хлебопашцами. Остальные министры в ужасе. Как, без разрешения императора начать на свою ответственность такое далеко идущее мероприятие? Особенно противится этому всеми силами военный министр, возмущенный тем, что не имеющий на то никаких прав штатский вторгается в его священную область; он утверждает, что сначала нужно испросить в Шенбрунне разрешение на мобилизацию; прежде чем сеять в стране тревогу, нужно дождаться приказаний императора. Но, чтобы получить ответ императора, потребуется четырнадцать дней почтовой езды туда и обратно – и Фуше не опасается посеять в стране беспокойство. Разве Наполеон не делает того же? В глубине души Фуше как раз и хочет вызвать беспокойство и возмущение, поэтому он решительно берет все на свою ответственность. С барабанным боем, именем императора, все жители провинции, которым угрожает нашествие, призываются к немедленной защите, – именем императора, который ничего не знает об этих распоряжениях. И еще одна дерзость: Фуше назначает главнокомандующим этой импровизированной северной армией Бернадота, человека, которого Наполеон, хотя тот и приходится шурином его брату, ненавидит сильнее всех генералов и в свое время наказал и отправил в ссылку. Фуше возвращает Бернадота из ссылки назло императору, министрам и всем его врагам. Ему безразлично, будут ли его меры одобрены императором. Важно лишь, чтобы успех оправдал его перед всеми.

Подобная отвага в решительные минуты придает Фуше действительно подлинное величие. Этот нервный, трудолюбивый человек рвется к большим делам, а ему всегда приходится заниматься пустяками, с которыми он справляется шутя. Вполне естественно, что избыток силы ищет выхода, проявляясь в злобных и по большей части бессмысленных интригах. Но когда этот человек сталкивается с действительно всемирно-исторической задачей, соответствующей его силе, как было в Лионе, а затем, после падения Наполеона в Париже, – он с ней мастерски справляется. Спустя несколько дней город Флиссинген¹¹⁵, который сам Наполеон называет в своих письмах неприступным, попадает, как и предсказывал Фуше, в руки англичан. Но самовольно сформированная Фуше армия успевает за это время укрепить Антверпен, и таким образом, вторжение англичан заканчивается полнейшим и очень дорого им стоившим поражением. Впервые, с тех пор как у кормила правления стоит Наполеон, осмелился один из его министров самостоятельно поднять знамя войны, распустить паруса и взять собственный курс, и именно эта самостоятельность спасла Францию в роковую минуту. С этого дня Фуше повышается в ранге и вырастает в собственных глазах.

Между тем в Шенбрунн прибыли письма канцлера и военного министра с обвинениями против Фуше, жалоба следует за жалобой по поводу дерзостей, которые позволяет себе этот штатский министр. Он созвал Национальную гвардию, ввел в стране военное положение! Все надеются, что Наполеон накажет Фуше за превышение власти и сместит его. Однако, к всеобщему удивлению, император еще до того, как стало известно о блестящем успехе распоряжений Фуше, вопреки мнению всех одобрил его стремительную и решительную энергию. Канцлер получает выговор: «Я очень огорчен тем, что при таких исключительных

¹¹⁵ Флиссинген – портовый город на юге Нидерландов.

обстоятельствах вы так мало использовали свои полномочия; при первом тревожном известии вы должны были призвать двадцать, сорок, пятьдесят тысяч национальных гвардейцев», а военному министру он пишет буквально следующее: «Я вижу, что только господин Фуше сделал все, что было в его силах, и понял опасность позорной бездеятельности». Таким образом, Фуше не только посрамил своих бездарных, осторожных и робких коллег, но и был поддержан самим императором. Вопреки проискам Талейрана и канцлера Фуше занимает теперь во Франции первое место. Он один, сумел показать, что способен не только повиноваться, но и повелевать.

И снова можно убедиться, что в минуту опасности Фуше умеет действовать. Поставьте его перед труднейшей задачей – он сумеет с ней справиться благодаря смелой находчивости и энергии. Дайте ему самый запутанный узел – он его распутает. Но как ни великолепно умеет он взяться за дело, ему недоступно другое родственное искусство, наивысшее политическое искусство: умение своевременно отступить. Если он куда-нибудь запустит руку, он уже не в силах ее вытащить. И едва Фуше удастся распутать какой-нибудь узел, как некая дьявольская страсть к игре побуждает его снова нарочно все запутать. Так случилось и на этот раз. Благодаря его быстроте, умению поспешно собрать силы и отразить удар коварное фланговое нападение отбито. Понеся страшные потери людьми и припасами и потерпев еще больший урон для своего престижа, англичане вновь погрузили свое войско на суда и отправились восвояси. Теперь бы можно спокойно возвестить отбой и с благодарностью отпустить по домам национальных гвардейцев, наградив кой-кого орденом Почетного легиона. Но честолюбие уже возбуждено. Так прекрасно было разыгрывать из себя императора, поставить на ноги три провинции, отдавать приказы, составлять воззвания, произносить речи, пугать своих трусоватых коллег. И все это должно сейчас кончиться? Именно теперь, когда в упоении своей деятельной силой он чувствует, как она ежедневно, ежечасно растет? Нет, Фуше на это не пойдет. Лучше продолжать игру в нападение и защиту, даже если бы для этого понадобилось выдумать врага. Только бы продолжать бить в барабаны, будоражить население, сеять тревогу, рождать бурное движение. И вот он отдает приказ о новой мобилизации ввиду якобы предполагаемой высадки англичан в Марселе. Национальная гвардия созывается, ко всеобщему изумлению, во всем Пьемонте, Провансе и даже Париже, хотя нигде – ни внутри страны, ни на побережье – не видно ни одного врага, и происходит это единственно потому, что Фуше охвачен давно не испытанной страстью к организации и мобилизации, оттого что так долго сдерживаемый, так долго подавляемый в нем человек действия может наконец благодаря отсутствию императора развернуться до конца.

Но против кого же направлены все эти армии? – спрашивает себя, все более удивляясь, вся страна. Англичане не показываются. Постепенно недоверие охватывает даже самых доброжелательных из коллег Фуше: чего, собственно, добивается своими неистовыми мобилизациями этот непроницаемый человек? Они не понимают того, что это лишь бурно проявляется тайный азарт, скупающий Фуше, опьяненного собственной деятельностью. А так как они не видят вокруг ни единого вражеского штыка, не видят неприятеля, против которого с каждым днем все более усиливается огромное ополчение, то у них невольно рождается подозрение, что Фуше лелеет далеко идущие планы. Одни полагают, что он готовит восстание, другие – что он желает восстановить старую республику и выжидает случая, когда император потерпит еще раз такое же поражение, как при Асперне, или когда новый Фридрих Штапс¹¹⁶ совершит более удачное покушение. И вот в главную квартиру в Шенбрунне летит донесение за донесением – Фуше либо сошел с ума, либо замышляет заговор. На этот раз Наполеон при всем своем доброжелательстве озадачен. Он видит, что Фуше зарвался, что его нужно осадить. Тон писем императора меняется; он обрушивается на Фуше, называет его «Дон-Кихотом, который сражается с ветряными мельницами», и пишет своим прежним суровым тоном: «Во всех получаемым мною известиях говорится о Национальной гвардии, созываемой в Пьемонте,

¹¹⁶ *Фридрих Штапс* – немецкий студент, намеревавшийся в Вене заколоть Наполеона во время смотра войск. Расстрелян 17 октября 1809 г.

Лангедоке, Провансе, Дофине. На кой черт это делать без особой надобности и без моего приказа!» Итак, Фуше, затаив раздражение, должен перестать разыгрывать из себя господина, уйти из министерства внутренних дел и снова стать лишь министром полиции своего увенчанного славой, увы, слишком рано возвращающегося повелителя.

Был ты веник грязный,
Им ты снова стань!

Во всяком случае, Фуше, хотя он и пересолил, был единственным, кто в весьма критический момент, среди всеобщего смятения, действовал своевременно и разумно ради спасения отечества. И Наполеон не может отказать ему в почести, которую он оказал уже столь многим. Теперь, когда на французской почве, обильно удобренной кровью, выросло новое дворянство, когда получили титулы все генералы, министры и приближенные, настала очередь и для Фуше, старого врага аристократии, вступить в ее ряды.

Графский, титул был ему приклеен втихомолку еще раньше. Но старый якобинец подымается еще выше по этой воздушной лестнице титулов: 15 августа 1809 года во дворце его апостольского величества императора австрийского, в парадном зале Шенбрунна, бывший маленький лейтенант с Корсики ставит свою подпись и печать на пергаменте, согласно чему бывший коммунист и беглый монастырский учитель Жозеф Фуше именуется отныне – внимание! – герцогом Отрантским. Он, правда, не сражался у Отранто и вообще никогда не видел этого южноитальянского города, но такое звучное чужестранное дворянское имя чрезвычайно подходит, чтобы замаскировать бывшего архиреволюционера, и, если произнести титул должным образом, можно забыть, что за этим герцогом скрывается палач Лиона, старый Фуше времен «хлеба, одинакового для всех» и конфискации имущества. Для того чтобы он почувствовал себя вполне рыцарем, ему жалуются еще знак его герцогского достоинства: новехонький, блестящий герб.

Одно только странно: сам ли Наполеон намеренно предложил это как едкий намек на особенности характера Фуше, или то было психологической шуткой чиновника-геральдиста? Во всяком случае в центре герба герцога Отрантского изображена золотая колонна – весьма подходящий символ для этого страстного любителя золота. Вокруг колонны обвивается змея, по всей вероятности, также легкое указание на дипломатическую изворотливость нового герцога. Видимо, на службе у Наполеона состояли умные геральдисты, ибо трудно придумать для Жозефа Фуше более подходящий герб.

6. Борьба против императора (1810)

Великий пример всегда либо развращает, либо возвышает целое поколение?. Когда является человек, подобный Наполеону Бонапарту, людям, приближенным к нему, предоставляется выбор: либо стусеваться, принизиться, дать себя затмить его величину, либо, следуя его примеру, напрячь свои силы до крайних пределов. Люди, близкие Наполеону, неминуемо должны стать его рабами или его соперниками: столь выдающаяся личность не терпит половинчатости.

Фуше был одним из тех, кого Наполеон вывел из равновесия. Он отравил ему душу опасным примером ненасытности, демонической воли к постоянному возвышению. Фуше тоже, подобно своему господину, постоянно стремится расширить границы своей власти, он тоже не способен к мирному существованию, к уютному довольству. Великое разочарование приносят ему дни, когда Наполеон возвращается триумфатором из Шенбрунна и берет в свои руки бразды правления! Чудесными были те месяцы, когда он мог распоряжаться по собственному усмотрению – набирать армию, выпускать прокламации и, не считаясь с нерешительными коллегами, принимать смелые решения, властвовать над целой страной, играть за большим столом мировой судьбы! А теперь Жозеф Фуше должен снова вернуться к исполнению обязанностей министра полиции, должен следить за недовольными, за газетными болтунами, составлять из шпионских донесений ежедневные скучные бюллетени, интересоваться

пустяками – выяснять, например, с какой женщиной вступил в связь Талейран и кто виновник вчерашнего падения курса ренты на бирже. Нет, после того как он прикоснулся к мировым, событиям, подержал в руках руль большой политики, все это представляется его мятежному, жаждущему волнений уму мелочью, презренным бумагомаранием. Кто вел большую игру, тот не сможет удовлетвориться такими пустяками. Надо показать, что и в соседстве с Наполеоном можно совершать подвиги, – вот мысль, которая всегда лишает его покоя.

Но чего, казалось бы, можно достигнуть рядом с тем, кто достиг всего, кто победил Россию, Германию, Австрию, Испанию и Италию, кому император из старейшей династии Европы дает в супруги эрцгерцогиню, кто низвергнул папу и непоколебленную тысячелетиями власть Рима, кто, опираясь на Париж, создал европейскую мировую империю? Нервно, лихорадочно, ревниво озирается честолюбие Фуше в поисках достойной задачи, и действительно: в здании мирового господства недостает еще одного, самого верхнего зубца – мира с Англией. И этот последний европейский подвиг хочет совершить Жозеф Фуше один, без Наполеона и вопреки Наполеону.

Англия в 1809 году, как и в 1795, – самый лютей враг, опаснейший противник Франции. Перед воротами Акки¹¹⁷, перед укреплениями Лиссабона, во всех концах мира наталкивалась воля Наполеона на спокойную, обдуманную, методическую силу англосаксов, и пока Наполеон завоевывал всю европейскую сушу, англичане захватили другую половину мира – моря. Они не могут поймать друг друга; двадцать лет стараются они, возобновляя время от времени свои усилия, уничтожить друг друга. Обе стороны потеряли в этой бессмысленной борьбе много сил и, не признаваясь в этом, немного устали. Во Франции, Антверпене и Гамбурге прекратили платежи банки с тех пор, как англичане начали душить их торговлю; и на Темзе в свою очередь скапливаются корабли с непроданным товаром, – все больше обесцениваются английские и французские ценности, и в обеих странах коммерсанты, банкиры и умные дельцы побуждают свои правительства прийти к соглашению и робко пытаются завязать предварительные переговоры. Но Наполеону кажется более важным, чтобы его глупый брат Жозеф сохранил корону Испании, а сестра Каролина – Неаполь; он прерывает с трудом начатые мирные переговоры с Голландией, его железный кулак понуждает союзников закрыть вход в свои гавани английским кораблям и бросать английские товары в море; вот уже отосланы в Россию грозные письма с требованием подчиниться континентальной блокаде. Снова страстность берет верх над разумом, и война грозит затянуться, если в последний час у партии мира не хватит мужества выступить быстро и решительно.

В этих преждевременно прерванных переговорах с Англией принимал участие и Фуше. Он нашел для императора и голландского короля посредника – французского финансиста, который, в свою очередь, нашел голландского, а тот уже английского посредника; так по испытанному золотому мосту переходили от правительства к правительству – как во время каждой войны и во все эпохи – тайные попытки соглашения. Но тут император резко приказал прекратить переговоры. Фуше недоволен. Почему не продолжать вести переговоры? Тянуть, торговаться, обещать, обманывать – его главная страсть. И Фуше составляет дерзкий план. Он решает на свой страх и риск продолжать переговоры, впрочем, делая вид, что исполняет поручение императора, оставляя как своих агентов, так и английское министерство в полной уверенности, что через их посредство о мире хлопочет император, тогда как в действительности пружину приводит в действие один лишь герцог Отрантский. Это – отчаянная затея, дерзкое злоупотребление именем императора и собственным положением, беспримерная в истории наглость. Но подобные тайны, такая двусмысленная и запутанная игра, ведя которую он разыгрывает не одного, а одновременно троих или четверых, – исконная страсть прирожденного, неисправимого интригана Фуше. Подобно школьнику, высовывающему язык за спиной учителя, он проказничает за спиной императора, так же, как отчаянный мальчишка, рискуя получить нагоняй или быть наказанным ради одного только удовольствия,

¹¹⁷ Акка – город в Северной Палестине, который с 20 марта по 20 мая 1799 г. безуспешно осаждала наполеоновская армия.

доставляемого дерзостью и обманом. Сотни раз прежде забавлялся он подобными политическими адюльтерами, но никогда еще не позволял себе столь дерзкого, своевольного и опасного поступка, как переговоры, которые он ведет с английским министерством иностранных дел о мире между Францией и Англией, против воли императора, но под прикрытием его имени.

Затея гениально подготовлена. Для ее осуществления он привлек одного из своих темных дельцов, банкира Уврара, уже несколько раз едва не попадавшего в тюрьму. Наполеон презирает эту темную личность за скверную репутацию, но это мало трогает Фуше, сотрудничающего с Увраром на бирже. В этом человеке Фуше уверен, ибо неоднократно вытаскивал его из беды и крепко держит в своих руках. Он посылает Уврара к влиятельному голландскому банкиру де Лабушер, который обращается к своему тестю, банкиру Берингу, в Лондоне, а этот последний сводит Уврара с английским кабинетом. И вот начинается шальная карусель: Уврар, разумеется, полагает, что Фуше действует по поручению императора, и официально передает свои предложения голландскому правительству. Это представляется англичанам достаточным основанием, чтобы серьезно отнестись, к переговорам. Англия, полагая, что ведет переговоры с Наполеоном, переговаривается с Фуше, который, разумеется, тщательно скрывает от императора ход совещаний. Он хочет дать созреть делу, сгладить трудности, чтобы внезапно, как *Deus ex machina*¹¹⁸, предстать перед императором и французским народом и гордо сказать: «Вот мир с Англией! То, к чему вы стремились, что не удалось ни одному из ваших дипломатов, сделал я, герцог Отрантский».

Какая досада! Маленькая, глупая случайность прерывает эту великолепную, волнующую партию в шахматы. Наполеон отправляется со своей молодой женой Марией-Луизой¹¹⁹ в Голландию навестить своего брата, короля Людовика. Шумный прием заставил его забыть о политике. Но однажды в случайном разговоре Людовик, который, как и все, не сомневается, что тайные переговоры ведутся с согласия императора, спрашивается, успешно ли они проходят. Наполеон настораживается. Он тут же вспоминает, что встретил в Антверпене этого ненавистного Уврара. Что тут происходит? Что значит это общение между Англией и Голландией? Но Наполеон не выдает своего удивления: мимоходом просит он брата показать ему при случае переписку голландского банкира. Тот сейчас же исполняет просьбу императора, и на обратном пути из Голландии в Париж Наполеон находит время ее прочесть. И действительно, это переговоры, о которых он не имеет ни малейшего представления. Придя в ярость, он быстро разгадывает браконьерскую проделку герцога Отрантского, который снова охотится на чужой земле. Но, переняв хитрые приемы этого хитреца, он прячет свое подозрение за сдержанной вежливостью, чтобы не возбудить подозрения у ловкого противника и не дать ему улизнуть. Только командиру своей жандармерии Савари, герцогу Ровиго, сообщает он обо всем и приказывает быстро и незаметно арестовать банкира Уврара и завладеть его бумагами.

И только 2 июня, через три часа после отдачи приказания, вызывает Наполеон своих министров в Сен-Клу; грубо и без обиняков спрашивает он герцога Отрантского, известно ли ему что-нибудь о поездке Уврара и не сам ли он послал его в Амстердам. Фуше удивлен, но еще не подозревает, в какую западню он попал; он действует, как всегда, когда его в чем-нибудь уличают; так же как в дни революции в деле с Шометтом и в эпоху Директории с Бабефом, он старается вывернуться, попросту отрекаясь от своего сообщника. Ах, Уврар, поясняет он, этот навязчивый человек, готовый повсюду совать свой нос, да к тому же все это дело совсем не серьезно, так просто – забава, ребячество. Но у Наполеона крепкая хватка, и отделаться от него не так-то просто. «Нет, это не пустые затеи, – бросает он в ответ. – Это неслыханное превышение власти – вести за спиной своего государя переговоры с врагами на условиях, которые ему неизвестны, и на которые он вряд ли когда-либо согласится. Это нарушение долга, которого не может потерпеть даже самое снисходительное правительство. Необходимо

¹¹⁸ Бог, появляющийся из машины (*лат.*)

¹¹⁹ Мария-Луиза (1791–1847) – дочь австрийского императора Франца, вторая жена Наполеона (с 1810 г.).

немедленно арестовать Уврара». Фуше становится не по себе. Этого только не хватало, арестовать Уврара! Он может все выболтать! Фуше всевозможными увертками старается заставить императора отказаться от этой чрезвычайной меры. Но император, зная, что его личная охрана уже позаботилась об аресте Уврара, с насмешкой выслушивает разоблаченного министра. Он теперь знает настоящего зачинщика этой дерзкой затеи, и отнятые у Уврара бумаги вскоре разоблачат всю игру, затеянную Фуше.

Теперь-то сверкнула молния из долго сгущавшихся туч недоверия. На следующий день, в воскресенье, Наполеон после обедни (он, несколько лет тому назад арестовавший папу, теперь, являясь зятем его апостолического величества, снова стал набожным) приглашает всех министров и сановников на утренний прием. Не хватает лишь одного: герцога Отрантского. Он не приглашен, хотя и занимает министерский пост. Император предлагает своим советникам занять места за столом и без промедления обращается к ним с вопросом: «Какого вы мнения о министре, который злоупотребляет своим положением и без ведома своего государя завязывает сношения с иностранной державой? О министре, который ведет переговоры на выдуманном им основании и, таким образом, ставит под удар политику страны? Какое наказание предусмотрено, нашим кодексом за подобное нарушение долга?» Поставив этот суровый вопрос, император оглядывает всех присутствующих, ожидая, без сомнения, от своих приближенных и ставленников немедленного выдвижения предложений об изгнании или о других столь же позорных мерах. Но, увы! министры, догадываясь, в кого направлена стрела, хранят неловкое молчание. В душе они солидарны с Фуше; который энергично стремится к заключению мира, и, как истинные слуги, рады дерзкой шутке, сыгранной с самодержцем. Талейран (уже не министр, но призванный для разбора этого дела как высший сановник) усмехается про себя; он вспоминает о собственном унижении, перенесенном два года тому назад, и ему доставляет удовольствие затруднительное положение, в котором очутились, с одной стороны, Наполеон, а с другой – Фуше; он не любит обоих. Наконец канцлер Камбасерес, нарушив молчание, высказывается в примирительном духе: «Это безусловная ошибка, заслуживающая строгой кары, и простительная лишь в том случае, если виновный совершил ее из чрезмерного усердия к своим служебным обязанностям». «Чрезмерное усердие к служебным обязанностям!» – гневно восклицает Наполеон. Этот ответ ему не нравится, он желает не оправдать, а дать серьезный урок – примерно наказать виновного за самоуправство. С горячностью излагает он все обстоятельства и требует от присутствующих предложить кандидатуру преемника Фуше.

И опять никто из министров не торопится вмешаться в это неприятное дело. Фуше внушает им не меньший страх, чем Наполеон. Наконец Талейран, как всегда в затруднительном положении, прибегает к своему излюбленному приему – к остроумной шутке. Обращаясь к соседу, он вполголоса произносит: «Господин Фуше, несомненно, сделал ошибку, но если бы мне пришлось назначать ему преемника, я, несомненно, назначил бы того же самого Фуше». Недовольный своими министрами, которых он сам превратил в автоматов и бессловесных мамлюков, Наполеон закрывает заседание и призывает к себе в кабинет канцлера. «Право, не стоит труда обращаться за советами к этим господам. Вы видите, какие полезные предложения способны они сделать. Но, надеюсь, вы не думаете, что я обратился к ним за советом прежде, чем не решил этого вопроса сам. Я уже сделал выбор – министром полиции будет герцог Ровиго». И, не дав последнему возможности высказаться, чувствует ли он влечение к столь неприятной миссии, император в тот же вечер встречает его резким приказанием: «Вы министр полиции. Давайте присягу и беритесь за дело!»

Отставка Фуше становится злобой дня, и сразу же вся общественность оказывается на его стороне. Ничто не могло привлечь к этому двуликому министру стольких симпатий, как его сопротивление неограниченному самодержавию человека, выдвинутого революцией, которое уже стало в тягость привыкшему к свободе поколению французов. И никто не хочет понять, почему стремление заключить наконец мир с Англией даже против воли воинственного императора является преступлением, заслуживающим кары. Все партии: роялисты,

республиканцы, якобинцы, так же как и иностранные послы, единодушно видят в падении последнего свободомыслящего министра Наполеона явное поражение идеи мира, и даже в собственной опочивальне Наполеона его вторая жена, Мария-Луиза, так же как некогда Жозефина, заступает за Жозефа Фуше. Единственный человек при французском дворе, на которого ее отец, австрийский-император, указал как на достойного доверия, теперь уволен, смущенно заявляет она. Что может ярче выразить настроение французов, чем то, что именно недовольство императора возвысило человека в глазах общества; и новый министр полиции Савари, характеризуя ошеломляющее впечатление, произведенное увольнением Фуше, заявляет: «Я полагаю, что весть о появлении чумы не могла бы вызвать большего испуга, чем мое назначение министром полиции». Действительно, за эти десять лет Жозеф Фуше окреп одновременно с императором.

Непонятно, каким образом, но эти отклики все же повлияли на Наполеона, потому что, выставив за дверь Фуше, он спешит загладить неприятное впечатление. Так же, как раньше, в 1802 году, пилюля золотится задним числом и маскируется новым назначением. Потеря министерского поста компенсируется герцогу Отрантскому почетным титулом государственного советника, и его назначают послом империи в Риме. Личное письмо Наполеона к Фуше, в котором сообщается об отставке, как нельзя лучше говорит о колебаниях, владевших императором, о страхе и гневе, упреках и благодарности, озлобленности и примиренности. «Господин герцог Отрантский, – пишет он, – я ценю услуги, которые вы мне оказали, верю в вашу преданность и усердие в служении моей особе. Однако я не имею возможности оставить вас на посту министра, – этим я уронил бы свое достоинство. Пост министра полиции требует полного, совершенного доверия, каковое не может иметь места с тех пор, как вы в весьма важном деле поставили на карту мое спокойствие и спокойствие государства, что в моих глазах не может быть оправдано даже самыми похвальными побуждениями. Ваше странное представление об обязанностях министра полиции не соотносится с благом государства. Не сомневаясь в вашей преданности и верности, я все же был бы вынужден прибегнуть к постоянному, утомительному надзору, что мне претит. Наблюдение за вами было бы необходимым вследствие многочисленных шагов, которые вы предпринимаете по собственному побуждению, не интересуясь, соответствуют ли они моей воле, моим намерениям... Я не могу надеяться, что вы измените ваш образ действий, так как уже в течение нескольких лет явные выражения моего недовольства не смогли ничего изменить. Опираясь на чистоту своих намерений, вы не желали понять, что добрые побуждения могут привести к немалым бедам. Моя вера в ваши способности и в вашу преданность непоколебима. Я надеюсь, что скоро вам представится случай применить первое и доказать, находясь у меня на службе, второе». Это письмо, словно потайной ключ, открывает самые сокровенные чувства Наполеона к Фуше, и стоит второй раз перечитать этот маленький шедевр, чтобы почувствовать, как в каждой фразе переплетаются приятие и неприятие, признательность и неприязнь, страх и скрытое уважение. Самодержец хочет иметь раба и озлоблен, что наталкивается на самостоятельного человека. Он стремится от него отделаться, но боится обратить его во врага. Ему жаль его терять, и вместе с тем он счастлив, что освобождается от такого опасного человека.

Но по мере того как росла самоуверенность Наполеона, до гигантских размеров вырастала и самоуверенность его министра, а всеобщая симпатия заставляла Жозефа Фуше проявлять еще большую непоколебимость. Нет, герцог Отрантский не позволит больше так просто себя отстранить. Пусть Наполеон полюбуется, какой вид примет министерство полиции, когда выставят за дверь Жозефа Фуше, и пусть почувствует его преемник, что, отважившись его заменить, он сел в осиное гнездо, а не в министерское кресло. Не для неуклюжего старого усача вроде Савари, совершенного новичка в дипломатии, трудился он целых десять лет над сооружением превосходно настроенного инструмента, не для того, чтобы глупый неуч мог продолжать его работу и выдавать за свои достижения то, что было продумано его предшественником за многие дни и ночи тяжкого труда. Нет, его увольнение не обойдется им

так дешево, как они себе это представляют. Оба они, и Наполеон и Савари, узнают, что Жозеф Фуше умеет не только гнуть спину, но и показывать когти.

Фуше решил не уходить с покорно склоненной головой. Он не желает худого мира, не желает спокойной капитуляции. Он, конечно, не настолько глуп, чтобы оказывать открытое сопротивление, – это не в его натуре. Он позволит себе только небольшую шуточку, остроумную, веселую шуточку, над которой посмеется Париж и которая покажет Савари, что в лесах герцога Отрантского расставлены превосходные капканы. Не надо забывать удивительной, сатанинской черты характера Жозефа Фуше: именно крайнее озлобление вызывает у него потребность в жестокой шутке, его мужество, вырастая, превращается не в отвагу, а в гротескно-уродливую надменность. Тех, кто оскорбляет его, он никогда не бьет кулаком, но всегда именно озлобленно-шутковским бичом, и при этом так, что оставляет противника с носом. И тогда, пенясь и шипя, в эти мгновения мнимого веселья, вырываются наружу все тайные побуждения, скрытые в этом замкнутом человеке, обнажая глубоко затаенную жгучую страстность и демонизм его природы.

Итак, нужно сыграть злую шутку с преемником! Ее нетрудно придумать, особенно если имеешь дело с таким наивным болваном. Для встречи своего преемника, который должен вступить в должность, герцог Отрантский облачается в парадный мундир и надевает маску исключительной вежливости. И действительно, едва входит Савари, герцог Ровиго, как Фуше осыпает его любезностями. Он не только поздравляет его со столь почетным назначением, но и благодарит за то, что Савари освобождает его от этой обременительной должности, от которой он так устал. Уверяет, что счастлив получить наконец возможность отдохнуть от огромного труда. Ибо управление этим министерством, – говорит он, – работа не только огромная, но и неблагоприятная, в особенности же для человека, к ней не привыкшего, в чем герцог скоро убедится. Во всяком случае, он выражает готовность быть ему полезным, чтобы немного, запутанные дела министерства – ведь увольнение застало его врасплох – быстро привести в порядок. Конечно, прибавляет он, это потребует некоторого времени, но если герцог Ровиго согласен, он, Фуше, охотно возьмет на себя этот небольшой труд, пока герцогиня Отрантская будет перебираться на новую квартиру. Добродушный Савари, герцог Ровиго, не замечает ложки дегтя в бочке меда, Он приятно поражен исключительной любезностью человека, которого все считают злобным и хитрым, и даже вежливо благодарит герцога Отрантского за его исключительную услужливость. Конечно, пусть Фуше пробудет в министерстве сколько нужно; откланиваясь, он растроганно жмет руку этого честнейшего, незаслуженно опороченного человека.

Как жаль, что нельзя было видеть и зарисовать лицо Жозефа Фуше в тот миг, когда закрылась дверь за его обманутым преемником. Глупый тюлень, усмехается он, неужели ты думаешь, что я наведу порядок в делах министерства и, аккуратно разложив их по папкам, передам в твои неуклюжие лапы все тайны, собранные за десять лет кропотливого труда? Неужели стану для тебя смазывать и чистить так чудесно устроенную мною машину, которая бесшумно всасывает и перерабатывает своими зубцами и колесами поступающие со всей страны сведения? Глупец, тебе еще придется разинуть рот!

Сейчас же начинается бешеная работа. Верный друг призван на помощь. Тщательно запирается дверь в кабинет, и все важные секретные бумаги поспешно вытаскиваются из дел. Те, что могут еще когда-нибудь пригодиться, обвиняющие и предательские документы, Жозеф Фуше откладывает для личного употребления, все остальное беспощадно сжигается. Зачем господину Савари знать, кто из представителей знати, живущих в предместье Сен-Жермен, кто из военных, кто из придворных оказывал услуги шпионского характера? Это слишком облегчит ему работу. Итак, в огонь эти списки! Пусть останутся имена совершенно незначительных осведомителей и доносчиков, дворников и проституток, от которых Савари все равно ничего важного не узнает. Папки очищаются молниеносно. Исчезают важные списки с именами заграничных роялистов и тайных корреспондентов, все искусно приводится в беспорядок, разрушается система регистрации, дела снабжаются неверной нумерацией, переставляются шифры и вместе с тем завербовываются в качестве шпионов важнейшие служащие будущего министра, которые должны тайно осведомлять обо всем прежнего и действительного хозяина.

Винт за винтом вытаскивает и выламывает Фуше из громадного механизма, чтобы в руках доверчивого преемника не сцеплялись шестеренки и срывались передачи. Как русские сжигали перед вступлением Наполеона свой священный город Москву, чтобы лишить его удобных квартир, так разрушает и минует Фуше любимое творение своей жизни. Четыре дня и четыре ночи дымится камин, четыре дня и четыре ночи продолжается эта дьявольская работа. И никто не догадывается, что государственные тайны перемещаются в шкафы Ферьера либо рассеиваются вместе с дымом по ветру.

А потом снова чрезвычайно вежливое, исключительно любезное расшаркивание перед ничем не подозревающим преемником: прошу вас, садитесь! Рукопожатие и принятая с улыбкой благодарность. Собственно говоря, герцогу Отрантскому следовало бы теперь мчаться в курьерской карете в Рим и приступить там к своим посольским обязанностям, но он хочет еще побывать в своем замке – Ферьере. И там, трепеща от тайного нетерпения и радости, ожидает первой вспышки гнева своего обманутого преемника, раскусившего шуточку, разыгранную над ним Фуше.

Не правда ли, пьеска прекрасно придумана, тонко разыграна и дерзко доведена до конца? К сожалению, Жозеф Фуше допустил в этой веселой мистификации одну маленькую оплошность. Полагая, что потешается над неопытным, свежеиспеченным герцогом, этим министром-младенцем, он забыл, что его преемник назначен властелином, который не терпит шуток. Наполеон уже и так недоверчиво следит за поведением Фуше. Ему не нравится эта медлительность в передаче дел и откладывание поездки в Рим. Кроме того, расследование деятельности Уврара, главного помощника Фуше, дало неожиданные результаты: выяснилось, что еще раньше, через другого посредника, Фуше передавал документы для английского кабинета. Пока еще никому не удавалось шутить с Наполеоном. Неожиданно 17 июня в Ферьер приходит резкое, как удар хлыста, послание: «Господин герцог Отрантский, прошу Вас переслать мне предложение, переданное Вами некоему господину Фаган для ведения переговоров с лордом Уэсли, и привезенный им Вам ответ, о которых я ничего не знал». Эти грозные фанфары могли бы разбудить и мертвого. Но Фуше, опьяненный самомнением и задором, не торопится с ответом. Тем временем в Тюильри подливается масло в огонь. Савари обнаруживает ограбление министерства полиции и смущенно сообщает об этом императору. Тотчас летит второе и третье послание с приказанием незамедлительно переслать «весь министерский портфель». Секретарь кабинета лично передает Фуше распоряжение и приказ отобрать у герцога Отрантского противозаконно присвоенные им бумаги. Шутка окончена. Начинается борьба.

Действительно, шутка окончена: пора бы Фуше понять это. Но он, словно одержимый дьяволом, собирается всерьез помериться силами с Наполеоном, с самым сильным человеком мира. Он выражает посланнику свое крайнее сожаление в том, что не имеет названных бумаг. Он все сжег. Этому не верит ни один человек и меньше всех Наполеон. Вторично шлет он Фуше напоминание, сурово и настойчиво, – нетерпение императора известно всем. Но необдуманность переходит в упорство, упорство – в наглость, наглость – в прямой вызов. Фуше повторяет, что у него нет ни единого листочка, и для объяснения мотивов мнимого уничтожения частных бумаг императора прибегает к шантажу: император, говорит он извиняясь, удостоил его столь большого доверия, что поручал напоминать своим братьям об их обязанностях, когда им случалось вызывать недовольство его величества. А так как каждый из братьев Наполеона, в свою очередь, поверял ему свои жалобы, он считал своим долгом не сохранять подобных писем. Сестры его величества также не всегда были ограждены от клеветы, и император сам удостоивал его чести сообщать ему о таких случаях, поручая узнать, какие именно неблагоприятные поступки, августейших сестер могли дать к тому повод. Ясно, совершенно ясно – Фуше намекает императору, что ему многое известно и он не позволит обращаться с собой, как с лакеем. Посланец понимает вымогательский характер угрозы и,

конечно, сильно затрудняется преподнести повелителю в какой бы то ни было форме столь дерзкий ответ. Тут уж император выходит из себя. Он так неистовствует, что герцог Масса принужден успокаивать его и, желая положить конец досадному делу, предлагает лично побудить строптивного министра выдать утаенные бумаги. Повторное требование исходит от нового министра полиции герцога Ровиго. Но Фуше отвечает на все с одинаковой вежливостью и решительностью: очень, очень жаль, но чрезмерная осторожность побудила его сжечь бумаги. Впервые позволяет себе человек открыто оказать сопротивление императору во Франции.

Но это уж слишком. Так же как Наполеон за десять лет не сумел оценить по достоинству Фуше, так и Фуше недооценил Наполеона, полагая, что его можно напугать угрозой разглашения нескольких тайн. Оказывать перед лицом всех министров сопротивление человеку, которому царь Александр, австрийский император и саксонский король предлагали в жены своих дочерей, перед которым трепещут, словно школьники, все немецкие и итальянские короли! Эта высохшая мумия, этот жалкий интриган, еще не сносивший герцогской мантии, не желает подчиниться человеку, против которого не смогли устоять армии всей Европы? Нет, нельзя позволять себе подобных шуток с Наполеоном. Он немедленно вызывает шефа своей личной полиции Дюбуа, в присутствии которого предается неистовым приступам ярости, обличая мерзкого, подлого Фуше. Твердыми, гулкими шагами ходит он гневно взад и вперед и вдруг вскрикивает: «Пусть он не надеется, что ему удастся поступить со мной так, как он поступил с Богом, Конвентом и Директорией, которых он подло предал и продал. У меня более зоркий глаз, чем у Барраса, со мной игра не будет такой легкой, я советую ему быть настороже. Я знаю, что у него есть документы и инструкции, переданные ему мною, и я настаиваю, чтобы он их вернул. Если он откажется, передайте его немедленно в руки десятка жандармов, пусть его отправят в тюрьму, и, клянусь богом, я покажу ему, как быстро я умею расправляться».

Теперь в воздухе запахло гарью. Нос Фуше учуял острый, угрожающий запах. И когда является Дюбуа, Фуше вынужден допустить, чтобы у него, у герцога Отрантского и бывшего министра полиции, ему же служивший подчиненный опечатал бумаги – мера, которая могла бы оказаться опасной, не спрячь осторожный министр заранее все самые существенные и важные документы. Но все же он начинает понимать, что коса нашла на камень. Он лихорадочно пишет письмо за письмом, одно императору, другие – некоторым из министров, чтобы пожаловаться на недоверие, которое выражают ему, самому честному, самому искреннему, самому выдержанному, самому верноподданному из министров, и в одном из этих писем особенно драгоценна одна очаровательная фраза: «Il n'est pas dans mon caractere de changer»¹²⁰ (да, да, именно эти слова собственноручно, черным по белому, написал хамелеон Фуше). Как пятнадцать лет тому назад в столкновении с Робеспьером, он надеется и теперь поспешным примирением предотвратить несчастье. Он садится в карету и едет в Париж, чтобы лично объяснить все императору, или, вернее, принести свои извинения.

Но поздно. Он слишком долго забавлялся, слишком долго шутил – теперь примирение уже невозможно, невозможно и соглашение; кто посмел публично бросить вызов Наполеону, должен быть публично унижен. Фуше получает письмо, такое суровое и резкое, какого, вероятно, Наполеону ни разу не приходилось писать своим министрам. Оно очень кратко, это письмо, этот пинок ногой: «Господин герцог Отрантский, ваши услуги мне больше не угодны. В течение двадцати четырех часов вы обязаны выехать в свое поместье». Никакого упоминания о назначении послом в Рим; откровенное, грубое увольнение – и к тому же изгнание. Одновременно министр полиции получает приказание проследить за немедленным исполнением эдикта.

Напряжение было слишком велико, игра слишком отважна – и кончается она неожиданно: Фуше сломлен; он подобен лунатику, который смело гуляет, по крышам, но, разбуженный громким окриком, приходит в ужас от своей безумной смелости и падает в пропасть. Тот самый человек, который не терял самообладания и ясности мысли почти у подножия гильотины, съезживается самым жалким образом под ударом Наполеона.

¹²⁰ не в моем характере быть непостоянным (*фр.*)

Это 3 июля 1810 года – Ватерлоо Жозефа Фуше. Нервы не выдерживают – он бросается к министру за заграничным паспортом, он мчится без остановок, меняя на каждой станции лошадей, в Италию, Там он бежит с места на место, как бешеная крыса по горячей плите. Он то в Парме, то во Флоренции, то в Пизе, то в Ливорно, вместо того чтобы отправиться, согласно предписанию, в свое поместье. Он в страшной панике. Лишь бы только быть вне досягаемости Наполеона – там, куда не дотянется его рука. Даже Италия кажется ему недостаточно надежной защитой, это все же Европа, а вся Европа подчинена этому ужасному человеку. И вот он нанимает в Ливорно корабль, чтобы перебраться в Америку – страну безопасности и свободы, но буря, морская болезнь и страх перед английскими крейсерами гонят его обратно, и, снова обезумев, мчится он в карете зигзагами из порта в порт, из города в город, молит о помощи сестер Наполеона, князей, приятелей, исчезает, снова всплывает на поверхность, к огорчению полицейских чиновников, то нападающих на его след, то опять его теряющих, – словом, Фуше ведет себя как сумасшедший; как обезумевший от страха человек, и впервые он, человек, лишенный нервов, может служить клиническим примером полного нервного потрясения. Никогда Наполеон одним движением, одним ударом кулака не разбивал противника столь решительно, как этого самого смелого и хладнокровного из своих слуг.

Так, то прячась, то появляясь вновь, продолжает он лихорадочно метаться; проходят недели, и невозможно понять (даже его превосходный биограф Мадлен не знает этого, да, вероятно, он и сам не знал), чего он хотел и куда в те дни стремился. По-видимому, лишь в карете чувствовал он себя защищенным от мнимой мести Наполеона, который давно уже не думает всерьез посягать на жизнь своего непокорного слуги. Наполеон хотел лишь настоять на своем, вернуть свои бумаги, и этого он добился. Ибо, пока обезумевший, впавший в истерику Фуше загоняет по всей Италии почтовых лошадей, его жена, оставшаяся в Париже, поступает гораздо благоразумнее; она капитулирует вместо него; нет сомнения, что герцогиня Отрантская, чтобы спасти своего мужа, тайно вручила Наполеону коварно скрытые бумаги, ибо ни один из тех интимных документов, на которые намекал Фуше, шантажируя Наполеона, никогда не был опубликован. Документы, хранившиеся у Фуше и касавшиеся лично Наполеона, исчезли так же бесследно, как бумаги Барраса, выкупленные у него императором, и другие компрометирующие его бумаги. Кто-то, либо сам Наполеон, либо Наполеон III¹²¹, окончательно уничтожил документы, которые могли не соответствовать канонизированному изображению Наполеона.

Наконец Фуше получает милостивое разрешение вернуться в свое поместье в Экс. Гроза рассеялась, молния поразила лишь нервы, пощадив мозг. 25 сентября прибывает загнанный Фуше в свое поместье, «бледный, усталый человек, бессвязные мысли и речи которого свидетельствуют о нервном расстройстве». Но у него будет достаточно времени, чтобы привести свои нервы в порядок, ибо кто хоть раз оказал сопротивление Наполеону, тот надолго становится свободным от всех общественных дел. Честолюбец должен расплачиваться за свою злую шутку: волна снова опрокинула его и бросила на дно. На три года лишился Жозеф Фуше положения и должности: началось его третье изгнание.

7. Вынужденное интермеццо (1810–1815)

Началось третье изгнание Жозефа Фуше. Отставленный от службы министр, герцог Отрантский живет в своем великолепном замке Экс как владетельный князь. Ему пятьдесят два года, он познал до конца все труды и забавы, все успехи и неудачи политической жизни, вечную смену приливов и отливов бурного моря судьбы. Он вкусил милость власть имущих и отчаяние отверженного, он бывал настолько беден, что тревожился о хлебе насущном, и был безмерно богат, был любим и ненавидим, прославляем и изгоняем – теперь он, герцог, сенатор, их превосходительство, министр, государственный советник и миллионер, не зависящий ни от

¹²¹ Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт; 1808–1873) – племянник Наполеона I, французский император (с 1852 г.). Низложен в результате революции в сентябре 1870 г.

кого, кроме собственной воли, может наконец отдохнуть на золотом берегу. Спокойно выезжает он в своей пышной карете на прогулку, наносит визиты местному дворянству, ему воздают высшие почести в провинции, и он получает тайные выражения симпатии из Парижа; он избавлен от треплющего нервы общения с глупыми чиновниками и деспотическим повелителем. Если судить по его довольному виду, герцог Отрантский прекрасно чувствует себя *procul negotiis*¹²². Но насколько обманчив этот довольный вид, ясно из следующего (без сомнения, достоверного) места его (вообще мало достоверных) мемуаров: «Въевшаяся в меня привычка знать все обо всем не покидала меня и мучила во время скучного и однообразного, хотя и приятного изгнания». ¹²³ По его собственному признанию, *charme de sa retraite* (прелесть его уединению) придает не нежный пейзаж Прованса, а получение известий и донесений из столицы. «С помощью верных друзей и надежных посланцев я организовал тайную переписку с Парижем, регулярно получая взаимно друг друга дополнявшие известия. Одним словом, я имел в Эксе свою частную полицию». Этот неугомонный человек занимается теперь ради спорта тем, чем ему не дозволено заниматься по службе, и если он уже не может более бывать в министерствах, то ему хочется, по крайней мере, подглядывать чужими глазами в замочные скважины, подслушивать чужими ушами различные совещания и главным образом вынюхивать, не явилась ли наконец возможность вновь предложить свои услуги, вновь протолкаться к игорному столу современности.

Но герцогу Отрантскому придется еще долго быть не у дел, потому что Наполеон в нем не нуждается. Он стоит на вершине своего могущества, покоритель Европы, зять австрийского императора и (исполнилось самое пламенное его желание) отец римского короля. Покорно заискивают перед ним все немецкие и итальянские князья, благодарные за милость, что ему угодно было оставить им их короны и коронки; уже пошатнулся его последний и единственный враг – Англия. Этот человек настолько всесилен, что он может с улыбкой отказаться от услуг таких ловких, но малонадежных помощников, как Фуше, а господин герцог имеет теперь впервые достаточно досуга, чтобы спокойно поразмыслить о той безумной заносчивости, которая побудила его помериться силами с этим самым могущественным из всех людей. Император не удостаивает Фуше даже чести сделать его предметом своей ненависти – с той огромной высоты, на которую судьба вознесла Наполеона, он и не замечает маленькое злое насекомое, которое некогда гнездилось в его шубе, пока хозяин не вытряхнул его одним сильным взмахом. Он не замечает ни навязчивости опального, ни его отсутствия – Фуше для него больше не существует. Ничто более ясно не показывает павшему министру, как мало Наполеон его теперь уважает и боится, как полученное Фуше разрешение переехать в свой замок Ферьер, в двух часах езды от Парижа. Ближе, впрочем, император его не подпускает; Париж и Тюильри закрыты для человека, который осмелился противодействовать Наполеону.

Только один-единственный раз за эти два пустых года был приглашен Жозеф Фуше во дворец. Наполеон готовит войну против России, все отговаривают его, и поэтому ему хочется, чтобы Фуше высказал на сей раз свое мнение. Фуше, если верить ему самому, страстно предостерегает императора и передает ему (если только он его не сфабриковал *post factum*) тот меморандум, о котором говорится в его воспоминаниях; но Наполеон уже давно способен выслушивать лишь тех, кто подтверждает его собственное мнение, он нуждается лишь в рабском подтверждении своих слов. Ему кажется, что те, кто отговаривает его от войны, сомневаются в его величии. Поэтому Фуше холодно отсылают обратно в его замок, в праздное изгнание, между тем как император с шестьюстами тысячами человек предпринимает самый

¹²² вдали от дел (*лат.*)

¹²³ Я нигде не ссылаюсь в этой работе на вышедшие в 1824 году мемуары герцога Отрантского, потому что они написаны чужой рукой, хотя в них и попадаетея подлинный материал. В какой мере во всем двуличный Фуше сам участвовал в их составлении, остается вопросом, до сих пор еще не разрешенным наукой. Пока еще остается в силе остроумное замечание Генриха Гейне, который, говоря об «известной фальшивости» Фуше, прибавляет: «Его фальшивость заходила так далеко, что он уже после своей смерти издавал фальшивые мемуары». (*прим. авт.*)

смелый и самый безумный из своих подвигов – поход на Москву.

В удивительной и переменчивой жизни Жозефа Фуше наблюдается странная ритмичность. Когда он восходит, все ему удается; когда он падает, счастье поворачивается к нему спиной. Теперь, когда он, огорченный и озлобленный, живет в тени опалы, в своем отдаленном замке, вдали от города, и в вынужденном бездействии выжидает развития событий, и именно теперь, когда он разочарован и нуждается в душевной поддержке, сочувствии и нежном утешении, теряет он единственного человека, который в течение двадцати лет с любовью и терпением поддерживал его, сопутствуя во всех опасностях, – Фуше теряет жену. Во время первого изгнания, в мансарде, умерли два его первых, самых любимых ребенка, во время третьего изгнания его покидает спутница жизни. Эта потеря потрясает его, казавшегося бесчувственным, до глубины души. Этот непроницаемый человек, изменявший всем партиям и всем идеалам, сохранял трогательную верность Своей некрасивой жене, был внимательнейшим мужем и заботливым отцом; так же как под маской сухого кабинетного бюрократа таился нервный интриган и азартный политический игрок, так под коварством и низостью этой личности робко и незримо скрывался добропорядочный буржуа, французский провинциальный супруг, одинокий человек, чувствующий себя хорошо спокойно лишь в тесном кругу своей семьи. Весь глубоко затаенный запас доброты и порядочности, сохранявшийся в душе лукавого дипломата, он с молчаливой любовью отдавал своей спутнице, которая жила только для него, никогда не принимала участия в придворных празднествах, банкетах и приемах, никогда не вмешивалась в его опасную игру. Здесь, в неприступном убежище его частной жизни, скрывалась противодействующая сила, уравнивавшая все то беспокойство, рискованное и неустойчивое, что наполняло политическое существование Фуше. И эта опора рухнула в момент, когда он в ней больше всего нуждался. Впервые чувствуется, что этот каменный человек действительно потрясен, впервые слышны в его письмах очень теплые, правдивые, человеческие нотки. Друзья советуют Фуше снова добиваться поста министра полиции: его преемник герцог де Ровиго стал посмешищем всего Парижа, позволив арестовать себя во время смешной попытки переворота, предпринятого каким-то полупомешанным субъектом. Но Фуше отказывается от всякого участия в политической жизни: «Мое сердце закрыто для всей этой человеческой суеты. Власть больше не привлекает меня, в моем теперешнем состоянии мне не только желателен, но совершенно необходим покой. Государственная деятельность представляется мне сумбурным, полным опасностей занятием». Впервые кажется, что этот умник действительно научился мудрости в школе страдания. После двадцати лет бессмысленной погони за почестями стареющим человеком, потерявшим спутницу этих страшных лет, овладела глубокая потребность в отдыхе, во внутреннем успокоении. Кажется, в нем навсегда угасла страсть к интригам, и воля к власти наконец-то окончательно сломлена в этой так много метавшейся, беспокойной, ненасытной душе.

Но какова ирония судьбы! Именно теперь, когда в первый и единственный раз вечно беспокойный Фуше желает наконец только покоя и отказывается от службы, его противник Наполеон принуждает его опять служить.

Не любовь, не расположение, не доверие заставляют Наполеона вновь призвать Фуше на службу, но подозрительность и внезапное сомнение в своих силах. Впервые возвращается император побежденным. Не во главе своей армии, высоко на коне, среди развевающихся знамен, въезжает он через Триумфальную арку в Париж, но закрыв лицо шубой, чтобы не быть узнаваемым, возвращается в него ночью, словно беглец. Лучшая из всех его армий замерзла в русских снегах, ореол непобедимости утрачен, а с ним и все друзья. Императоры и короли, вчера еще гнувшие перед ним спины в поклоне, при виде побежденного императора с огорчающей поспешностью вспоминают о своем достоинстве. Весь мир выступает с оружием в руках против своего сурового повелителя. Из России идут казаки, из Швеции выступает старый соперник Бернадот, его собственный тесть – император Франц – вооружается в Богемии,

подымается, горя мщением, порабощенная Пруссия – бесчисленные, легкомысленные войны, как зубы дракона, как страшный посев, брошенный в опаленную, истерзанную почву Европы, приносят свои плоды, и жатва этой осенью будет собрана на полях под Лейпцигом. Повсюду колеблется и трещит гигантское здание, сооруженное в течение десяти лет этой единственной в своем роде мировой волей.

Из Испании, Вестфалии, Голландии и Италии бегут изгнанные братья Бонапарта. От Наполеона требуется теперь наивысшее напряжение сил. С удивительной предусмотрительностью и удесятеренной энергией готовится он к последнему, решительному бою. Во Франции призывают всех, кто еще в состоянии носить ранец или сидеть на коне, отовсюду, из Италии и Испании, стягиваются испытанные войска, чтобы восстановить то, что своими ледяными челюстями перемолола русская зима. День и ночь тысячи людей куют на заводах сабли и отливают пушки, из тайных запасов золота чеканят монету, из тайников Тюильри достают спрятанные сбережения, крепости приводятся в боевую готовность, и пока с востока и запада тяжелой поступью двигаются к Лейпцигу войска, во всех направлениях поспешно раскидываются дипломатические сети. Франция окружается колючей железной проволокой, в которой не должно быть ни единого слабого и ненадежного места, ни одного прорыва, каждая возможность должна быть учтена, фронт и тыл надежно защищены. Нельзя допустить, чтобы глупость или злоба вторично, как во время русского похода, поколебали или подорвали доверие народа к Наполеону. Все сомнительные люди должны быть удалены, все подозрительные взяты под строгое наблюдение.

Перед этим решительным боем император хочет учесть каждую случайность, предусмотреть любую возможную опасность. И вот он вспоминает о том, кто может стать опасным, – о Жозефе Фуше. Как видим, он не забыл о нем, а только не обращал на него внимания, пока чувствовал себя сильным. Но теперь, ощутив неуверенность, он хочет обезопасить себя. Нельзя оставлять у себя в тылу, в Париже, ни одного возможного врага. А так как Наполеон не относит Фуше к числу своих друзей, то он и решает, что следует удалить Фуше из Парижа.

Правда, нет никаких видимых причин для того, чтобы арестовать и упрятать в крепость этого беспокойного интригана и тем самым оградить себя от его козней. Но и на свободе его тоже нельзя оставлять. Лучше всего связать этому страстному игроку руки какой-нибудь должностью, и, если возможно, подальше от Парижа. Но напрасно в суматохе государственных дел и военных приготовлений-подыскивают в главной квартире в Дрездене для Фуше такое назначение, которое было бы для него почетным и обезвредило бы его. Подыскать его оказывается не так-то легко. Однако Наполеону не терпится удалить из Парижа эту темную личность. Если для Фуше нельзя найти подходящей должности, надо ее придумать, и вот Фуше получает совершенно фантастическое назначение: правителя оккупированных областей Пруссии. Прекрасная, первоклассная должность и, без сомнения, почетная, но с одним маленьким изъяном – она зависит от одного «если»; ее можно занять, если Наполеон завоюет Пруссию. А между тем текущие военные события дают мало оснований на это рассчитывать; Блюхер¹²⁴ серьезно теснит императора на саксонском фланге, и, таким образом, назначение Фуше является едва ли не шуткой, чем-то висящим в воздухе. 10 мая император пишет герцогу Отрантскому: «Я приказал сообщить вам о своем намерении вызвать вас ко мне сразу же, как я вторгнусь во владения прусского короля, чтобы поставить вас во главе правительства этой страны. В Париже ничего не должно быть об этом известно. Все должно произойти под видом, будто вы отправляетесь в свое имение, и, когда вы будете уже здесь, все должны думать, что вы дома. Одной только императрице известно о вашем отъезде. Я рад возможности вновь воспользоваться вашими услугами и получить новые доказательства вашей преданности». Император пишет так Жозефу Фуше именно потому, что он совершенно не верит в его «преданность». И, тотчас разгадав сокровенное намерение своего повелителя, Фуше неохотно,

¹²⁴ Блюхер Герхард Лебрехт (1742–1819) – прусский генерал-фельдмаршал, командующий прусской армией в 1813–1815 гг., участник битвы при Ватерлоо.

полный недоверия, собирается в путь, в Дрезден. «Мне стало сразу ясно, – пишет он в своих мемуарах, – что император, опасаясь моего присутствия в Париже, хотел иметь меня под рукой в качестве заложника и единственно для этого вызвал меня к себе». Будущий правитель Пруссии не очень-то торопится в государственный совет, в Дрезден, потому что он знает, что в действительности там не столько нуждаются в его советах, сколько желают связать ему руки. Он приезжает только 29 мая; император встречает его словами: «Вы приехали слишком поздно, господин герцог».

О смехотворном намерении поручить Фуше управление Пруссией в Дрездене, само собой понятно, не говорится больше ни слова – для подобных шуток момент слишком серьезен. Но его теперь крепко держат в руках, и, к счастью, находится другой великолепный пост для того, чтобы держать его вдали от событий. Правда, этот пост не столь призрачный, как прежний, висевший между небом и землей, но все же он на сотни километров удален от Парижа, а именно – это наместничество в Иллирии. Старый товарищ Наполеона, генерал Жюно¹²⁵, управляющий этой провинцией, сошел с ума, – таким образом, освободилось помещение для непокорных. С едва скрываемой иронией вручает император это недолговечное полномочие Жозефу Фуше, который, как всегда, не противится и, почтительно кланяясь, выражает готовность немедленно отправиться в путь.

Название «Иллирия» звучит до-опереточному, и действительно – что за пестрое государство было выкроено по последнему насильственному «мирному» договору из обрывков Фриули, Каринтии, Далмации, Истрии и Триеста! Государство без объединяющей идеи, без смысла и цели, с крошечным крестьянским городишком Лайбах в качестве какой-то столицы, уродливый нежизнеспособный выкидыш, порождение опьяненного самовластия и близорукой дипломатии. Фуше находит там только почти пустую казну, несколько десятков скучающих чиновников, очень мало солдат и недоверчивое население, с нетерпением ожидающее ухода французов. Это искусственное, наспех подремонтированное, подштукатуренное государство трещит уже по всем швам; несколько пушечных выстрелов – и шаткое здание рухнет. Эти выстрелы скоро грянут по приказу тестя Наполеона, императора Франца, и тогда всему иллирийскому великолепию наступит конец. Фуше и думать не может о серьезном сопротивлении, имея всего несколько полков, составленных главным образом из кроатов, готовых при первом выстреле перейти на сторону своих старых товарищей. Поэтому с первого же дня он начинает готовиться к отступлению и, стремясь получше замаскировать его, ведет себя, как беззаботный правитель: дает балы, устраивает приемы, днем назначает торжественные парады своих войск, а ночью тайно отправляет деньги и документы в Триест. Его действия в качестве правителя ограничиваются тем, чтобы осторожно, шаг за шагом, с возможно меньшими потерями эвакуироваться. При этом стратегическом отступлении вновь блестяще проявляются его обычное хладнокровие, стремительная решительность и энергия. Шаг за шагом, без потерь отступает он из Лайбаха в Герц, из Герца в Триест, из Триеста в Венецию; ему удается вывезти из своего недолговечного наместничества в Иллирии почти всех чиновников, казну и много ценных материалов. Но что значит потеря этой жалкой провинции! Ведь в те же самые дни Наполеон проигрывает самое важное и последнее в этой войне большое сражение – битву народов под Лейпцигом¹²⁶ – и тем самым утрачивает господство над миром.

Фуше самым безупречным образом справился со своей задачей. Теперь, когда уже не приходится больше управлять Иллирией, он свободен и, разумеется, желает вернуться в Париж. Но Наполеон держится иного мнения. Именно теперь ни под каким видом нельзя позволить

¹²⁵ Жюно Андош, герцог Д'Абрантес (1771–1813) – французский генерал, адъютант Наполеона в итальянском и египетском походах в 1807 г. командовал корпусом в Португалии и взял Лиссабон, управлял Имперской провинцией.

¹²⁶ Сражение 16–18 октября 1813 г. около Лейпцига во время войны России, Пруссии, Австрии и Швеции против Франции. В нем участвовало свыше полумиллиона человек разных национальностей. Наполеон потерпел поражение, потеряв 80 тыс. человек, что предопределило исход войны.

Фуше вернуться в Париж. Еще в Дрездене император сказал: «Такого человека, как Фуше, при теперешних обстоятельствах оставлять в Париже нельзя», – и сейчас, после Лейпцига, эти слова приобретают в двадцать-раз большее значение. Фуше нужно куда-нибудь убрать, и убрать подальше во что бы то ни стало. И, решая грудную задачу, как отразить пятикратно превосходящие силы противника, император поспешно придумывает новое поручение для неудобного человека, и опять такое, которое обезвредило бы Фуше на все время ведения военных действий. Нужно дать ему возможность заняться дипломатическими интригами, но помешать ему запустить в Париж свои ненасытные лапы. И Наполеон посылает Фуше в Неаполь (который так далеко), чтобы он напомнил Мюрату¹²⁷, неаполитанскому королю и шурина императора, занятому больше своим королевством, чем делами империи, об его обязанностях и побудил его выступить со своей армией на помощь императору. Неизвестно, как Фуше исполнил свое поручение, – убеждал ли он старого генерала наполеоновской кавалерии сохранить верность Наполеону или, наоборот, поддерживал его измену, – историками не выяснено. Во всяком случае, цель императора достигнута: Фуше, по ту сторону Альп, за тысячи миль, в течение четырех месяцев занят бесконечными переговорами. В то время как австрийцы, пруссаки и англичане уже идут на Париж, он должен непрерывно и бессмысленно разъезжать взад и вперед из Рима во Флоренцию и Неаполь, из Генуи в Лукку, в сущности, бесцельно растрачивая время и силы на неразрешимую задачу. Потому что и сюда уже неудержимо надвигаются австрийцы; после Иллирии ему придется терять Италию, второе вверенное ему государство. В конце концов к началу марта император Наполеон уже не имеет ни одного государства, куда бы он мог сплавить этого неудобного человека, да к тому же и в самой Франции он уже не может ни приказывать, ни запрещать. И вот 11 марта Жозеф Фуше, который благодаря гениальной предусмотрительности императора в течение четырех месяцев был устранен от всяких политических махинаций во Франции, возвращается через Альпы на родину. Но когда он наконец сбрасывает с себя цепь, на которой его держали, оказывается, что он опоздал на четыре дня.

В Лионе Фуше узнает, что войска трех императоров движутся на Париж. И так, через несколько дней Наполеон падет и будет образовано новое правительство. Само собой разумеется, что он снедаем честолюбием и горит нетерпением *d'avoir la main dans la pate*, подобраться к общественному пирогу и урвать себе лучший кусок. Но прямой путь в Париж уже прегражден наступающими войсками, он должен томительно долго ехать в объезд, через Тулузу и Лимож. Наконец 8 апреля почтовая карета въезжает в Париж. С первого взгляда Фуше понял, что приехал слишком поздно. А кто опаздывает, тот виновен. Наполеон сумел отплатить Фуше за все козни и шутки, предусмотрительно удалив его на то время, когда можно было ловить рыбку в мутной воде. Париж не сдался, Наполеон свергнут, Людовик XVIII избран королем, и полностью сформировано новое правительство с Талейраном во главе. Этот проклятый хромоножка вовремя оказался на месте и быстрее переменял фронт, чем это удалось сделать Фуше. В доме Талейрана уже живет русский царь, новый король осыпает Талейрана знаками своего доверия, тот роздал по-своему усмотрению все министерские посты, подлейшим образом не оставив ничего для герцога Отрантского, который в это время, не видя в этом ни смысла, ни цели, управлял Иллирией и вел дипломатические переговоры в Италии. Его никто не ждал, им никто не интересуется, никто не хочет его знать, никто не ищет у него совета и помощи. И снова Фуше, как уже не раз случалось в его жизни, конченный человек.

Долго не верится Фуше, что все так равнодушно допустят, чтобы он пал, он – великий противник Наполеона. Он явно и тайно предлагает свои услуги; его встречают в передней Талейрана, у брата короля, у английского посланника, на заседаниях совета – повсюду. Но никто не обращает на него внимания. Фуше пишет письма, в том числе и Наполеону, советуя

¹²⁷ *Мюрат Иоахим* (1771–1845) – сподвижник Наполеона и его зять, маршал Франции (с 1804 г.), король Неаполитанский (с 1808 г.). В 1814 г. изменил Наполеону и примкнул к антифранцузской коалиции.

ему переселиться в Америку, и одновременно, желая выслужиться, посылает копию этого письма Людовику XVIII. Однако он не получает ответа. Он ходатайствует перед министрами о получении достойного назначения – его везде принимают вежливо, холодно и ничего для него не делают. Фуше старается выдвинуться с помощью женщин, но все напрасно: он совершил самую непростительную политическую ошибку – прибыл слишком поздно. Все места уже заняты, и никто из сановников не желает добровольно встать, чтобы любезно уступить свое место герцогу Отрантскому. Честолюбцу не остается ничего иного, как вновь уложить свой чемодан и отправиться в замок Ферьер. Со смертью жены у него осталось лишь одно подспорье – время. До сих пор оно всегда ему помогало, поможет оно ему и на сей раз.

И в самом деле, ему и на этот раз помогает время. Фуше скоро учуял, что в воздухе снова запахло порохом. Человеку, имеющему тонкий слух, даже из Ферьера слышно, как скрипит и трещит королевский трон. Новый повелитель, Людовик XVIII, делает одну ошибку за другой. Он все забыл. Ему угодно игнорировать революцию и то, что после двадцати лет гражданского равенства Франция не хочет вновь гнуть спину перед двадцатью дворянскими родами. Он недооценивает опасность, которую представляет собой преторианское сословие генералов и офицеров, переведенных на половинное жалованье, недовольных этим и толкующих о низкой скарденности огуречного короля. Вот если б вернулся Наполеон, тогда бы снова началась хорошая, отличная война, тогда можно было бы опять отправиться в поход, грабить чужие земли, делать карьеру и крепко забрать бразды правления в свои руки. Уже замечены подозрительные сношения между отдельными гарнизонами, в армии зреет заговор, и Фуше, который никогда, при любых обстоятельствах, не теряет окончательно связи со своим детищем – полицией, прислушивается к происходящему и узнает нечто такое, что наводит его на размышления. Он усмехается про себя: да, добрый король узнал бы интересные вещи, если бы сделал министром полиции герцога Отрантского. Но к чему предупреждать этих придворных льстецов? До сих пор Фуше возвышали лишь перевороты, лишь менявший направление ветер. Поэтому он спокоен, замкнут, неподвижен; он медленно и глубоко дышит, как борец перед боем.

5 марта 1815 года в Тюильри с поразительной новостью врывается гонец: Наполеон покинул Эльбу и 1 марта высадился с шестьюстами солдатами в Фрежюсе. С презрительной улыбкой выслушивают придворные эту новость. Они ведь всегда считали, что этот Наполеон Бонапарт, которого превознесли так высоко, не в своем уме. *Parbleu!*¹²⁸ Ведь это смешно! Этот безумец хочет сражаться с шестьюстами солдатами против короля, за спиной, которого стоит целая армия и вся Европа! Нечего волноваться и беспокоиться, кучка жандармов укротит этого жалкого авантюриста. Маршал Ней¹²⁹, старый боевой товарищ Наполеона, получает приказ схватить его. Хвастливо обещает он королю, не только обезоружить нарушителя спокойствия, но даже «в железной клетке возить его по стране». В течение первой недели Людовик XVIII и его приближенные открыто демонстрируют Парижу свою беззаботность, и «*Moniteur*» пишет обо всем происходящем не иначе как в шуточной форме. Но вскоре начинают поступать неприятные известия. Наполеон нигде не встречает сопротивления, каждый высылаемый против него полк не уменьшает, а увеличивает его крохотную армию, а тот самый маршал Ней, который обещал возить его по стране в железной клетке, переходит с развернутыми знаменами на сторону своего бывшего повелителя. Наполеон уже в Гренобле, теперь он в Лионе – еще неделя, и его пророчество сбудется: императорский орел опустится на башню собора Нотр-Дам.

Королевским двором овладевает паника. Что делать? Какими преградами остановить эту лавину? Слишком поздно понимают король и его титулованные советники, каким это было

¹²⁸ Черт возьми! (*фр.*)

¹²⁹ *Ней Мишель* (1769–1815) – участник революционных и наполеоновских войн, маршал. После «Ста дней» расстрелян Бурбонами.

безумием – чураться народа и стараться искусственно забыть, что с 1792 по 1815 год во Франции происходило что-то вроде революции. Значит, теперь надо немедленно завоевать народную любовь! Как-нибудь показать этому глупому народу, что его действительно любят, что уважают его желания и права; надобно немедленно начать править по-республикански, по-демократически! И всегда, когда уже бывает слишком поздно, короли и императоры торопятся выказать себя истыми демократами. Но как завоевать любовь республиканцев? Очень просто: пригласить одного из них в министерство, какого-нибудь завязатого революционера, который разукрасит белое знамя королевских лилий¹³⁰ чем-нибудь красным! Но где найти такого республиканца? Тогда внезапно вспоминают о некоем Жозефе Фуше, который несколько недель тому назад сиживал во всех приемных и засыпал своими предложениями столы короля и его министров. Да, это и есть нужный человек, единственный, кого можно всегда использовать для любых дел. Поскорей же вытащить его из забвения! Всегда, когда какое-нибудь правительство испытывает затруднения, будь это Директория, консульство, империя или королевство, всегда, когда нужен настоящий посредник, способный, сгладив противоречия, навести порядок, обращаются к человеку с красным знаменем, к самому ненадежному по своим личным качествам человеку, но к самому надежному дипломату, к Жозефу Фуше.

Герцог Отрантский испытывает удовлетворение – те самые князья и графы, которые еще совсем недавно холодно отклоняли его услуги и поворачивались к нему спиной, сейчас с почтительной настойчивостью предлагают ему министерский портфель и даже, можно сказать, стараются всунуть его ему в руки. Но старый министр полиции слишком хорошо понимает действительное положение дел и не желает теперь, в решающий час, компрометировать себя ради Бурбонов. Он чувствует, что агония уже наступила, если его так настоятельно приглашают в качестве врача, поэтому он вежливо отклоняет предложение под различными предлогами, давая понять, что следовало обратиться к нему раньше. Но чем ближе подходят войска Наполеона, тем быстрее исчезает заносчивость при королевском дворе. Все настойчивее убеждают и упрасивают Фуше взять на себя управление страной, родной брат Людовика XVIII сам приглашает его на тайное совещание. На сей раз Фуше сохраняет твердость не в силу своих убеждений, а потому, что его совсем не воодушевляет спасти гнилое дело Бурбонов и он отлично чувствует себя, раскачиваясь на качелях между Людовиком XVIII и Наполеоном. Теперь уже слишком поздно, успокаивает он брата короля, пускай только король укроется в безопасном месте; авантюра Наполеона скоро окончится, а он, со своей стороны, обещает сделать все, чтоб помешать императору. Пусть только доверятся ему. Таким образом. Фуше заручается расположением Бурбонов и может, в случае победы короля, выдавать себя за его приверженца. С другой стороны, если победит Наполеон, он сможет гордо сослаться на то, что отклонил предложение Бурбонов. Слишком часто применял он испытанную систему двойного страхования, не отказывается он от нее и на этот раз: Фуше будет считаться верным слугой двух господ, императора и короля.

Но на этот раз дело принимает еще более веселый оборот: как и всегда в решающие моменты жизни Фуше, трагическая сцена превращается в комическую. Бурбоны уже кое-чему научились у Наполеона и знают, что в минуты опасности нельзя оставлять у себя за спиной такого человека, как Фуше. За три дня до отъезда короля – Наполеон уже недалеко от Парижа – полиция получает приказ арестовать Фуше и вывезти его из Парижа как человека, внушающего подозрения, так как он отказывается принять министерский портфель.

Министром полиции, которому приходится выполнять это неприятное поручение, был тогда – воистину история любит неожиданные эффекты – Бурьенн, интимнейший друг юности Наполеона, его товарищ по военной школе, участвовавший в египетском походе, много лет бывший секретарем императора, хорошо знавший всех его приближенных и, уж конечно,

¹³⁰ *Лилии* – герб Бурбонов; королевское знамя было белого цвета.

Фуше. Поэтому он несколько напуган, получив от короля приказ арестовать герцога Отрантского. Благоразумно ли это? – позволяет он себе заметить. И после настойчивого подтверждения приказа Бурьенн качает головой: его будет не так-то легко привести в исполнение: Фуше стреляный воробей, его не поймаешь простыми силками среди бела дня; чтоб выловить такую крупную дичь, нужно время и исключительная ловкость. Тем не менее он отдает приказание. И действительно, 16 марта 1815 года, в 11 часов утра, полицейские окружают на улице карету герцога Отрантского и объявляют его арестованным, согласно приказу Бурьенна. Фуше, никогда не терявший хладнокровия, с презрительной улыбкой заявляет: «Нельзя арестовать посреди улицы бывшего сенатора». И прежде чем агенты, в течение долгого времени бывшие его подчиненными, успели опомниться, он крикнул кучеру, чтоб тот покрепче хлестнул лошадей, и вот карета уже катит к дому Фуше. Озадаченные полицейские стоят с открытыми ртами посреди улицы и глотают пыль из-под колес умчавшегося экипажа. Бурьенн был прав: не так-то легко поймать человека, который сумел уйти целым и невредимым от Робеспьера, Конвента и Наполеона.

Когда одураченные полицейские доложили Бурьенну, что Фуше от них ускользнул, министр полиции решает применить строгие меры: теперь на карту поставлен его авторитет, он с собой шутить не позволит. Немедленно приказывает Бурьенн окружить со всех сторон дом на улице Черутти и охранять ворота. Вооруженный отряд подымается по лестнице, чтоб схватить беглеца. Но Фуше приготовил для них еще одну шутку, одну из тех великолепных и единственных в своем роде уловок, которые ему почти всегда удавались именно в самых трудных, напряженных ситуациях. Как уже не один раз отмечалось, в минуты опасности у Фуше возникает страстное желание разыграть и отчаянно дерзко провести за нос своих противников. Продувной мистификатор вежливо встречает чиновников, пришедших его арестовать, и внимательно рассматривает приказ об аресте. Да, все правильно. Разумеется, он и не думает противиться приказу его величества короля. Он только просит чиновников подождать немного в салоне, пока он приведет себя в порядок и уладит кое-какие мелочи, после чего он немедленно последует за ними. Выразив свою просьбу самым вежливым тоном, Фуше удаляется в соседнюю комнату. Чиновники почтительно ждут, пока он не кончит свой туалет, – нельзя же в самом деле схватить сановника, бывшего министра и сенатора, как воришку, за шиворот или надеть на него наручники. Некоторое время они почтительно ожидают, но наконец чиновникам начинает казаться, что им приходится ждать подозрительно долго. И так как Фуше все еще не возвращается, чиновники входят в соседнюю комнату, и тут обнаруживается – подлинно комедийная сцена в разгар политической суматохи, – что Фуше удрал. Совсем как в еще не существовавшем тогда кино, пятидесятишестилетний старик приставил к садовой стене лестницу и, пока полицейские почтительно дожидались его в салоне, с удивительной для его возраста ловкостью перебрался в соседний сад, принадлежавший королеве Гортензии¹³¹, откуда благополучно и скрылся. Вечером весь Париж смеется над ловкой шуткой. Конечно, долго это не может продолжаться, – герцог Отрантский слишком известен всему городу и не сможет долго скрываться. Но расчет Фуше и на этот раз верен – сейчас важно выиграть лишь несколько часов, королю и его приближенным приходится теперь думать о том, как бы спастись самим от приближающейся кавалерии Наполеона. В Тюильри поспешно укладывают чемоданы, и своим суровым приказом король добился лишь того, что Фуше теперь имеет публичное свидетельство своей (никогда в действительности не имевшей место) преданности Наполеону, в которую, впрочем, и император ни за что не поверит. Но Наполеон, узнав об удачном трюке этого политического акробата, невольно засмеялся и заметил не без восхищения: «Il est décidément plus malin qu'eux toils». (Он, конечно, самый продувной из них всех.)

8. Последняя борьба с Наполеоном (1815 – «Сто дней»)

¹³¹ Королева Гортензия – Гортензия Богарнэ (1783–1837), жена Луи Бонапарта, мать Наполеона III.

В полночь 19 марта 1815 года громадная площадь темна и безлюдна. Во двор дворца Тюильри въезжают двенадцать карет. Во дворце открывается потайная дверь, из нее, держа в поднятой руке факел, выходит лакей, за которым с трудом тащится, поддерживаемый двумя преданными приближенными, тучный, задыхающийся от астмы человек – Людовик XVIII. Всех присутствующих охватывает чувство жалости при виде немощного короля, который, едва вернувшись после пятнадцатилетнего изгнания, вынужден снова ненастной темной ночью бежать из своей страны. Большинство преклоняет колена, когда сажают в карету этого старика, которого дряхлость лишает достоинства, тогда как трагизм его положения трогает и потрясает. Лошади тронулись, остальные кареты последовали за первой, еще несколько минут слышно цоканье копыт по твердому гравию сопровождающего короля конного отряда. И снова до рассвета погружается громадное здание в тишину и мрак, – до утра 20 марта, первого из ста дней после возвращения с Эльбы императора Наполеона.

Прежде всего появляется любопытство. Дрожащими от сладострастья ноздрями обнюхивает оно дворец, чтобы узнать, спаслась ли спугнутая королевская дичь от императора. Пришли купцы, бездельники, фланеры. Одни со страхом, другие с радостью, в зависимости от темперамента и убеждений, передают они друг другу новости. К десяти часам собираются уже густые, напористые толпы. И так как лишь стечение народа придает мужество отдельным лицам, раздаются уже первые отчетливые возгласы: «Vive l'Empereur!» и «A bas le Roi!»¹³². Внезапно приближается отряд кавалеристов – это офицеры, получавшие в дни королевства половинное жалованье. Они чувствуют, что вместе с императором возвращается война, когда они снова станут нужны и будут получать полный оклад, награды, чины; под водительством Эксельмана они с шумным ликованием беспрепятственно занимают Тюильри (и так как смена властей совершается спокойно и бескровно, то курс ценных бумаг на бирже подымается). В полдень на старинном королевском замке без единого выстрела водружается трехцветный флаг.

Уже появились сотни рыцарей наживы, «верные слуги» императорского двора – придворные дамы, лакеи, камергеры, повара, прежние государственные советники и церемониймейстеры – все, кто потерял работу и заработок во время господства белых лилий, все те вновь испеченные дворяне, которых Наполеон извлек из обломков революции и которым он роздал придворные чины. Все в парадных костюмах – генералы, офицеры, дамы; снова сверкают бриллианты, сабли и ордена. Открываются покои, их приготавливают к приему нового повелителя; поспешно снимают королевские эмблемы, на шелке кресел снова сияет наполеоновская пчела, сменившая королевские лилии. Каждый торопится вовремя оказаться на своем месте и быть сразу отмеченным как «верноподданный». Наступает вечер. Словно для бала или большого приема, зажигают ливрейные лакеи канделябры и свечи; далеко, от самой Триумфальной арки виден свет в окнах дворца, ставшего вновь императорским, огни привлекают громадные толпы любопытных в сады Тюильри.

Наконец в девять часов вечера появляется мчащаяся галопом карета; справа, слева, спереди и сзади ее не то охраняют, не то сопровождают всадники самых разнообразных званий и чинов, восторженно размахивающие саблями (скоро они пустят их в ход против европейских армий). Из густой толпы, словно взрыв, раздается ликующий клич: «Vive l'Empereur!», отдаваясь в дребезжащих стеклах кареты. В едином порыве, словно мощная волна прибоем, ударяется толпа о карету; солдаты, обнажив сабли, вынуждены защищать императора от угрожающих его жизни выражений восторга. Они подымают его на руки и благоговейно несут свою священную добычу, великого бога войны, сквозь неистовствующую толпу вверх по лестнице, в старый дворец. На плечах своих солдат, с закрытыми от избытка-счастья глазами и странной улыбкой лунатика на устах, снова подымается на императорский трон Франции тот, кто еще двадцать дней тому назад был изгнанником, покинувшим Эльбу. Это последний триумф Наполеона Бонапарта. В последний раз переживает он такой необычайный подъем, такой сказочный перелет из мрака изгнания к высочайшим вершинам могущества. В последний раз раздается в его ушах, подобно шуму волнуемого моря, любимый возглас: «Да

¹³² «Да здравствует император!» и «Долой короля!» (фр.)

здравствует император!» Минуту, десять минут наслаждается он, с закрытыми глазами и смятенной душой, этим пьянящим хмелем власти. Затем приказывает закрыть двери дворца, велит офицерам удалиться и призвать министров: начинается работа. Он должен защищать то, что ему даровала судьба.

Густая толпа, наполнившая зал, ждет выхода вернувшегося императора. Но первый же взгляд приносит ему разочарование: ему остались верны не самые лучшие, не самые умные, не самые нужные. Он видит придворных и вежливых визитеров, просителей и любопытных – много мундиров и мало умов. Не явились, не объяснив причины, почти все великие маршалы; настоящие сотоварищи его возвышения; они остались в своих замках или перешли к королю, в лучшем случае они нейтральны, многие даже враждебны. Из министров отсутствует самый умный, самый ловкий – Талейран, из новоиспеченных королей – его родные братья и сестры, и прежде всего жена и сын. Среди собравшихся он видит много просящих и мало достойных; ликующие возгласы тысячной толпы еще волнуют кровь, но ясный, дальновидный ум Наполеона уже в самом триумфе предчувствует опасность.

Вдруг по дальним залам пробегает шепот, все возрастающий шепот удивления и радости, и люди в мундирах и расшитых фраках почтительно отступают, образуя проход. Подъехала карета, правда, с некоторым опозданием, и из нее выходит худой, бледный, хорошо известный всем герцог Отрантский; он явился, он не ждал, он предлагает свои услуги, однако не так назойливо, как эти мелкие придворные. Медленно, равнодушно, с полузакрытыми, непроницаемыми глазами шествует он, не отвечая на приветствия, по образовавшемуся проходу, и именно это всем хорошо известное, свойственное ему спокойствие вызывает восторг. «Дорогу герцогу Отрантскому!» – выкликают лакеи. Люди, знающие его ближе, выкрикивают немного по-другому: «Дорогу Фуше! Вот человек, в котором император нуждается сейчас больше всего!» Он избран, назначен, выдвинут общественным мнением, прежде чем император принял решение. Он явился не как проситель, а как власть имущий – величественный и важный; и действительно, Наполеон не заставляет его ждать; тотчас же приглашает он к себе самого старого из своих министров, самого верного из своих врагов. Об их беседе известно так же мало, как о беседе, происходившей тогда, когда Фуше помог бежавшему из Египта генералу стать консулом и заключил с ним союз неверной верности. Но когда час спустя Фуше выходит из покоев Наполеона, он уже снова его министр – в третий раз министр полиции.

Еще не высохла типографская краска на листах «Moniteur», извещавшего о назначении герцога Отрантского министром Наполеона, как уже оба, император и министр, втайне жалеют, что связались друг с другом. Фуше разочарован: он ждал большего. Невзрачная должность министра полиции уже давно не может удовлетворить холодное пламя его честолюбия. Назначение, которое в 1796 году явилось спасением и отличием для бывшего якобинца Жозефа Фуше, опального и изголодавшегося, теперь, в 1815 году, представляется снискавшему популярность, владеющему миллионами герцогу Отрантскому жалкой синекурой. Его самоуверенность возросла; теперь его уже увлекает только большая мировая игра, волнующий азарт европейской дипломатии, где игорным столом является Европа, а ставками – судьбы целых стран. Десять лет ему стоял поперек дороги единственный достойный сравняться с ним дипломат – Талейран; теперь, когда этот опаснейший соперник сделал ставку против Наполеона и собирает в Вене штыки всей Европы для борьбы с императором, Фуше считает себя единственным, кто вправе рассчитывать на должность министра иностранных дел. Однако Наполеон недоверчив – и не без оснований – и отказывается передать этот самый важный портфель в такие ловкие, слишком ловкие и потому ненадежные руки. Только министерство полиции, и то нехотя, подсовывает он Фуше; он знает: чтобы обезвредить опасное честолюбие Фуше, нужно бросить ему хоть крохи власти. Но и в пределах этого скромного ведомства Наполеон сажает шпиона, который должен следить за ненадежным министром, а злейшего врага Фуше, герцога Ровиго, назначает шефом жандармерии. И вот в первый же день их возрожденного союза возобновляется старая игра: Наполеон учреждает свою собственную

полицию для слежки за министром полиции, а Фуше по-прежнему за спиной Наполеона наряду с политикой императора проводит свою собственную политику. Оба обманывают друг друга, не скрывая своих карт; опять должно решиться, кто одержит верх: более сильный или более ловкий, пылкость или хладнокровие.

Неохотно принимает Фуше управление министерством. Однако он его все-таки принимает. Этот великолепный, страстный игрок имеет один трагический дефект: он не может оставаться в стороне, не может ни единого часа быть только зрителем мировой игры. Он должен постоянно держать в руках карты, должен сдавать, тасовать, передергивать, блефовать, крыть карты, противника и козырять. Ему необходимо всегда сидеть за столом – все равно за каким: за королевским ли, императорским или республиканским – лишь бы участвовать в игре, лишь бы *avoir la main dans la pate*, быть поближе к пирогу, все равно к какому. Лишь бы быть министром, безразлично в каком правительстве – в правом или в левом, при короле или при императоре, но лишь бы присосаться к власти. У него никогда не хватит ни нравственной, ни этической силы, ни гордости, ни даже просто выдержки, чтобы отказаться от брошенных ему объедков власти. Он всегда согласится принять должность, которую ему предлагают; ни люди, ни дело не имеют для него значения, весь интерес – в самой игре.

Неохотно принимает Наполеон к себе снова на службу Фуше. Уже десять лет знает он этого всегда идущего темными путями человека и уверен, что тот никому не служит, а всегда лишь отдается своей страсти к азарту. Он знает, что этот человек отбросит его, как труп дохлой кошки, и покинет в самый опасный момент, так же как он покинул и предал жирондистов, террористов, Робеспьера и термидорианцев, так же как он предал своего спасителя Барраса, Директорию, республику и консульство. Однако Фуше нужен Наполеону, или ему это только кажется, – так же как Наполеон привлек Фуше своей гениальностью, так Фуше привлекает Наполеона своими способностями. Отвергнуть его было бы смертельно опасно: сделать Фуше своим врагом в такой тревожный момент не решается даже Наполеон. Он избирает поэтому наименьшее зло – занять Фуше работой; облакая его правами и полномочиями, помешать ему быть неверным слугой. «Только от предателей я и слышал истину», – скажет впоследствии на острове св.Елены побежденный император, вспоминая Фуше. Даже в минуты крайнего озлобления он не теряет уважения к необыкновенным способностям этого дьявольского человека, ибо для гения нестерпимее всего, посредственность; и Наполеон, даже зная, что Фуше его обманывал, вместе с тем сознает, что тот его понимает. Как умирающий от жажды тянется за стаканом отравленной воды, так и Наполеон предпочитает услуги умного, хотя и ненадежного министра услугам министра верного, но недалекого. Десять лет ожесточенной вражды подчас непостижимее связывают людей, чем заурядная дружба.

Больше десяти лет служит Фуше Наполеону: министр – властелину, разум – гению; более десяти лет находится он под пятой Наполеона, подчиненный, побежденный. Но в 1815 году, в их последней схватке. Наполеон с самого начала оказывается слабейшим. Еще раз, в последний раз, испил он кубок пьянящей славы; словно на орлиных крыльях, судьба внезапно перенесла его с далекого острова на императорский трон. Посланные против него полки, в сотни раз превосходившие численностью его отряды, бросали оружие, едва завидев его плащ. Изгнанник, начавший свой поход с шестью сотнями солдат, за двадцать дней дошел, до Парижа, возглавляя уже целую армию, и под гром ликований снова почивает на ложе королей Франции. Но что за жестокое пробуждение наступает через несколько дней! Как быстро бледнеет фантастический сон перед лицом отрезвляющей действительности! Он снова император, но это лишь пустой звук, ибо мир, некогда им поработанный и ползавший у его ног, не признает больше своего господина. Он пишет письма и воззвания, полные страстных заверений в собственном миролюбии; их читают и улыбаются, пожимая плечами, даже не удостоивая ответом. Посланцев Наполеона к императору, Королям и великим князьям задерживают на границе, как контрабандистов, и бесцеремонно отправляют обратно. Одно-единственное письмо окольными, путями доходит до Вены – Меттерних бросает его нераспечатанным на стол в зале заседаний. Редуют ряды сторонников, старые друзья и товарищи рассеялись по всем направлениям –

Бертье¹³³, Бурьенн, Мюрат, Евгений Богарнэ¹³⁴, Бернадот, Ожеро¹³⁵, Талейран отсиживаются в своих имениях или находятся в свите его врагов. Тщетно пытается он обмануть себя и друзей; он приказывает великолепно обставить покои императрицы и римского короля, словно они собираются вернуться на следующий день; на самом же деле Мария-Луиза флиртует со своим чичисбеем¹³⁶ Нейпертом, а сын Наполеона играет в Шенбрунне¹³⁷ австрийскими оловянными солдатиками под строгим надзором императора Франца. И даже Франция не признает больше трехцветного знамени. Вспыхивают восстания на юге, на западе: крестьяне устали от постоянного набора рекрутов и стреляют в жандармов, которые должны снова реквизировать у крестьян лошадей для нужд артиллерии. На улицах расклеивают издевательские плакаты, пародирующие декреты Наполеона: «Пункт I. Ежегодно мне должны приносить в жертву для бойни триста тысяч человек. Пункт II. Если понадобится, я увеличу эту цифру до трех миллионов. Пункт III. Все эти жертвы будут посланы почтой на главную бойню». Нет сомнения, все стремятся к миру, и каждый благоразумный человек готов послать ко всем чертям вернувшегося на родину повелителя, если он не гарантирует мира. Но теперь, – как трагична его судьба, – когда воинственный император впервые жаждет покоя, при условии, что ему оставят власть, теперь-то ему никто и не верит. Честные буржуа, полные страха за сохранность своей ренты, не разделяют воодушевления офицеров, сидевших на половинном окладе, и профессиональных вояк, для которых мир означал застой в делах. И когда Наполеон, в силу необходимости, дарует им избирательные права, они тут же дают ему пощечину, избирая именно тех, кого он пятнадцать лет преследовал и держал в тени, – революционеров 1792 года Лафайета и Ланжине¹³⁸. Нигде не осталось союзников, в самой Франции мало твердых приверженцев; нет человека, с которым можно было бы посоветоваться в узком кругу. Недовольный и встревоженный, блуждает император по пустому дворцу. Нервы сдают, воля ослабевает: он то кричит, теряя самообладание, то впадает в тупую летаргию. Он теперь часто спит днем: не физическая, а душевная усталость, словно свинцовая тяжесть, день и ночь угнетает императора. Однажды Карно застает его в слезах перед портретом сына – римского короля; он жалуется приближенным, что его счастливая звезда закатилась. Игла внутреннего компаса показывает, что зенит успеха уже пройден, и беспокойно колеблется стрелка его воли от полюса к полюсу. Не надеясь на успех, готовый к любым соглашениям, вынужден наконец избалованный победами император вступить в войну. Но дух победы не витает больше над покорно поникшим челом.

Таков Наполеон в 1815 году, мнимый властелин, мнимый император, которому судьба ссудила призрачные одежды власти. Зато стоящий рядом с ним Фуше именно в это время

¹³³ *Бертье Луи Александр* (1753–1815) – наполеоновский маршал, в 1789 г. командовал Национальной гвардией в Версале, в 1796 г. – начальник штаба армии в Италии, затем, до 1814 г., начальник главного штаба. После падения Наполеона присягнул Людовику XVIII, во время «Ста дней» покончил с собой.

¹³⁴ *Евгений Богарнэ* (1781–1824) – сын Жозефины Богарнэ от первого брака, вице-король Италии в 1805–1813 гг.

¹³⁵ *Ожеро Пьер Франсуа Шарль* (1757–1816) – наполеоновский маршал. После падения Наполеона перешел на сторону Людовика XVIII, назначившего его пэром.

¹³⁶ *Чичисбей* (от ит. «cicisbeo») – в Италии постоянный спутник замужней дамы.

¹³⁷ *Сын Наполеона от Марии-Луизы* – Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт (1811–1832) – герцог Рейхштадтский. Отрекшись от власти в 1815 г., Наполеон провозгласил его императором, но он никогда не правил, жил при дворе своего деда – австрийского императора Франца I, затем служил в австрийских войсках и умер от чахотки.

¹³⁸ *Ланжине Жан Дени* (1755–1827) – депутат Учредительного собрания, член Конвента.

достиг расцвета своих сил. Закаленный клинок его разума, всегда прячущийся в ножнах коварства, не так срабатывается, как страсти, пребывающие в вечном круговороте. Никогда Фуше не был так ловок, так пронырлив, так изворотлив и дерзок, как в эти «Сто дней», в период возрождения и падения империи; не к Наполеону, а к нему обращены полные надежды взоры тех, кто ждет от него спасения. Все партии (редкое явление) оказывают этому министру больше доверия, чем самому императору. Людовик XVIII, республиканцы, роялисты, Лондон, Вена – все видят в Фуше единственного человека, с которым можно всерьез вести переговоры, и его расчетливый, холодный разум внушает усталому, жаждущему мира человечеству больше доверия, чем то вспыхивающий, то в смятении гаснущий гений Наполеона. Все те, кто отказывает «генералу Бонапарту» в титуле императора, с уважением относятся к личному кредиту Фуше. Те же границы, на которых бесцеремонно задерживают и арестовывают государственных агентов императорской Франции, словно по мановению волшебного жезла, открываются для тайных агентов герцога Отрантского. Веллингтон¹³⁹, Меттерних, Талейран, герцог Орлеанский, царь и короли – все они охотно и с величайшей вежливостью принимают эмиссаров Фуше, и тот, кто до сих пор всех обманывал, становится вдруг единственным честным игроком в мировой игре. Ему достаточно двинуть пальцем, и его воля претворяется в действие. Восстала Вандея, предстоит кровавая борьба – но достаточно Фуше отправить гонца, и путем переговоров он предотвращает гражданскую войну. «К чему, – говорит он с откровенной расчетливостью, – проливать сейчас французскую кровь? Еще несколько месяцев – и император либо победит, либо погибнет; зачем бороться за то, что, по всей видимости, попадет к вам в руки без кровопролития? Сложите оружие и ждите!» И тотчас же роялистские генералы, убежденные этими трезвыми, отнюдь не сентиментальными доводами, заключают желанный договор. Все – как за рубежом, так и внутри страны – прежде всего обращаются к Фуше, ни одно парламентское решение не принимается без его участия; беспомощно смотрит Наполеон, как его слуга парализует его руку повсюду, где ему хотелось бы нанести удар, как он использует против него выборы и с помощью республикански настроенного парламента ставит преграды его деспотической воле. Тщетно хочет Наполеон освободиться от Фуше – миновало то самодержавное время, когда герцога Отрантского можно было уволить, как неугодного слугу, назначив ему пенсию в несколько миллионов; теперь скорее министр может спихнуть с трона императора, чем император – герцога Отрантского с его министерского кресла.

Эти недели своевольной и вместе с тем продуманной, целенаправленной политики составляют самые совершенные страницы истории мировой дипломатии. Даже его личный противник, идеалистически настроенный Ламартин вынужден отдать должное макиавеллистическому гению Фуше. «Нужно признать, – пишет он, – что в те дни Фуше, играя свою роль, проявил редкую смелость и стойкую неустрашимость. Из-за своих козней он ежедневно рисковал головой и мог бы в любую минуту пасть жертвой гордости или гнева, пробудившихся в груди Наполеона. Из всех уцелевших со времени Конвента он один сохранил свою энергию и не утратил свою отвагу. Будучи зажат благодаря своей смелой игре в жестокие тиски между нарождающейся тиранией и воскресающей свободой, с одной стороны, и между Наполеоном, приносившим в жертву своим личным интересам интересы отечества, и Францией, не желавшей идти на гибель ради одного человека, с другой стороны, Фуше запугивал императора, льстил республиканцам, успокаивал Францию, подмигивал Европе, улыбался Людовику XVIII, вел переговоры с европейскими дворами и политическую игру с господином Талейраном и своим поведением поддерживал общее равновесие; это была необычайно трудная, столь же низкая, сколь и возвышенная, и, во всяком случае, грандиозная роль, которой история и поныне не уделила должного внимания. Роль, не отличающаяся благородством, но не лишенная любви к отечеству и героизма, роль, в которой подданный поднялся до уровня своего повелителя, министр превзошел властелина. Играя эту роль, Фуше стал благодаря своему двуличию третейским судьей между империей. Реставрацией и

¹³⁹ *Веллингтон Артур Уэсли* (1769–1852) – английский фельдмаршал (с 1813 г.), командовал союзными войсками на Пиренейском полуострове (1808–1813) и англо-голландской армией при Ватерлоо.

свободой. История, осуждая Фуше, должна будет признать его смелость в эпоху «Ста дней», его превосходство перед всеми партиями и такое величие его интриг, которые должны были бы поставить его в ряд с самыми выдающимися государственными деятелями, века, если бы могли существовать подлинные государственные деятели без достойного характера и добродетелей».

Так пронизательно судит Ламартин, поэт и государственный деятель, живший в эпоху, еще непосредственно дышавшую воздухом тех лет. Легенда о Наполеоне, сотворенная пятьдесят лет спустя, когда тела десяти миллионов убитых обратились в прах, всех калек уже похоронили, а раны, нанесенные Европе, были залечены, судит о Фуше, конечно, более строго и несправедливо. Каждая героическая легенда представляет собой что-то вроде духовного тыла истории, и, как всякий тыл, она очень легко относится ко всему тому, от чего сама не страдает: к бесчисленным человеческим жертвам, к слепому самопожертвованию, даже к безумству героически гибнущих смельчаков и их бессмысленной верности. Наполеоновская легенда, прибегающая лишь к черной и белой краске, признает только «верных соратников» и «предателей» своего героя; она не отличает Наполеона – консула, который при помощи благоразумных и энергичных мер водворил мир и порядок в своей стране, от Наполеона, одержимого цезаристским безумием, для которого война стала манией и который во имя жажды личной власти беспощадно ввергал мир в кровопролитные авантюры и сказал Меттерниху слова, достойные Тамерлана: «Такому человеку, как я, наплевать на миллион жизней». И каждого здравомыслящего француза, пытавшегося противопоставить разумную умеренность безграничному честолюбию одержимого демоном императора, слепо бросавшегося навстречу своей гибели, каждого, кто не приковывал себя раболепно и подобострастно, забыв обо всем на свете, к его колеснице Джаггернаута – Талейрана, Бурьенна, Мюрата, – всех эта легенда с дантовой суровостью ввергает в ад, и Фуше предстает в ней как предатель из предателей, *advocatus diaboli*¹⁴⁰. Согласно легенде, Фуше в 1815 году снова вступил в министерство только для того, чтобы, заранее продавшись Людовику XVIII и европейским державам, приблизиться к императору и, уловив момент, нанести ему удар в спину. Утверждают, будто он уже 20 марта, при отъезде короля, велел передать монархистам: «Спасайте короля, уж я берусь спасти монархию» – и, принимая министерский портфель, доверился своему Санчо Пансе: «Мой главный долг – противодействовать всем планам императора; через три месяца я буду сильнее его, и если до тех пор он не прикажет расстрелять меня, я поставлю его на колени». Это предсказание, к сожалению, датировано настолько точно, что не может не быть придуманным *a posteriori*¹⁴¹.

Но предполагать, что Фуше вступил в министерство, уже являясь сторонником Людовика XVIII, в качестве подкупленного им шпиона, значит очень уж недооценивать этого человека и не понимать его великолепного в своей психологической сложности, таинственно демонического характера. Дело не в том, что Фуше, этот совершенно аморальный макиавеллист, не был способен при случае совершить подобное, как и вообще любое, предательство, нет, но такая подлость была слишком проста, слишком малопривлекательна для этого азартного и отважного игрока. Просто обманывать одного человека, хотя бы то был и Наполеон, не в его натуре: обманывать всех – вот его единственное наслаждение, не внушать никому полной уверенности и каждому давать посулы, играть одновременно за все партии и против всех партий, никогда не действовать по заранее намеченному плану, а всегда лишь по интуиции, быть Протеем, богом превращений. Воодушевить этого страстного дипломата может не роль прямолинейного интригана – Франца Моора или Ричарда III, а только блистательная изменчивость, изумляющая даже его самого. Он любит препятствия ради самих препятствий, он искусственно вдвое, вчетверо, увеличивает их. Он предавал не однажды, а множество раз, он прирожденный предатель – предатель всегда и во всем. И Наполеон, знавший его лучше всех, вспоминая о нем на острове св.Елены, высказал по-настоящему глубокую мысль: «Я знал

¹⁴⁰ адвокат дьявола (*лат.*)

¹⁴¹ впоследствии (*лат.*)

только одного действительно совершенного предателя: то был Фуше». Он был совершенным, а не случайным предателем, гением предательства, для которого предательство являлось не столько политикой и тактикой, сколько основной особенностью его существа. И лучше всего можно понять Фуше, сравнив его с прославившимися во время последней войны шпионами-двойниками, которые передавали вражеским державам одни тайны с целью выведать у них другие, более ценные. При этой двусторонней передаче сведений они в конце концов сами переставали понимать, какой державе служат, оплачиваемые обеими сторонами и не храня верности ни одной из них, преданные лишь самой игре, двурушнической игре на обе стороны, находя в состоянии такой междумочности почти сверхъестественное, дьявольски опасное удовольствие. И только тогда, когда окончательно перевешивает одна чаша весов, страсть игрока уступает место рассудку, который озабочен получением барыша. Лишь когда победа уже предрешена, определяет Фуше свою позицию; так было в Конвенте, при Директории, в период консульства и в дни империи. Пока идет борьба, он не связан ни с кем; когда борьба окончена, он всегда с победителем. Если бы Груши¹⁴² пришел вовремя, Фуше стал бы (по крайней мере на некоторое время) преданным министром Наполеона. Но так как Наполеон проиграл сражение, Фуше не мешает его падению и сам отпадает от него. И не в оправдание себе высказался он с присущим ему цинизмом по поводу позиции, которую он занимал в течение «Ста дней»: «Не я предал Наполеона, а Ватерлоо».

Конечно, нетрудно представить, что Наполеона приводила в бешенство эта двойная игра его министра. Ведь он знал, что теперь на карту была поставлена его собственная голова. Снова, как десять лет тому назад, входит каждое утро в кабинет Наполеона этот худощавый, сухопарый человек с бледным, бескровным лицом, одетый в темный сюртук, расшитый пальмовыми ветвями, и представляет доклад – великолепное, ясное, неопровержимое изложение состояния дел. Никто иной не смог бы дать лучший обзор событий, никто не сумел бы яснее изложить ход мировой политики, во все проникнуть, все увидеть: так чувствует Наполеон, этот проницательнейший ум. И вместе с тем император догадывается, что Фуше не говорит ему всего, что знает. Ему известно, что к герцогу Отрантскому являются гонцы из других государств, что утром, днем и ночью его министр принимает за запертой дверью подозрительных роялистских агентов, что он ведет переговоры и заводит сношения, о которых ему, императору, ни слова не говорит. Но делается ли это, как хочет уверить его Фуше, лишь для получения информации, или это завязываются тайные интриги? Эта неуверенность ужасна для затравленного, окруженного сотнями врагов императора. Тщетно он то дружелюбно расспрашивает Фуше, то убедительно предостерегает его, то осыпает грубыми подозрениями: по-прежнему непоколебимо сжаты тонкие губы министра и ничего не выражают его словно стеклянные глаза. К Фуше не подобрешься, у него не вырвешь его тайну. И Наполеон лихорадочно размышляет: как поймать его? Как узнать наконец, кто предан этим человеком, которому открыты все карты, – он или его враги? Как словить его, неуловимого, как проникнуть в него, непроницаемого?

Но вот наконец спасение! Найден след, и не один, почти доказательство. В апреле тайная полиция, которой император специально поручил следить за своим министром полиции, узнает, что из Вены, под видом служащего венской банкирской конторы, прибыл неизвестный и прямо отправился к герцогу Отрантскому. Посланца выслеживают, арестовывают, разумеется, без ведома министра полиции Фуше, и приводят в один из елисейских павильонов к Наполеону. Там ему угрожают немедленным расстрелом и продолжают запугивать до тех пор, пока он наконец не сознается, что привез для Фуше послание от Меттерниха, написанное симпатическими чернилами, в котором предлагается организовать в Базеле совещание доверенных лиц. Наполеон в бешенстве; письма такого рода от вражеского министра к его собственному министру равнозначны государственной измене. Первое побуждение Наполеона вполне естественно: немедленно арестовать неверного слугу и опечатать его бумаги. Но

¹⁴² *Груши* (1768–1847) – маршал Франции, участник всех наполеоновских походов. Приняв неверное решение, не подоспел на помощь Наполеону, что определило исход битвы при Ватерлоо.

приближенные отговаривают его от этого – прямых доказательств пока еще нет, и, зная неоднократно испытанную осторожность герцога Отрантского, можно не сомневаться, что в бумагах не удастся обнаружить следов его проделок. И император решает прежде всего испытать преданность Фуше. Он приглашает его к себе и с непривычным для него притворством, которому он научился у собственного министра, расспрашивая об общем положении дел, справляется о возможности вступить в переговоры с Австриец. Фуше, не подозревая, что его посланец давно все выболтал, ни единым словом не упоминает о письме Меттерниха; притворившись равнодушным, император отпускает своего министра, совершенно убежденный в его предательстве. Но чтобы окончательно обличить Фуше, он – несмотря на свое возмущение – инсценирует тонко придуманную комедию со всеми квипрокво мольеровской пьесы. Через агента раз узнают пароль для встречи с посредником Меттерниха. Император посылает своего доверенного, который должен выступить в роли доверенного Фуше: австрийский агент, несомненно, выдаст ему все, и тогда наконец император не только убедится в предательстве Фуше, но и узнает, до каких размеров дошло это предательство. В тот же вечер посланец Наполеона уезжает; через два дня Фуше будет обличен и попадет в собственный капкан.

Однако как быстро ни протянешь руку за угрем или змеей, поймать невооруженной рукой холоднокровное животное невозможно. В комедии, которую ставит император, имеется, как в каждой настоящей комической пьесе, встречное действие, как бы двойное дно. Если Наполеон содержит за спиной Фуше тайную полицию, то и Фуше имеет за спиной Наполеона подкупленных писцов и тайных доносчиков: его лазутчики работают не менее-проворно, чем шпионы императора. В тот самый день, когда агент Наполеона, играющий роль посланца Фуше, отправился в Базель, в гостиницу «Трех королей», Фуше уже узнал о грозящей ему опасности, – кто-то из «доверенных» Наполеона сообщил ему о предстоящей комедии. И на следующее утро Фуше, которого хотели застать врасплох, делая свой обычный доклад, сам поражает своего повелителя. Посреди разговора он, внезапно хлопнув себя по лбу с видом человека, вспомнившего еще об одной совсем незначительной мелочи, сообщает: «Ах да, сир, за более важными делами я забыл вам сказать, что получил письмо от Меттерниха. Но его посланец не передал мне порошка, необходимого для расшифровки депеши, и я предположил сначала, что это было какой-то мистификацией, так что я только сегодня смог вам об этом доложить».

Но тут уж император не выдерживает. «Вы предатель, Фуше, мне следовало приказать вас повесить!».

«Не разделяю вашего мнения, ваше величество», – холодно отвечает невозмутимейший, спокойнейший из всех министров.

Наполеон дрожит от гнева. С помощью этого преждевременного признания снова выскользнул у него из рук этот Фра-Дьяволо¹⁴³. Агент же, который через два дня принес ему сведения о переговорах в Базеле, сообщил мало определенного и много неприятного. Мало определенного, ибо по поведению австрийского агента, можно заключить, что осторожный Фуше слишком хитер, чтобы явно связаться с врагами, он лишь ведет за спиной повелителя свою излюбленную игру, сохраняя за собой все возможности. Но и много неприятных вестей привез посланец, а именно – державы согласны, чтобы во Франция был любой государственный строй, но только не империя Наполеона Бонапарта. Яростно закусывает император губы. Его ударная сила сломлена. Он хотел тайно, с тыла поразить скрывающегося в тени Фуше, но в этой дуэли, из тьмы, ему самому нанесена смертельная рана.

Решительный момент благодаря уловке Фуше пропущен, Наполеон Это знает. «Его предательство – как на ладони, – говорит он своим приближенным, – я жалею, что не выгнал его, прежде чем он сообщил мне о своей переписке с Меттернихом. Теперь момент упущен и

¹⁴³ *Фра-Дьяволо* – знаменитый предводитель шайки разбойников в Италии Микеле Пеода (1771–1806). Во время захвата французами Неаполя (1799) поднял на борьбу всю Калабрию, за что ему были прощены все прежние преступления. Однако позднее он был схвачен французами и казнен.

нет предлога для расправы с ним; он заявит во всеуслышание, что я тиран, жертвующий всем во имя своей подозрительности». С полной ясностью сознает император свое поражение, но он продолжает бороться до последней минуты, в надежде перетянуть двуликого на свою сторону или заставить его наконец врасплах и раздавить. Он прибегает ко всем средствам. Пускает в ход доверчивость, любезность, снисходительность и Осторожность, но его могучая воля беспомощно отскакивает от граней этого холодного, со всех сторон превосходно отшлифованного камня: алмазы можно расколоть или выбросить, но не пробуравить. Наконец истерзанный подозрениями император теряет терпение.

Карно рассказывает о драматической сцене, в которой обнаруживается бессилие императора побороть своего мучителя. «Вы меня предаете, герцог Отрантский, у меня есть доказательства, – бросает Наполеон однажды во время заседания совета министров как всегда невозмутимому Фуше и, схватив нож из слоновой кости, кричит: – Возьмите этот нож и вонзите в мою грудь, это будет честнее того, что вы проделываете. Я мог бы расстрелять вас, и весь мир одобрил бы этот акт. А если вы спросите, почему я этого не делаю, я отвечу, что слишком презираю вас, что в моих глазах вы ничтожество!» Всем ясно, что подозрительность Наполеона перешла в бешенство, а страдание – в ненависть. Он никогда не забудет, что этот человек осмелился так провоцировать его, и Фуше это знает. Но он спокойно высчитывает жалкие возможности власти императора. «Через месяц с этим бешеным будет покончено», – уверенно и презрительно говорит он своему другу. Поэтому он и не помышляет теперь о союзе – после решающего сражения один из них должен уйти: Наполеон или Фуше. Он знает (Наполеон объявил об этом), что первое же известие о победе на полях сражения принесет ему увольнение, а быть может, и приказ об аресте. И вот стрелки часов одним рывком возвращаются на двадцать лет назад, к 1793 году, к тем дням, когда самый могущественный человек своего времени, Робеспьер, решительно заявил, что через две недели должна скатиться с плеч чья-нибудь голова – его или Фуше. Но герцог Отрантский приобрел за эти годы самоуверенность. В сознании своего, превосходства напоминает он другу, который предостерегает его от гнева Наполеона, угрозу Робеспьера и, улыбаясь, присовокупляет: «Но пала его голова».

18 июня внезапно загремели пушки перед Домом Инвалидов. Население Парижа радостно встрепенулось. За последние пятнадцать лет оно научилось узнавать этот медный голос. Одержана победа, сражение выиграно, полное поражение армии Блюхера и Веллингтона – сообщает «Moniteur». Восторженные толпы наводняют бульвары, всеобщее настроение, еще несколько дней тому назад неустойчивое, проявляется вдруг в восторженном выражении верноподданнических чувств императору. Только чувствительнейший термометр – рента – падает на четыре пункта, ибо каждая победа Наполеона означает затяжку войны. И лишь один человек, быть может, трепещет в глубине души при этих медных звуках – это Фуше. Ему победа деспота может стоить головы.

Но трагическая ирония судьбы – в тот час, когда в Париже салютуют французские пушки, английские пушки при Ватерлоо уже разгромили пехоту и гвардию Наполеона, и в то время как в ничего не подозревающей столице устраивают иллюминацию, кони прусской кавалерии, подымая вихри пыли, гонят перед собой последние жалкие остатки бегущей армии.

Еще день длится ослепление не подозревающего правды Парижа. Только двадцатого просачиваются в город страшные вести. Бледные, с дрожащими губами, передают парижане друг другу тревожные слухи. В комнатах, на улице, на бирже, в казармах – везде шепчутся и говорят о катастрофе, несмотря на упорное молчание газет. Наконец об этом начинают говорить все жители внезапно оробевшей столицы, они сомневаются, негодуют, жалуются и надеются.

Но только один человек действует: Фуше. Едва получив (конечно, раньше других) известие о Ватерлоо, он уже смотрит на Наполеона как на труп, который необходимо как можно скорее убрать со своего пути. И он тотчас же берется за лопату, чтобы вырыть ему могилу. Он немедленно пишет герцогу Веллингтону, чтобы сразу установить контакт с

победителем; одновременно с беспримерной психологической прозорливостью он предостерегает депутатов, что Наполеон в первую очередь попытается всех их отправить по домам. «Он вернется рассвирепевшим и немедленно потребует диктатуры». Необходимо заранее сунуть ему палки в колеса! К вечеру парламент уже подготовлен, совет министров восстановлен против императора, последняя возможность снова захватить власть выбита из рук Наполеона – и все это прежде, чем он успел ступить ногой в Париж. Теперь хозяином положения является не Наполеон Бонапарт, а наконец, наконец-то Жозеф Фуше.

Перед самым рассветом, укрытая черной мантией ночи, словно траурным покрывалом, плохонькая коляска (собственную коляску Наполеона захватил Блюхер вместе с императорской казной, саблей и бумагами) въезжает в Париж, направляясь к Елисейским полям. Тот, кто шесть дней тому назад в своем приказе по армии высокопарно писал: «Для каждого француза, обладающего мужеством, настал час победить или умереть», сам не победил и не умер, но зато ради него при Ватерлоо и Линьи погибло еще шестьдесят тысяч человек. Теперь он поспешно, как некогда из Египта и из России, вернулся домой, чтобы удержать власть: он нарочно велел ехать помедленнее, чтобы прибыть в Париж тайно, под покровом темноты. И вместо того чтобы прямо направиться в Тюильри, в свой императорский дворец, и предстать перед народными депутатами Франции, он успокаивает свои расстроенные нервы в маленьком, отдаленном Елисейском дворце.

Усталый, разбитый человек выходит из коляски, бормоча бессвязные, бессмысленные слова, подыскивая запоздалые объяснения и пытаясь извинить неизбежное. Горячая ванна приводит Наполеона в себя, лишь после этого сзывает он Совет. Взволнованно, испытывая и гнев и сострадание, только внешне почтительно слушают советники несвязные, бредовые речи побежденного императора, который снова фантазирует о стотысячной армии, о реквизиции дорогих выездных лошадей и доказывает им (прекрасно знающим, что и ста человек не выжать больше из обескровленной страны), что в две недели он противопоставит союзным державам двухсоттысячное войско. Министры, среди них и Фуше, стоят с поникшими головами. Они знают, что эти бредовые речи – последние судороги грандиозной жажды власти, все еще не угасшей в этом гиганте. Как и предсказывал Фуше, он требует диктатуры – передачи всей власти, и военной и политической, в одни руки, в его руки, и, быть может, он требует диктатуры лишь для того, чтобы министры отказали ему в ней, чтобы впоследствии, перед лицом истории, он мог свалить на них вину и сказать, что его лишили последней возможности одержать победу (современность знает аналогичные случаи при подобных поворотах истории).

Но все министры высказываются осторожно, каждый стыдится причинить резким словом боль этому страдающему, лихорадочно бредящему человеку. Только Фуше уже незачем говорить. Он молчит, потому что давно уже начал действовать и принял все меры к тому, чтобы отразить последнюю атаку Наполеона на власть. С деловитым любопытством врача, который наблюдает спокойно и пытливо агонию умирающего, заранее высчитывая, когда остановится пульс и организм перестанет бороться, он без сострадания слушает эти пустые бредовые речи: ни одного слова не слетает с его тонких бескровных уст. *Moribundus*¹⁴⁴, он обречен, безнадежен, какое же значение могут иметь его речи, полные отчаяния! Он знает: пока император опьяняется своими навязчивыми фантазиями, стараясь опьянить и других, в тысяче шагов от Елисейского дворца, в Тюильри, собрание Совета с немилосердной логикой послушно принимает решения согласно его, Фуше, приказу и воле.

Он сам, правда, так же как и 9 термидора и 21 июня, не появляется в собрании депутатов. Он во мраке подтянул свои батареи, наметил план сражения, выбрал для атаки подходящую минуту и подходящего человека – трагического, почти гротескного противника Наполеона, Лафайета, – и этого достаточно. Молодой дворянин, вернувшийся на родину четверть века тому назад героем американской освободительной войны, овеянный славой в двух частях света,

¹⁴⁴ умирающий, обреченный на смерть (*лат.*)

знаменосец революции, пионер новых идей, любимец своего народа, Лафайет рано, слишком рано познал упоение властью. И вдруг из спальни Барраса является какое-то ничтожество, коротышка корсиканец, лейтенант в потрепанной шинели и стоптанных сапогах, и в течение двух лет завладевает всем, что он, Лафайет, построил и чему положил начало, похитив у него и власть и славу. Подобные вещи не забываются. Обиженный дворянин, затаив в сердце злобу, живет в имении, в то время как облаченный в роскошную мантию императора корсиканец принимает поклонение европейских князей и устанавливает новый, более суровый, деспотизм гения вместо бывшего деспотизма дворянства. Ни единого луча благоволения не бросает это восходящее светило на отдаленное поместье, и, когда маркиз Лафайет в своем скромном костюме приезжает однажды в Париж, этот выскочка почти не обращает на него внимания; расшитые золотом сюртуки генералов, мундиры новоиспеченных в кровавой каше маршалов сверкают ярче, чем его уже покрывавшаяся пылью слава. Лафайет забыт, никто за двадцать лет не называет его имени. Волосы его седеют, некогда мужественно стройный, он похудел и высох, и никто не призывает его ни в армию, ни в сенат; ему презрительно позволяют сажать розы и картофель в Лагранже. Нет, честолюбец такого не забывает. И когда в 1815 году народ, вспомнив о революции, снова избирает своего прежнего любимца в парламент и Наполеон вынужден обратиться к нему с речью, Лафайет отвечает холодно и уклончиво – он слишком горд, слишком честен и правдив, чтобы скрывать свою враждебность.

Но теперь, подталкиваемый сзади Фуше, он выступает вперед; долго накопившаяся ненависть со стороны кажется едва ли не мудростью и силой. И опять с трибуны звучит голос старого знаменосца революции: «Снова, после долгих лет молчания, подымая свой голос, который будет узан старыми друзьями свободы, я вынужден напомнить вам об опасности, грозящей родине, спасти которую всецело в вашей власти». Впервые прозвучало опять слово свободы, и в этот миг оно означает освобождение от Наполеона. Лафайет предлагает заранее отвергнуть всякую попытку распустить палату и снова произвести государственный переворот; с восторгом принимается решение объявить народное представительство несменяемым и считать изменником родины всякого, кто сделает попытку его распустить.

Нетрудно отгадать, кому адресовано это суровое предупреждение, и, едва узнав о нем, Наполеон ощущает удар нанесенной ему пощечины. «Мне следовало разогнать их перед моим отъездом, – говорил он в бешенстве, – теперь уже поздно». В действительности еще не все погибло и еще не поздно. Он мог бы еще одним росчерком пера, подписав отречение, спасти для своего сына императорскую корону, а для себя – свободу; он мог бы еще сделать тысячу шагов, отделяющих Елисейский дворец от зала заседаний, и там, используя свое личное влияние, навязать свою волю этому стаду баранов. Но в мировой истории всегда повторяется одно поразительное явление: именно самые энергичные люди в наиболее ответственные минуты оказываются скованными странной нерешительностью, похожей на духовный паралич. Валленштейн перед своим падением, Робеспьер в ночь на 9 термидора – так же как и полководцы последней войны – именно тогда, когда даже излишняя поспешность явилась бы меньшей ошибкой, обнаруживают роковую нерешительность. Наполеон ведет переговоры и спорит с несколькими министрами, которые его равнодушно выслушивают; он бессмысленно осуждает ошибки прошлого в тот час, который должен решить его будущее: он обвиняет, он фантазирует, он выжимает из себя пафос – настоящий и поддельный, – но не обнаруживает ни малейшего мужества. Он разговаривает, а не действует. И точно так же, как 18 брюмера – словно история могла когда-нибудь повториться в пределах одной жизни и словно аналогия не была всегда в политике самой опасной ошибкой, – он посылает в парламент вместо себя ораторствовать своего брата Люсьена, пытаясь перетянуть на свою сторону депутатов. Но в те дни на стороне Люсьена были в качестве красноречивого помощника победы брата и его сообщниками – мускулистые гренадеры и энергичные генералы. Кроме того (об этом Наполеон роковым образом забыл), в течение этих пятнадцати лет погибло десять миллионов человек. И потому, когда Люсьен, взойдя на трибуну, обвиняет французский народ в неблагодарности и нежелании защищать дело его брата, в Лафайете внезапно вспыхивает так долго подавляемый гнев разочарованной нации против ее палача, и он произносит незабываемые слова, которые, подобно искре, брошенной в пороховой погреб, одним ударом разрушают все надежды

Наполеона. «Как, – обрушивается он на Люсьена, – вы осмеливаетесь бросать нам упрек, что мы недостаточно сделали для вашего брата? Вы разве забыли, что кости наших сыновей и братьев свидетельствуют повсюду о нашей верности? В пустынях Африки, на берегах Гвадалквивира и Тахо, близ Вислы и на ледяных полях Москвы за эти десять с лишним лет погибли ради одного человека три миллиона французов! Ради человека, который еще и сегодня хочет проливать нашу кровь в борьбе с Европой! Это много, слишком много для одного человека! Теперь наш долг – спасти отечество». Бурное и всеобщее одобрение должно было бы убедить Наполеона, что настал последний час добровольного отречения. Но, должно быть, на земле нет ничего белее трудного, чем отречение от власти. Наполеон медлит. Это промедление стоит его сыну империи, а ему – свободы.

Фуше теряет наконец терпение. Если неудобный человек не хочет уходить добровольно, то долой его! Надо только быстро и хорошо приладить рычаг, и тогда рухнет даже такое колоссальное обаяние. Ночью он обрабатывает преданных ему депутатов, и на следующее же утро палата повелительно требует отречения. Но и это кажется недостаточно ясным для того, чью кровь волнует жажда могущества. Наполеон все еще ведет переговоры, пока, по настоянию Фуше, Лафайет не произносит решающих слов: «Если он будет медлить с отречением, я предложу свержение».

Повелителю мира дают один час для почетного ухода, для окончательного отречения, но он использует его не как политик, а как актер – так же, как в 1814 году в Фонтенбло, перед своими генералами. «Как, – восклицает он возмущенно, – насилие? В таком случае я не отрекусь. Палата – всего лишь сборище якобинцев и честолюбцев, которых мне следовало разоблачить перед лицом нации и разогнать. Но потерянное время еще можно наверстать!» На самом же деле он хочет, чтобы его попросили еще настойчивее и чтобы, таким образом, жертва казалась еще значительнее; и действительно; министры почтительно уговаривают его, как в 1814 году уговаривали его генералы. Один Фуше молчит. Одно известие следует за другим, стрелка часов неумолимо ползет вперед. Наконец император бросает взгляд на Фуше, взгляд, как рассказывают свидетели, полный насмешки и страстной ненависти. «Напишите этим господам, – приказывает он ему презрительно, – чтобы они успокоились, я удовлетворю их желание». Фуше тотчас набрасывает карандашом несколько слов своим подручным в палате, извещая, что в ударе ослиным копытом более нет нужды, а Наполеон уходит в отдельную комнату, чтобы продиктовать своему брату Люсьену текст отречения.

Через несколько минут Наполеон возвращается в главный кабинет. Кому же передать столь значительный документ? Какая страшная ирония! Именно тому, кто принудил его подписать отречение и кто стоит теперь перед ним неподвижно, как Гермес, неумолимый вестник. Император безмолвно вручает ему бумагу, Фуше безмолвно принимает с трудом добытый документ и кланяется.

Это был его последний поклон Наполеону.

На заседании палаты Фуше, герцог Отрантский, отсутствовал. Теперь, когда победа одержана, он входит и медленно подымается по ступеням, держа в руках всемирно-исторический документ. Вероятно, в эту минуту его узкая, жесткая рука интригана дрожала от гордости – ведь он вторично победил сильнейшего человека Франции, и этот день 22 июня для него так же важен, как 9 термидора. При всеобщем гробовом молчании, оставаясь холодным и неподвижным, бросает он, словно бумажные цветы на свежую могилу, несколько прощальных слов своему бывшему повелителю. И больше никаких сентиментальностей! Не для того выбита власть из рук этого гиганта, чтобы, валяясь на земле, она могла стать добычей любого ловкача. Нужно самому завладеть ею, использовав минуту, к которой он стремился столько лет. Фуше вносит предложение немедленно избрать временное правительство – директорию из пяти человек, – уверенный, что теперь-то он наконец будет избран. Однако еще раз ему угрожает опасность, что свобода действий, к которой он так долго стремился,

ускользнет из его рук. Правда, ему удастся при голосовании коварно подставить ножку опаснейшему конкуренту, Лафайету, который своей прямоотой и республиканской убежденностью, действуя как таран, оказал ему незаменимую услугу. Однако при первом подсчете Карно получил, 324 голоса, а Фуше только 293, так что пост председателя во вновь созданном временном правительстве принадлежит, несомненно, Карно.

Но в эту решающую минуту, отделенный всего одним дюймом от предмета своих желаний, Фуше, как опытный азартный игрок, делает еще один из своих самых поразительных и подлых ходов. Согласно результатам голосования, место председателя принадлежит Карно, а ему, Фуше, придется и в этом правительстве быть только вторым, между тем как он жаждет быть наконец первым и стать неограниченным повелителем. Тогда он прибегает к утонченной хитрости: едва собрался Совет пяти и Карно собирается занять принадлежащее ему по праву председательское кресло, Фуше, делая вид, что это в порядке вещей, предлагает своим коллегам сорганизоваться. «Что вы под этим подразумеваете?» – спрашивает изумленный Карно. «Это значит, – наивно отвечает Фуше, – избрать председателя и секретаря». И с фальшивой скромностью добавляет: «Разумеется, я отдам свой голос за то, чтобы председателем были вы». Карно, не замечая подвоха, вежливо отвечает: «А я проголосую за вас». Но два других члена Директории уже втихомолку завербованы Фуше; таким образом, он имеет три голоса против двух, и, прежде чем Карно сообразил, что его одурачили, Фуше уже сидит в председательском кресле. После Наполеона и Лафайета ему удалось перехитрить и Карно, и вместо этого популярнейшего человека властителем судеб Франции оказывается пройдоха Жозеф Фуше.

В течение пяти дней, с 13 до 18 июня, потерял свою власть император, в течение пяти дней, с 17 до 22 июня, ею завладел Фуше; отныне он уже не слуга, а – впервые – неограниченный повелитель Франции, он свободен, божественно свободен, ведя свою любимую сложную игру в мировую политику.

Первая осуществленная им мера – долой императора! Даже тень Наполеона гнетет Фуше, и точно так же, как стоявший у власти Наполеон не был спокоен, пока этот непостижимый Фуше находился в Париже, так и Фуше не может свободно дышать, пока пространство в несколько тысяч миль не отделяет его от серого плаща. Фуше избегает говорить с Наполеоном лично, к чему быть сентиментальным? Он посылает ему предписания, слегка покрытые розовым налетом благожелательства. Но вскоре он срывает и этот бледный покров вежливости и беспощадно дает почувствовать поверженному императору его бессилие. Высокопарное воззвание, с которым Наполеон хотел обратиться на прощание к своей армии, просто-напросто брошено в корзину для мусора; тщетно ищет в недоумении на следующее утро Наполеон обращение «Moniteur»: Фуше запретил его печатать. Фуше запрещает императору! Наполеону еще кажется невероятной та безграничная дерзость, с какой обращается с ним его бывший слуга, но с каждым часом настойчивее и откровеннее становятся удары, которыми преследует его эта жесткая рука, пока он наконец не переезжает в Мальмезон. Однако, забравшись туда, он упирается. Он не хочет двигаться дальше, хотя уже приближаются драгуны армии Блюхера, хотя Фуше с каждым часом все суровее понуждает его быть благоразумным и уезжать. Чем явственнее ощущает Наполеон свое падение, тем судорожнее цепляется он за власть. В конце концов, когда дорожная карета уже ждет во дворе, у него является мысль сделать еще один величественный жест – он, император, просит разрешения стать в качестве простого генерала во главе войск, чтобы снова одержать победу или пасть. Но Фуше, трезвый Фуше не может воспринять всерьез такое романтическое предложение. «Этот человек, должно быть, издевается над нами! – гневно восклицает он. – Его присутствие во главе армии явилось бы лишь новым вызовом Европе, и не таков характер Наполеона, чтобы можно было поверить в его безразличие к власти».

Фуше грубо отчитывает генерала за то, что тот вообще осмелился передать ему подобное послание, вместо того чтобы увезти императора, и приказывает немедленно позаботиться об отъезде этого человека. Самого Наполеона он вообще не удостоивает ответом. Победенные в глазах Фуше не стоят капли чернил.

Наконец-то он свободен и добился своей цели: устранив Наполеона, пятидесятишестилетний Фуше, герцог Отрантский, достиг единодержавной, ничем не ограниченной власти. Каким бесконечно извилистым путем шел он через лабиринт этого двадцатипятилетия: щуплый, бледный сынок торговца превратился в печального монастырского учителя с тонзурой на голове, потом он возвысился до народного трибуна и проконсула, затем стал герцогом Отрантским и слугой императора, и наконец – он больше не слуга, а единодержавный повелитель Франции. Интрига восторжествовала над идеей, ловкость над гением. Вокруг него кануло в бездну целое поколение бессмертных; Мирабо умер, Марат убит, Робеспьер, Демулен, Дантон гильотинированы, его сотоварищ по консульству Колло выслан на малярийный остров Гвианы, Лафайет устранен – погибли и исчезли все до одного товарищи Фуше по революции. И в то время как он, свободно избранный и облеченный доверием всех партий, распоряжается судьбами Франции, Наполеон, повелитель мира, переодетый бедняком, с фальшивым паспортом секретаря какого-то незначительного генерала, бежит, Мюрат и Ней ожидают расстрела, жалкие родственники Наполеона, некогда короли его милостью, бродят с места на место, потеряв свои земли, с пустыми карманами, в поисках убежища. Все славные деятели этой единственной в своем роде поворотной эпохи мировой истории пали, он один возвысился благодаря своему настойчивому, выжидающему во мраке, роющему под землей терпению. Министерство, сенат и народное собрание покорны в его искусных руках, как мягкий воск; некогда высокомерные генералы, дрожа за свои пенсии, с овечьей кротостью подчиняются новому президенту; буржуазия и народ Франции ожидают его решения. Людовик XVIII шлет к нему гонцов, Талейран приветствует его, Веллингтон, победитель при Ватерлоо, посылает ему секретные известия – впервые все нити судеб всего мира совершенно открыто и свободно проходят через его руки.

Пред ним стоит грандиозная задача: спасти разбитую, побежденную страну от приближающихся врагов, помешать бесполезному отчаянному сопротивлению, добиться хороших условий мира, найти подходящую форму государственного правления и подходящего главу государства, создать из хаоса, новые нормы, установить прочный порядок. Для этого требуется большое мастерство, крайняя изворотливость ума, и действительно, в этот час, когда все сбиты с толку и теряют присутствие духа, распоряжения Фуше обнаруживают величайшую энергию, а его замыслы, идущие по двум или даже четырем направлениям, – поразительную уверенность. Он всем друг, но только для того, чтобы всех дурачить и делать лишь то, что ему самому кажется правильным и полезным. Делая вид перед парламентом, что он стоит за сына Наполеона, выказывая себя перед Карно приверженцем республики, а союзникам выдавая себя за сторонника герцога Орлеанского, Фуше на самом деле потихоньку пододвигает кормило правления прежнему королю – Людовику XVIII. Совершенно незаметно, делая легкие, искусные повороты, не открывая даже ближайшим друзьям своих истинных намерений, перебирается он через целое болото подкупов на сторону роялистов и ведет переговоры о передаче доверенного ему правления Бурбонам, разыгрывая в то же время в совете министров и в палате роль непоколебимого бонапартиста и республиканца. С психологической точки зрения, такое решение задачи было единственно правильным. Только немедленная капитуляция перед королем может спасти истекающую кровью, разоренную, запертую чужими войсками Францию и сделать безболезненным переход к новому порядку. Один только Фуше благодаря своему чувству реальности сразу понимает необходимость такого хода событий и проводит в жизнь свой замысел самовольно, собственными силами, невзирая на противодействие Совета, народа, армии, палаты и сената.

Фуше обнаруживает в эти дни исключительную мудрость, но – и в этом его трагедия! – ему недостает лишь одного, последнего, самого высшего и чистого качества: умения забыть ради дела себя, свою выгоду. Того последнего качества, которое подсказало бы ему, что такому человеку, как он, в пятьдесят шесть лет, стоящему на вершине славы, обладающему десяти- или двадцатимиллионным состоянием, пользующемуся почетом и уважением современников и истории, по осуществлении столь мастерски исполненной задачи следует отойти в сторону. Но

тот, кто двадцать лет так жадно стремился к власти, кто двадцать лет наслаждался ею и все еще не насытился, тот не способен добровольно отречься, и совершенно так же, как Наполеон, Фуше не способен отойти от власти хотя бы минутой раньше, прежде чем его оттолкнут. А так как у него уже нет господина, которого он мог бы предать, ему ничего не остается, как предать самого себя, свое прошлое. Возвратить побежденную Францию ее прежнему повелителю – это было истинным подвигом момента, правильным и смелым политическим шагом. Но позволить наградить себя за это решение чаевыми, приняв назначение на пост королевского министра, – это уже низко и более чем преступно: это глупо. И бешеный честолюбец Фуше совершает эту глупость, чтобы еще хоть несколько часов истории «avoir la main dans la pate», пить из источника власти. Это его первая и самая большая, неисправимая глупость, навеки унизившая его перед историей. Проворно, ловко и терпеливо взобрался он по тысяче ступеней, но на последней неуклюже и совсем зря опустил на колени и полетел стремглав вниз.

О том, как происходила эта продажа трона Людовика XVIII в обмен на министерский пост, свидетельствует некий, к счастью, сохранившийся, характерный документ, один из немногих документов, дословно воспроизводящих дипломатические переговоры обычно столь осторожного Фуше. Во время «Ста дней» единственный мужественный приверженец короля барон де Витроль собрал в Тулузе армию и сразился с возвращающимся Наполеоном. Его взяли в плен, привезли в Париж, и император хотел тотчас же отдать приказ о его расстреле, но вмешался Фуше; он всегда считал нужным шадить врагов и в особенности тех, которые могли еще пригодиться. Итак, удовольствовались тем, что вплоть до решения военно-полевого суда заключили Витроля в военную тюрьму. Но едва Фуше становится 23 июня повелителем Франции, жена арестованного спешит к нему. Она молит об освобождении мужа, и Фуше немедленно соглашается на это, так как для него очень важно заручиться расположением Бурбонов. На следующий же день освобожденный предводитель роялистов барон Витроль является к герцогу Отрантскому, чтобы выразить ему свою благодарность.

Таким образом, между избранным республиканцами главой государства и непримиримым архироялистом происходит следующий разговор. Фуше спрашивает Витроля: «Итак, что же вы предполагаете теперь делать?» – «Я намереваюсь ехать в Гент, почтовая карета ждет уже у ворот». – «Это самое разумное с вашей стороны, – ведь здесь для вас небезопасно». – «Не желаете ли вы передать что-нибудь через меня королю?» – «Ах, боже мой, нет. Конечно, нет. Передайте только, пожалуйста, его величеству, что он может рассчитывать на-мою преданность, но, к сожалению, не от меня зависит, чтобы он смог в скором времени вернуться в Тюильри». – «Однако мне представляется, что это зависит только от вас». – «В гораздо меньшей степени, чем вы предполагаете. Передо мной большие трудности. Правда, палата упростила ситуацию. Вам ведь известно, – с улыбкой продолжает Фуше, – что она провозгласила королем Наполеона Второго». – «Как Наполеона Второго?» – «Конечно, с этого следовало начать». – «Но я полагаю, к этому не следует относиться серьезно?» – «Да, конечно. Чем больше я размышляю, тем больше убеждаюсь в том, что это провозглашение совершенно бессмысленно. Но вы не можете себе представить, как много еще людей привержено этому имени. Некоторые из моих коллег, и прежде всего Карно, убеждены, что с избранием Наполеона Второго все будет спасено». – «Сколько же будет еще продолжаться эта шутка?» – «По всей вероятности, столько, сколько нам потребуется, чтобы избавиться от Наполеона Первого». – «И что же за этим последует?» – «Откуда же мне знать? В такие моменты трудно предсказать, что случится на следующий день». – «Но если ваш коллега господин Карно столь привержен Наполеону, вам будет, вероятно, трудно отклонить эту комбинацию?» – «О, вы не знаете Карно! Чтобы отвлечь его от этого, достаточно провозгласить правительство «французского народа», французский народ, подумайте только, что он скажет, услышав эти слова!» И оба смеются: избранный республиканцами герцог Отрантский, высмеивающий своего коллегу, и представитель роялистов. Они начинают понимать друг друга. «Вы правы, так постепенно все и наладится, – возобновляет разговор барон Витроль. – Но я надеюсь, что после Наполеона Второго и «французского народа» вы вспомните наконец и о Бурбонах». – «Разумеется, – отвечает Фуше, – тогда настанет очередь герцога Орлеанского». – «Как герцога Орлеанского? – восклицает изумленный барон Витроль. – Неужели вы думаете, что король

согласится принять корону, которую столько раз выставляли на продажу и предлагали всему свету?» Фуше молчит и улыбается.

Но барон де Витроль уже все понял. В этом лукаво-ироническом, как будто небрежном разговоре Фуше открыл ему свои намерения. Он недвусмысленно дал понять, что может начать чинить всевозможные препятствия, что вместо Людовика XVIII могут либо провозгласить императором Наполеона Второго, либо королем герцога Орлеанского, либо учредить правительство французского народа, но что лично он, Фуше, не склоняется ни к одному из этих вариантов и готов спокойно вычеркнуть все три в пользу Людовика XVIII, если... Что кроется за этим «если», Фуше не высказал, но барон Витроль его понял – быть может, по легкой улыбке или какому-либо жесту. Во всяком случае, он внезапно решает не уезжать, а остаться в Париже, у Фуше, конечно, при условии, что он сможет свободно переписываться с королем. Он ставит и другие условия: прежде всего двадцать пять паспортов для его агентов, посылаемых в Гент, где находится главная квартира короля. «Пятьдесят, сто, сколько пожелаете», – отвечает весело настроенный министр полиции, входящий в республиканское правительство, представителю противников республики. «И затем прошу вашего разрешения один раз в день иметь с вами беседу».

И снова дает герцог веселый ответ: «Одного раза недостаточно! Два раза – один раз утром, другой раз вечером». Теперь барон де Витроль может спокойно оставаться в Париже и, ведя под крылышком герцога Отрантского переговоры с королем, сообщить ему, что ворота Парижа для него открыты, если... если Людовик XVIII готов принять герцога Отрантского в качестве министра нового королевского правительства.

Когда Людовику XVIII предложили купить Фуше, швырнув ему как чаевые пост министра, чтобы таким способом открыть себе ворота Парижа, обычно флегматичный Бурбон вскипел. «Никогда!» – заявляет он тем, кто хотел включить в список это ненавистное имя. И действительно, какое нелепое предложение: ввести в правительство убийцу короля, одного из тех, кто подписал смертный приговор его родному брату, берлога священника, свирепого атеиста и слугу Наполеон а! «Никогда!» – кричит он вне себя от возмущения. Но ведь из истории известно, что означают эти «никогда» в устах королей, политиков и генералов: они почти всегда являются началом капитуляции. Разве Париж не стоит мессы?¹⁴⁵ Разве его королевские предки со времен Генриха IV не приносили подобных *sacrifici dell'intelletto*, жертв ума и совести, ради обладания властью?

Под влиянием настойчивых уговоров со стороны придворных генералов, Веллингтона и прежде всего Талейрана (ему, женатому епископу, нужно, чтобы среди придворных был еще более дискредитированный человек) король начинает понемногу колебаться. Все без исключения уверяют его, что только один человек способен беспрепятственно открыть ему ворота Парижа: только Фуше! Только этот человек, который, примыкая ко всем партиям и разделяя самые различные мнения, является постоянным и самым лучшим стремянным всех претендентов на корону, только он может предотвратить кровопролитие. Кроме того, этот старый якобинец уже давно стал решительным консерватором, раскаялся и прекрасным образом предал Наполеона. В конце концов, король, дабы облегчить свою совесть, исповедуется; говорят, что, воскликнув: «Мой бедный брат, если бы ты мог видеть меня в эту минуту!» – он изъявил готовность тайно принять Фуше в Нейи – тайно, ибо в Париже не должны догадываться, что избранный народом вождь продает свою страну за пост министра, а претендент на престол – свою честь за королевскую корону. Во мраке, в присутствии одного только свидетеля, беглого епископа, тайно завершается этот позорнейший в новой истории сговор между бывшим якобинцем и будущим королем.

Там, в Нейи, разыгрывается жуткая, фантастическая сцена, достойная Шекспира или

¹⁴⁵ Чтобы стать французским королем, гугенот Генрих Наваррский перешел в католичество (1593), бросив знаменитую фразу: «Париж стоит мессы». После этого он без сопротивления вступил в Париж и был в 1594 году коронован как король Генрих IV.

Аретино¹⁴⁶: потомок Людовика Святого¹⁴⁷, король Людовик XVIII, принимает одного из убийц своего брата, семикратного клятвопреступника Фуше, министра времен Конвента, императора и республики, чтобы принять у него присягу, восьмую присягу на верность. Талейран, бывший епископ, впоследствии республиканец, а затем слуга императора, вводит своего сотоварища. Чтобы лучше ступать, хромым Талейран кладет руку на плечо Фуше, – «порок, опирающийся на предательство», по язвительному замечанию Шатобриана, – и таким манером эти два атеиста, приспособленца, приближаются, словно братья, к наследнику Людовика Святого. Сперва низкий поклон. Затем Талейран принимает на себя неприятную обязанность представить королю в качестве министра убийцу его брата. Преклонив колени перед «тираном» и «деспотом» для принесения присяги, худощавый человек, став бледнее обычного, целует руку, в которой течет та же кровь, что он однажды помог пролить, и присягает во имя бога, чьи церкви он некогда разграбил и осквернил со своей шайкой в Лионе. Это чрезмерно даже для Фуше.

Поэтому, покидая комнату, где происходила аудиенция, герцог Отрантский все еще бледен и должен опереться на прихрамывающего Талейрана. Он не произносит ни слова. Даже иронические замечания прожженного циника епископа, которому отслужить мессу все равно что сыграть в карты, не могут вывести Фуше из смущения, и он продолжает хранить молчание. Ночью, увозя в кармане подписанный королем декрет о своем назначении министром, возвращается он в Тюильри к своим ничего не подозревающим коллегам, которых он завтра разгонит, а послезавтра отправит в ссылку; должно быть, ему было среди них слегка не по себе. Только что этот самый неверный из слуг был свободен, но – сколь удивительны противоречия судьбы! – низменные души не выносят свободы, они неизменно бегут от нее обратно в рабство. И вот Фуше, вчера еще сильный и независимый, вновь унижается перед господином, вновь приковывает себя к галере власти (воображая, что стоит у кормила судьбы). Но скоро он будет носить и клеймо – знак своей галеры.

На следующее утро в Париж вступают войска союзников. Согласно тайномуговору, они занимают Тюильри и просто-напросто запирают двери перед депутатами. Это дает удобный повод мнимо изумленному Фуше предложить своим коллегам, в виде протеста против угрозы штыками, сложить с себя полномочия правительства. Одураченные министры соглашаются на этот патетический жест. Таким образом, как было сговорено, престол внезапно оказывается незанятым, и в течение целого дня в Париже не существует никакого правительства. Людовику XVIII достаточно приблизиться к воротам Парижа, и его восторженно принимают как спасителя, окруженного шумным ликованием, которое подготовил за деньги новый министр полиции. Отныне Франция опять королевство.

Только теперь понимают коллеги Фуше, как ловко он их провел. Из «*Moniteur*» они узнают, и за какую цену был куплен Фуше. И в эту минуту глубоко порядочный, честный, ничем не запятанный (а лишь несколько ограниченный) Карно приходит в ярость. «Куда же мне теперь идти, предатель?» – презрительно спрашивает он новоиспеченного королевского министра полиции.

Но Фуше отвечает ему столь же презрительно: «Куда тебе угодно, дурак».

Этим лаконическим диалогом, характеризующим обоих старых якобинцев и последних термидорианцев, завершается удивительнейшая драма нового времени, революция и ее ослепительная фантазмагория – шествие Наполеона через мировую историю. Эпоха героических авантур угасла, начинается эпоха мирных буржуа.

¹⁴⁶ *Аретино Пьетро* (1492–1556) – итальянский писатель, автор сатирических комедий, поэм, едких политических памфлетов, благодаря которым получил прозвище «бич государей».

¹⁴⁷ *Людовик Святой* – Людовик IX (1214–1270), французский король с 1226 г.

9. Падение и закат (1815–1820)

28 июля 1815 года – сто дней наполеоновского интермеццо уже позади – король Людовик XVIII в пышной парадной карете, запряженной белыми иноходцами, снова въезжает в свой город Париж. Оказанный ему прием великолепен. Фуше поработал на славу. Ликующие толпы окружают карету, над домами реют белые флаги, тот же, у кого их не оказалось, наскоро привязав к тростям носовые платки и скатерти, высунул их из окна. Вечером город сверкает мириадами огней, женщины от избытка радости танцуют даже с офицерами английских и прусских оккупационных войск. Не слышно ни одного враждебного выкрика, и предусмотрительно вызванная жандармерия оказывается излишней; да, Жозеф Фуше, новый министр полиции христианнейшего короля, превосходно позаботился о своем новом суверене. В Тюильри, том самом дворце, где еще месяц тому назад он почтительно называл себя вернейшим слугой императора Наполеона, ожидает герцог Отрантский короля Людовика XVIII, брата того «тирана», которому он двадцать два года тому назад в этом же доме вынес смертный приговор. Теперь, однако, он низко и подобострастно склоняется перед потомком Людовика Святого, подписываясь в своих письмах таким образом: «С почтением наивернейший и наипреданнейший подданный вашего величества» (буквально эти слова можно прочесть в дюжине докладов, собственноручно написанных Фуше). Из всех сумасшедших прыжков его акробатического характера это самый дерзкий, но он станет его последним сальто-мортале на политической арене. Поначалу кажется, что все отлично пойдет на лад. Пока король недостаточно прочно сидит на троне, он не пренебрегает услугами господина Фуше. Да к тому же он еще нуждается в этом Фигаро, который умеет так блестяще жонглировать в любых положениях. Прежде всего Фуше нужен для выборов, так как при дворе хотят обеспечить надежное большинство роялистов в народном парламенте: «испытанного» республиканца и человека, вышедшего из народа, используют в этом как непревзойденного погонщика. Кроме того, нужно заняться еще неприятными кровавыми делами: почему же не использовать эту поношенную перчатку? Ведь потом ее можно будет выбросить, даже не запачкав королевских рук.

Такое грязное дело предстоит совершить уже в первые дни. Правда, находясь в изгнании, король торжественно обещал амнистировать всех тех, кто в течение «Ста дней» служил возвратившемуся узурпатору. Но после обеда рассуждаешь иначе: только в очень редких случаях короли считают себя обязанными выполнить то, что они обещали, будучи претендентами на престол. Злобные роялисты, гордые собственной верностью, требуют, чтобы теперь, когда король уверенно сидит в седле, были наказаны те, кто в период «Ста дней» отпал от знамени, расшитого лилиями. Побуждаемый роялистами, которые всегда более монархичны, чем сам монарх, Людовик XVIII наконец сдается, и на долю министра полиции выпадает тяжелая обязанность составить список осужденных.

Герцогу Отрантскому это поручение не по душе. Должно ли в действительности наказывать людей из-за такой мелочи, из-за того только, что они, поступая благоразумно, перебежали на сторону сильнейшего, на сторону победителя? И, кроме того, он, министр полиции христианнейшего короля, не забывает, что первое место в таком списке должно, собственно, по праву принадлежать герцогу Отрантскому, министру полиции при Наполеоне, то есть ему самому. Его положение – бог свидетель! – мучительно. Прежде всего Фуше пытается хитростью избежать неприятного поручения. Вместо списка, в котором должно было значиться тридцать или сорок главных виновников, он приносит, к всеобщему удивлению, несколько больших листов, куда внесено триста или четыреста, а по утверждению некоторых, тысяча имен, и требует, чтобы были наказаны либо все, либо никто. Он надеется, что у короля не хватит на это мужества и таким образом с неприятным делом будет покончено. Но в министерстве председательствует Талейран, такая же лиса, как и он сам, который замечает, что пилюля пришлась не по вкусу его приятелю Фуше; тем настойчивее стремится он заставить Фуше проглотить ее. Талейран безжалостно велит Фуше сокращать список, пока в нем останется лишь четыре десятка имен, и возлагает на него мучительную обязанность поставить свою подпись под этими приговорами к смерти и изгнанию.

Самым разумным со стороны Фуше было бы взять шляпу и закрыть за собой дверь дворца. Но уже не раз говорилось о слабости Фуше: этот честолюбец обладает всеми качествами ума, за исключением одного – умения вовремя сойти со сцены. Он скорее навлечет на себя немилость, ненависть и гнев, нежели добровольно оставит министерское кресло. Так появляется на свет, вызывая всеобщее возмущение, проскрипционный список, содержащий самые прославленные и благородные имена Франции, скрепленный подписью старого якобинца. Среди названных Карно, l'organisateur de la victoire¹⁴⁸ и создатель республики, маршал Ней, победитель в бесчисленных битвах, спаситель остатков армии, бежавшей из России, – все товарищи Фуше, бывшие с ним во временном правительстве, последние его товарищи по Конвенту, товарищи по революции. В этом ужасном списке, приговаривавшем к смерти или изгнанию, перечислялись имена всех, кто за последние двадцать лет покрыл Францию славой. Только одно-единственное имя отсутствует в нем – имя Жозефа Фуше, герцога Отрантского.

Или, вернее, оно не отсутствует. Имя герцога Отрантского стоит в документе. Но не в тексте, не среди обвиняемых и осужденных министров Наполеона, а в качестве подписи королевского министра, отправляющего на смерть или в изгнание всех своих прежних товарищей, как имя палача.

За подобное самоуничужение, которым старый якобинец запятнал свою совесть, король не может отказать Фуше в известной благодарности. И Жозефу Фуше, герцогу Отрантскому, воздают наивысшую и самую последнюю честь. После пяти лет вдовства он решил вторично жениться, и этот человек, некогда столь злобно жаждавший «крови аристократов», задумал теперь породниться с «голубой кровью», а именно – жениться на графине Каstellян, аристократке высшего ранга и тем самым участнице «той преступной банды, которая должна пасть от меча правосудия», как он в свое время мило проповедовал в Невере. Но с тех пор взгляды бывшего якобинца, кровавого Жозефа Фуше, основательно изменились (чему было немало примеров), и теперь, первого августа 1815 года, он едет в церковь не для того, чтобы, как в 1793 году, разбивать молотком «позорные знаки фанатизма» – распятия и алтари, – а для того, чтобы вместе со своей благородной невестой смиренно принять благословение человека в такой же митре, какую он, как помнится, в 1793 году нахлобучил шулки ради на уши ослу. По старинному дворянскому обычаю – герцог Отрантский знает, что приличествует случаю, если он берет в жены графиню де Каstellян, – под брачным контрактом ставят свои подписи самые сановитые придворные. И в качестве первого свидетеля этот единственный в своем роде документ мировой истории подписывает manu propria¹⁴⁹ Людовик XVIII – самый достойный и самый недостойный свидетель венчания убийцы своего брата.

Это уже слишком, вне всякого сомнения, слишком. Такая сверхдерзость со стороны regicide, царубийцы, который просит быть свидетелем при своем венчании брата гильотинированного короля, вызывает в дворянских кругах невероятное раздражение. Этот жалкий перебежчик, с позавчерашнего дня ставший роялистом, ворчат они, ведет себя так, словно он действительно принадлежит ко двору и благородному сословию. Кому, собственно говоря, еще нужен этот человек, le plus degoutant reste de la revolution, этот последний и самый грязный из отбросов революции, оскверняющий министерство своим омерзительным присутствием? Конечно, он помог королю возвратиться в Париж, он согласился своей продажной рукой подписать декрет, осуждающий лучших людей Франции. Но теперь с ним пора покончить! Те самые аристократы, которые в свое время, когда король нетерпеливо ожидал возможности вернуться в Париж, настаивали, чтобы он непременно сделал министром герцога Отрантского, дабы без кровопролития вступить в Париж, теперь вдруг больше не знают

¹⁴⁸ организатор победы (фр.)

¹⁴⁹ собственной рукой (лат.)

никакого герцога Отрантского; они упрямо припоминают лишь некоего Жозефа Фуше, который расстрелял в Лионе из пушек сотни священников и дворян и требовал смерти Людовика XVI. Внезапно герцог Отрантский замечает, что, когда он проходит через приемную короля, многие из дворян не раскланиваются с ним или с вызывающим пренебрежением поворачиваются к нему спиной. Неожиданно всплывают на поверхность и начинают переходить из рук в руки прокламации против *Mitrailleur de Lyon*; в новом патриотическом обществе «*Francs regeneres*»¹⁵⁰ предки *camelots du roi*¹⁵¹ и «Пробуждающейся Венгрии» устраивают собрания и требуют, чтобы расшитое лилиями знамя было очищено от этого позорного пятна.

Но Фуше не сдаётся без боя, когда речь идет о власти: он впивается в нее зубами. В секретном донесении одного из шпионов тех лет можно прочесть о том, как он-всеми средствами пытается укрепить свое положение. В конце концов в стране еще находятся те, кто низверг Наполеона: они смогут защитить его от слишком ярких слуг короля. Он наносит визит русскому царю, ежедневно часами ведет переговоры с Веллингтоном и английским посланником; нажимает на тайные дипломатические пружины, пытаясь, с одной стороны, завоевать расположение народа, протестуя жалобой против введения во Францию иностранных войск, и в то же время запугать короля донесениями о преувеличенной опасности. Он подсылает к Людовику XVIII в качестве своего заступника победителя при Ватерлоо; мобилизует банкиров, женщин и оставшихся у него друзей. Нет, он не желает уходить: слишком дорого заплатила его совесть за этот пост, чтобы не защищаться до иступления. И действительно, несколько недель ему, как опытному пловцу, который то ложится на бок, то переворачивается на спину, еще удается продержаться на политических водах. В течение всего этого времени, как сообщает тот же шпион, он держится уверенно, и, возможно, уверенность на самом деле не покидала его. Ведь за эти двадцать пять лет он столько раз всплывал на поверхность!

Стоит ли тревожиться из-за каких-то там дворянчиков ему, кто справился с Наполеоном и Робеспьером! Старый циник давно уже не боится и презирает людей, ведь он пережитрил и пережил величайших людей мировой истории.

Но одного только не умеет этот старый кондотьер, этот утонченный знаток людей, да и никто этого не умеет: бороться с призраками. Он забыл, что при дворе короля, как Эриния, бродит призрак прошлого: герцогиня Ангулемская, родная дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, единственная из всей семьи избежавшая великого избиения. Король Людовик XVIII еще мог простить Фуше; в конце концов, он обязан этому якобинцу своим королевским тронem, а такое наследство утоляет иногда (история может это доказать) братскую скорбь и в самых высших кругах. Да ему и легко было прощать, потому что сам он ничего не пережил в те ужасные времена. Но у герцогини Ангулемской, дочери Людовика XVI и Марии-Антуанетты, сохранились в памяти потрясающие картины ее детства. Воспоминания, которые живут у нее в душе, не забываются, и ничто не может смягчить ее ненависть. Слишком много перенесла она душой и телом, чтобы быть в состоянии простить этого якобинца, этого страшного человека. Ребенком, в замке Сен-Клу, пережила она тот страшный вечер, когда толпы санкюлотов, убив привратника, предстали в забрызганных кровью сапогах перед ее родителями. Потом она пережила вечер, когда их вчетвером, отца, мать, брата и ее – «булочника, булочницу и детей булочника», – втиснутых в телегу и каждую минуту ожидающих смерти, орущая, беснующаяся толпа волочила обратно в Париж, в Тюильри. Она пережила 10 августа, когда, выломав топорами двери, толпа ввалилась в покои ее матери, когда ее отцу издевательски нахлобучили на голову красную шапку и приставили к груди пику; она пережила жуткие дни в тюрьме Тампля и страшные минуты, когда к их окну подняли на пике

¹⁵⁰ Возрожденные франки (*фр.*)

¹⁵¹ королевские молодцы (*фр.*)

окровавленную голову подруги ее матери, герцогини де Ламбалль, с распущенными, склеившимися от крови волосами. Как может она забыть минуты прощания со своим отцом, которого тащили на гильотину, и со своим маленьким братом, которого заморили и сгноили в темнице? Как ей не вспоминать о соратниках Фуше в красных колпаках, которые день и ночь допрашивали и мучили ее, вынуждая дать ложные показания в процессе против королевы, которую обвиняли в растлении своего малолетнего сына? Как изгнать из памяти то мгновение, когда-ее вырвали из объятий матери, а потом по мостовой загрохотала телега, увозившая королеву на гильотину? Нет, ей, дочери Людовика XVI и Марии-Антуанетты, узнице Тампля, эти ужасы известны не так, как Людовику XVIII, который знает о них лишь понаслышке, из газет, они как каленым железом выжжены в ее напуганной, омраченной и истерзанной с детства душе. И ее ненависть к убийцам отца, к мучителям матери, к страшным образам детства, к якобинцам и революционерам далеко еще не угасла, далеко еще не отомщена.

Такие воспоминания не забываются. И герцогиня поклялась никогда и нигде не подавать руки министру ее дяди, соучастнику убийства ее отца, Жозефу Фуше, никогда не дышать тем же воздухом, каким дышит он, и не находиться с ним в одном помещении. Открыто и вызывающе выказывает она перед всем двором министру свое презрение и свою ненависть. Она не посещает ни одного праздника, ни одного приема, на которых присутствует этот цареубийца, этот предатель собственных убеждений; и ее открытое, язвительное, фанатически выставленное напоказ презрение к перебежчику подстегивает чувство чести и у всех остальных. В конце концов, уже все члены королевской фамилии требуют от Людовика XVIII, чтобы теперь, когда его власть упрочилась, он с позором изгнал из Тюильри убийцу своего брата.

Неохотно и лишь потому, что он не мог без него обойтись, назначил Людовик XVIII министром Жозефа Фуше. Охотно и даже с радостью дает он ему теперь, когда в нем больше нет нужды, отставку. «Бедную герцогиню надо избавить от встреч с этим отвратительным типом», – улыбаясь, говорит он о человеке, который, еще ничего не подозревая, подписывается как его «наивернейший слуга». И Талейран, другой перебежчик, получает от короля поручение – разъяснить своему сотоварищу по Конвенту и наполеоновским временам, что его присутствие в Тюильри не является-более желательным. Талейран охотно берется исполнить это поручение. Ему и без того уже становится трудно держать паруса по крепкому роялистскому ветру, и он рассчитывает, что его удачливый корабль еще продержится, если выбросить за борт балласт. А самый тяжелый балласт в его министерстве – конечно же, «цареубийца» и его старый сообщник Фуше; эту, казалось бы, тяжкую обязанность – вышвырнуть его за борт – Талейран выполняет с очаровательной светской ловкостью. Не грубо и не торжественно возвещает он Фуше об его отставке, нет; как старый мастер формы, как потомственный дворянин, он выбирает изумительный способ дать Фуше понять, что пробил его последний час. Талейран, этот последний аристократ восемнадцатого века, продолжает разыгрывать комедии и интриги в обстановке салона, и на этот раз он облакает грубое прощание в изысканнейшую форму.

14 декабря Талейран и Фуше встречаются на одном из вечеров. Общество ужинает, беседует, болтает. Талейран в прекрасном настроении. Вокруг него образуется большой круг: красивые женщины, сановники и молодежь, все жадно теснятся, желая послушать этого блестящего рассказчика. И действительно, в этот раз он особенно *charmant*¹⁵². Он рассказывает о давно прошедших временах, когда ему пришлось, во избежание выполнения приказа Конвента о его аресте, бежать в Америку, и превозносит эту великолепную страну. Ах, как там чудесно – непроходимые леса, где обитают первобытные племена краснокожих, великие неисследованные реки, мощный Потомак и огромное озеро Эри; и среди этой героической и романтической страны – новая порода людей, закаленных, крепких и дельных, опытных в битвах, преданных свободе, обладающих неограниченными возможностями и создающих образцовые законы. Да, там есть чему поучиться, там в тысячу раз больше, чем в нашей Европе, ощущается новое, лучшее будущее. Вот где бы следовало жить и действовать, восторженно восклицает он, и ни один пост не кажется ему более заманчивым, чем должность посла в

¹⁵² очарователен (*фр.*)

Соединенных Штатах.

Внезапно он прерывает как бы случайно охвативший его порыв вдохновения и обращается к Фуше: «Не хотели бы вы, герцог, получить такое назначение?» Фуше бледнеет. Он понял. Внутренне он дрожит от ярости: как умело и ловко, на глазах у всех, выставила старая лиса за дверь его министерское кресло. Фуше не отвечает. Но через несколько минут он раскланивается и, придя домой, пишет свою отставку. Талейран удовлетворен и, возвращаясь домой, сообщает, криво усмехаясь, своим друзьям: «На сей раз я ему окончательно свернул шею».

Чтобы слегка замаскировать перед светом это явное изгнание Фуше, получившему отставку министру предлагают для проформы другую, незначительную должность. Таким образом, в «Moniteur» не сообщается, что убийца короля, regicide Жозеф Фуше отставлен от своего поста министра полиции, но там можно прочесть, что его величество Людовик XVIII соблаговолит назначить его светлость герцога Отрантского послом к Дрезденскому двору. Естественно, все ожидают, что Фуше откажется от этого ничтожного назначения, которое не соответствует ни его рангу, ни месту в мировой истории. Однако не туг-то было! Не нужно большого ума, чтобы понять, что он, цареубийца, окончательно и бесповоротно отстранен от службы реакционнейшему правительству, что через несколько месяцев у него вырвут и эту брошенную ему жалкую кость. Но неистовая жажда власти превратила эту некогда столь отважную волчью душу в собачью. Так же как Наполеон до последнего момента цеплялся уже даже не за положение, а за пустой звук наименования своего императорского достоинства, точно так же и еще менее благородно хватается его слуга Фуше за последний, ничтожный титул призрачного министерства. Цепко, как слизь, липнет он к власти; полный горечи, покоряется этот вечный слуга и на этот раз своему повелителю. «Я принимаю, сир, с благодарностью должность посла, которую Ваше Высочество соблаговолит предложить мне», – смиренно пишет этот пожилой человек, обладатель двадцати миллионов, тому, кто всего лишь полгода назад по его милости стал королем. Он укладывает свои чемоданы и со всей семьей переезжает ко двору в Дрезден. Устроившись по-княжески, он ведет себя так, словно собирается провести в Дрездене остаток своей жизни в роли королевского посланника.

Но близится то, чего он столько лет страшился. Почти четверть века Фуше отчаянно боролся против возвращения Бурбонов, инстинктивно чувствуя, что они все же в конце концов потребуют отчета за те два слова *la mort*, которыми он отправил на гильотину Людовика XVI. Он безрассудно надеялся обмануть их, прокравшись в ряды роялистов и замаскировавшись под верного слугу короля. Однако на этот раз он обманул не других, а лишь самого себя. Не успел он еще приказать обить новыми обоями свои покои в Дрездене и обставить их, как во французском парламенте уже разражается буря. Никто не говорит больше о герцоге Отрантском, все забыли, что сановник, который носит этот титул, с триумфом ввел в Париж их нового короля, Людовика XVIII; речь идет только о господине Фуше, regicide, Жозефе Фуше из Нанта, который в 1792 году приговорил к смерти короля, о *Mitrailleur de Lyon*, и подавляющим большинством голосов – 334 против 32 – человеку, «который поднял руку на помазанника божьего», отказано в каком бы то ни было прощении, и он осужден на пожизненное изгнание. Само собой разумеется, это означает также и постыдное увольнение с должности посланника. Безжалостно, злорадно и презрительно «господина Фуше» попросту пинком выставили за дверь; он уже не «превосходительство», не коммодор Почетного легиона, не сенатор, не министр и не сановник; одновременно саксонскому королю официально дается понять, что дальнейшее пребывание в Дрездене этого субъекта Фуше нежелательно. Тот, кто сам отправил в изгнание тысячи людей, следует теперь за ними двадцать лет спустя как последний из борцов Конвента, лишенный пристанища и проклинаемый всеми изгнанник. И ныне, когда он объявлен вне закона, ненависть всех партий также единодушно обрушивается на низложенного, как прежде симпатии всех партий окружали властелина. Уже не помогают ни уловки, ни протесты, ни уверения: властелин без власти, провалившийся политик, проигравшийся интриган – всегда самые жалкие существа на земле. С огромными процентами заплатит ныне свой долг Фуше за то, что никогда не служил какой-либо *идее*, нравственной и человеческой страсти, но всегда был лишь рабом преходящей милости людей и минуты.

Что же теперь делать? Вначале это не беспокоит изгнанного из Франции герцога Отрантского. Разве он не любимец русского царя, не доверенный Веллингтона, победителя при Ватерлоо, и не друг всемогущего австрийского министра Меттерниха? Разве не обязаны ему Бернадоты, которых он посадил на шведский престол, равно как и баварские князья? Разве он уже многие годы не в близких отношениях со всеми дипломатами и разве не добивались все князья и короли Европы его благосклонности? Ему достаточно (так думает поверженный) лишь слегка намекнуть, и каждая страна будет настойчиво добиваться чести принять изгнанного Аристида. Но по-разному обращается мировая история с низложенным и с властью имущим. Несмотря на многократные намеки, русский двор, так же как и Веллингтон, не присылает приглашения; Бельгия отказывается – там уже достаточно старых якобинцев, Бавария осторожно уклоняется, и даже старый друг, князь Меттерних, держится удивительно холодно. Да, конечно, если герцог Отрантский во что бы то ни стало желает, он может направиться в Австрию, где великодушно готовы ничего не иметь против, но ему ни в коем случае нельзя приезжать в Вену, нет, там в его присутствии нет никакой необходимости, также и в Италию ему ни при каких обстоятельствах не следует ехать. В крайнем случае он может поселиться (предполагается хорошее поведение!) в каком-нибудь маленьком провинциальном городке, но только не в Нижней Австрии, не близ Вены. Да, он не слишком гостеприимен, старый добрый друг Меттерних, и даже то, что обладающий миллионами герцог Отрантский предлагает вложить все свое состояние в австрийские земли или государственные бумаги и предлагает отдать своего сына на службу в императорскую армию, не смягчает сдержанного тона австрийского министра. Когда же герцог Отрантский сообщает о своем намерении посетить Вену, его просьбу вежливо отклоняют: нет, ему лучше тихо и без шума отправиться в Прагу.

Так, не будучи собственно приглашенным, без почестей, скорее лишь терпимый, чем желанный, перебирается Жозеф Фуше из Дрездена в Прагу, чтобы обосноваться там: началось его четвертое – последнее и самое жестокое – изгнание.

В Праге также не слишком восхищены прибытием высокого, вернее, круто скатившегося со своей высоты гостя. Особенно неприязненно относится к внезапному пришельцу потомственная аристократия. Богемские дворяне читают французские газеты, которые в эти дни изобилуют мстительными и яростными выпадами против «господина» Фуше: в них очень часто и подробно описывается, как в 1793 году этот якобинец опустошал церкви в Лионе и обчищал кассы в Невере. Все ничтожные писаки, которые прежде трепетали перед тяжелым кулаком министра полиции и были вынуждены сдерживать свое негодование, теперь безудержно оплевывают его, беззащитного. С бешеной скоростью закрутилось колесо. Тот, кто в свое время надзирал за полмиром, теперь сам под надзором; все полицейские приемы, рожденные его изобретательным гением, применяются его учениками и подчиненными против своего бывшего учителя. Каждое письмо, адресованное герцогу Отрантскому или исходящее от него, попадает в Черный кабинет, где вскрывается и списывается; полицейские агенты подслушивают и докладывают о каждом его разговоре, шпионят за его знакомыми; каждый шаг Фуше контролируется, он повсюду чувствует, что за ним наблюдают, что его окружают и подслушивают; его собственное искусство, созданная им самим наука жестоко и успешно испытываются на нем – на том самом искуснике, который их изобрел. Напрасно ищет он защиты от этих унижений. Он пишет королю Людовику XVIII, но тот не отвечает поверженному, так же как в свое время Фуше не ответил свергнутому Наполеону. Он обращается к Меттерниху, который в лучшем случае отвечает ему через низших канцелярских служащих односложным «да» или «нет». Он должен спокойно сносить все надругательства и перестать наконец шуметь и подавать жалобы. Некогда всеми любимый только из страха, он презираем всеми с тех пор, как его больше не боятся: величайший политический игрок окончательно проигрался.

Двадцать пять лет ускользал он, гибкий и неуловимый, от судьбы, столько раз уже почти настигавшей его. Теперь, когда он окончательно прижат к земле, рок безжалостно обрушивается на поверженного. Не только как политик, но и как частное лицо переживает Жозеф Фуше в Праге свою самую мучительную Каноссу: ни один романист не сумел бы изобрести более остроумного символа его морального унижения, чем маленький эпизод,

имевший место в 1817 году. К трагическому присоединяется теперь ужаснейшая карикатура на всякое несчастье – комическое. Унижен не только политик, но и супруг. Вне всякого сомнения, не любовь сочела эту двадцатилетнюю красивую аристократку с пятидесятишестилетним вдовцом, у которого такое голое и бледное лицо мертвеца. Однако этот малособлазнительный кавалер был в 1815 году вторым богачом Франции, обладателем двадцати миллионов, превосходительством, герцогом и всеми уважаемым министром его христианнейшего величества; миловидной, но обедневшей провинциальной графине, естественно, улыбнулась заманчивая возможность блистать на всех придворных балах и в Сен-Жерменском предместье среди знатнейших женщин Франции, и действительно, начало было очень многообещающим: его величество соблаговолил собственноручно подписать ее брачное свидетельство, дворяне и придворные спешили принести свои поздравления; пышный дворец в Париже, два имения и княжеский замок в Провансе соперничали в том, кто даст приют новой госпоже, герцогине Отрантской. За подобное великолепие и за двадцать миллионов честолюбивая женщина может взять в придачу и трезвого, лысого, пергаментно-желтого супруга пятидесяти шести лет. Но поторопившаяся графиня променяла свою чистую молодость на золото дьявола – вскоре после медового месяца она узнает, что стала супругой не высокоуважаемого министра, а женой самого презренного, ненавидимого во Франции человека, изгнанного и лишенного земель, презираемого всем миром «господина» Фуше. Герцог со всем своим великолепием исчез, и ей остался лишь желчный, раздражительный, потрепанный старик. Поэтому не кажется слишком неожиданным, что в Праге между этой молодой женщиной и юным Тибодо, сыном тоже изгнанного старого республиканца, завязывается *amitie amoureuse*¹⁵³, о которой точно не известно, насколько она была лишь *amitie* и насколько *amoureuse*. Дело доходит до весьма бурных объяснений, Фуше отказывает молодому Тибодо от дома, и, к несчастью, эта супружеская размолвка не остается тайной. Роялистские газеты, жадно ловящие каждый повод, чтобы хлестнуть кнутом того, перед кем они дрожали столько лет, печатают ехидные заметки о его семейных неурядицах и, к восторгу своих читателей, распространяют грубую ложь о том, что молодая герцогиня Отрантская удрала в Праге от старого рога носца со своим любовником. Вскоре герцог Отрантский начинает замечать, что, когда он появляется в пражском обществе, дамы с трудом подавляют смешок и иронические взгляды, сравнивают молодую, цветущую женщину с его собственной, далеко не очаровательной фигурой. Старый распространитель слухов, вечный охотник за сплетнями и скандалами чувствует теперь на собственной шкуре, каково быть жертвой злостного уничтожения репутации, и понимает, что с злословием нельзя бороться, а самое разумное – бежать от него. Только теперь, в несчастье, осознает он всю глубину своего падения, и жизнь в Праге становится для него адом. Он обращается к князю Меттерниху с просьбой разрешить ему покинуть ненавистный город и избрать другой, в глубине Австрии. Его заставляют ждать. Наконец Меттерних милостиво разрешает ему отправиться в Линц: туда униженно скрывается разочарованный и усталый человек, убегая от ненависти и насмешек прежде подвластного ему света.

Линц – в Австрии всегда улыбаются, когда кто-нибудь называет его «город», он совсем невольно рифмуется со словом провинция. Мещанское население сельского происхождения, рабочие судоверфей, ремесленники – все большей частью люди бедные, лишь несколько домов принадлежит местным помещикам. Здесь нет, как в Праге, ни великих и славных культурных традиций, ни оперы, ни библиотеки, ни театра, ни шумных дворянских балов, ни празднеств – настоящий довольно сонный провинциальный городок, убежище ветеранов. Там поселяется старик с двумя молодыми женщинами, почти ровесницами, – супругой и дочерью. Он снимает великолепный дом и роскошно обставляет его, к великой радости подрядчиков и купцов – ведь до сих пор в их городе не селились такие миллионеры. Несколько семей пытаются завязать знакомство с интересными и благодаря своему богатству важными чужестранцами; знать, однако, явно предпочитает урожденную графиню Каstellян этому мещанскому отродью

¹⁵³ любовная дружба (фр.)

«господину» Фуше, которому впервые Наполеон (в их глазах такой же авантюрист) накинул на сухие плечи герцогскую мантию. Чиновничество, в свою очередь, получило из Вены тайный приказ по возможности поменьше общаться с ним; так и живет он, некогда столь деятельный, в полнейшей изоляции, почти избегаемый. Один из современников Фуше очень образно описывает в своих мемуарах посещение им одного из публичных балов: «Было странно видеть, насколько любезно принимали герцогиню и как никто не обращал внимания на самого Фуше. Он был среднего роста, плотный, но не толстый, с уродливым лицом. На танцевальных вечерах он постоянно появлялся в синем фраке с золотыми пуговицами, украшенном большим австрийским орденом Леопольда, в белых панталонах и белых чулках. Обычно он стоял в одиночестве у печки и смотрел на танцы. Когда я наблюдал за этим некогда всемогущим министром французской империи, который так одиноко и покинуто стоял в стороне и, казалось, был рад, если какой-нибудь чиновник вступал с ним в беседу или предлагал ему партию в шахматы, – я невольно думал о бренности всякой земной власти и могущества».

Одно только поддерживает этого духовно страстного человека до последнего момента его жизни: надежда еще когда-нибудь, еще хоть раз вернуться в сферу высокой политики. Усталый, истасканный, немного медлительный и уже даже потучневший, он, однако, не может расстаться с иллюзией, что его, столь заслуженного, еще раз призовут к политической деятельности, что судьба еще раз, как уже неоднократно бывало, вырвет его из мрака и снова бросит в божественную игру мировой политики. Он не прекращает тайной переписки со своими друзьями во Франции, старое веретено все еще прядет свои невидимые сети, но они остаются незамеченными под крышами Линца. Он выпускает под вымышленным именем «Замечания современника о герцоге Отрантском» анонимный панегирик, живыми, даже лирическими красками описывающий его талант, его характер. Одновременно в частных письмах он, чтобы напугать своих врагов, неоднократно сообщает, что герцог Отрантский пишет мемуары, что они будут изданы у Брокгауза и посвящены Людовику XVIII; этим он хочет напомнить слишком отважным, что у бывшего министра полиции Фуше есть еще стрелы в колчане, и даже смертельно отравленные. Но странно – никто больше не трепещет перед ним, ничто не избавляет его от Линца, никто и не думает призвать его за советом или помощью. И когда во французском парламенте по какому-то другому поводу ставится вопрос о возвращении изгнанного, о нем вспоминают уже и без ненависти и без интереса. Трех лет, протекших с тех пор, как он покинул мировую арену, оказалось достаточно, чтобы забыть великого актера, который подвизался во всех ролях; молчание простирается над ним, как стеклянный катафалк. Для света не существует более герцога Отрантского; только какой-то старый человек, усталый, желчный и чужой, в угрюмом одиночестве гуляет по скучным улицам Линца. То тут, то там подрядчик или коммерсант вежливо приподымет шляпу перед согбенным, больным стариком, никто его больше не знает и никто о нем не вспоминает. История, этот адвокат вечности, самым жестоким образом отомстила человеку, который всегда думал лишь о мгновении: она заживо похоронила его.

Герцог Отрантский окончательно забыт, и никто, кроме нескольких чиновников австрийской полиции, не замечает того, что в 1819 году Меттерних наконец разрешает герцогу Отрантскому переехать в Триест. Он делает это лишь потому, что знает из достоверных источников – эта маленькая милость оказывается умирающему. Этого беспокойного, жадного до работы человека бездеятельность утомила и подорвала больше, чем тридцать лет каторжной работы. Его легкие отказываются работать, ему вреден суровый климат, и Меттерних дарует ему для смерти более солнечное место – Триест. Там еще можно изредка видеть сломленного человека, который тяжелыми шагами направляется к мессе и, сложив молитвенно руки, преклоняет колена перед скамьями: тот самый Жозеф Фуше, кто четверть века тому назад своими собственными руками разбивал на алтарях распятия, теперь, склонив седую голову, преклоняет колена перед «постыдными знаками суеверия». Возможно, что его охватила тоска по тихим переходам трапезных старого монастыря, в котором он вырос. Что-то в нем совершенно изменилось, этот старый интриган и честолюбец желает лишь мира со всеми своими врагами. Сестры и братья его великого противника, Наполеона, также давно низложенные и забытые светом, приходят навещать Фуше. Они доверчиво болтают с ним о

прошедших временах, и все эти посетители поражены, каким поистине кротким сделала этого человека усталость. Ничто в этой жалкой тени не напоминает больше того страшного и опасного человека, который в течение двух десятков лет дурачил мир и подставлял ножку величайшим людям своего времени. Он жаждет лишь мира, мира и спокойной смерти. И действительно, в свой последний час он примиряется с богом и людьми. Да, он примирился с богом, этот старый воинствующий атеист, гонитель христианства, разрушитель алтарей, в последние дни декабря он посылает за «отвратительным обманщиком» – за священником (так он называл его в майские дни своего якобинства) и с молитвенно сложенными руками принимает соборование. Он примирился и с людьми: за несколько дней перед смертью он приказывает своему сыну открыть его письменный стол и вынуть все бумаги. В камине разжигают большой огонь, в него бросают сотни и тысячи писем, а с ними, вероятно, и те страшные мемуары, перед которыми дрожали сотни людей. Была ли это слабость умирающего или последнее, позднее проявление доброты, страх перед потусторонним миром или грубое равнодушие – во всяком случае, проникшись новым и почти набожным настроением, он, умирая, уничтожил все, что могло скомпрометировать других и чем он мог отомстить своим врагам, впервые, утомленный людьми и жизнью, стремясь вместо славы и власти к иному счастью – к забвению.

26 декабря 1820 года эта своеобразная, отмеченная необычайною судьбою жизнь, начавшаяся в гавани северного моря, заканчивается в городе Триесте на южном море. И 28 декабря тело беспокойного перебежчика и изгнанника предают земле. Известие о смерти знаменитого герцога Отрантского сперва не возбуждает большого любопытства. Только легкий, слабый дымок воспоминаний поднимается на мгновение над его угасшим именем и почти бесследно исчезает в успокоившемся небе времени.

Но четыре года спустя еще раз вспыхивает беспокойство. Распространяется слух, что должны появиться мемуары, написанные тем, кого так страшились. У кое-кого из властителей и у тех, кто спешил слишком дерзко обрушиться на низложенного, пробегает по спине озноб. Неужели еще раз говорят эти опасные уста, теперь уже из могилы? Неужели выплывут на свет из мрака полицейских архивов припрятанные там документы, слишком доверительные письма и компрометирующие доказательства? Но Фуше остается верен себе и после смерти. Мемуары, выпущенные ловким книготорговцем в Париже в 1824 году, так же ненадежны, как и он сам. Даже из могилы не выдает всей правды этот упрямый молчальник, и в холодную землю ревниво уносит он свои тайны, чтобы самому остаться тайной, полумраком и полусветом, образом, не разгаданным до конца. Но именно поэтому снова влечет его тайна к инквизиторскому искусству, в котором он сам мастерски подвизался: по мимолетно промелькнувшему следу воссоздать весь его извилистый жизненный путь и в переменах его судьбы распознать внутреннюю сущность того типа людей, к которому принадлежал этот своеобразнейший политический деятель.